

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

**Записки Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

№ 1

2021

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Забайкальский государственный университет

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества**

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society**

№ 1

2021

Чита
ЗабГУ
2021

**Записки
Забайкальского отделения
Российского исторического общества
№ 1, 2021**

Политика журнала – информировать научное сообщество об исследованиях по отечественной истории, истории Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья. Публиковать результаты оригинальных работ, знакомить общество с новыми тенденциями исторической науки.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение материалов статей. Высказанная в статьях позиция может не отражать точку зрения редакции.

Издаётся с декабря 2021 г.

Язык издания: русский, английский.

Правила для авторов опубликованы в конце издания.

Публикация в журнале бесплатная.

Адрес редакционной коллегии:
672039, Россия, г. Чита,
ул. Александрo-Заводская, д. 30
Забайкальский
государственный университет,
историко-филологический факультет

Главный редактор

Дроботушенко Е. В.,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Чита, Россия)

Редакционная коллегия

Антропов Р. В.,

кандидат юридических наук, доцент
(г. Чита, Россия)

Волочаева А. В., кандидат исторических наук
(г. Чита, Россия)

Камнева Г. П.,

кандидат исторических наук, доцент
(г. Москва, Россия)

Кузнецов В. В.,

кандидат исторических наук, доцент
(г. Чита, Россия)

Ланцова Ю. Н.,

кандидат исторических наук, доцент
(г. Чита, Россия)

Пряженникова М. В.,

кандидат исторических наук, доцент
(г. Чита, Россия)

Сотников С. А.,

кандидат исторических наук, доцент
(г. Москва, Россия)

Сотников А. А.

кандидат исторических наук, доцент
(г. Москва, Россия)

Яремчук О. А.

кандидат исторических наук, доцент
(г. Чита, Россия)

Редактор Е. В. Валюкова
Вёрстка Н. Ю. Добрецькой

Подписано в печать 13.12.2021

Дата выхода в свет 17.12.2022

Формат 60×84/8. Бумага ксерографическая. Способ печати цифровой
Усл. печ. л. 10,3. Уч.-изд. л. 8,0. Заказ № 21183. Тираж 100 экз. (1-й з-д 1–50 экз.)

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

**Notes
of the Transbaikal Branch
of the Russian Historical Society
No. 1, 2021**

The journal's policy is to inform the scientific community about research on Russian history, the history of Siberia, the Far East and Transbaikalia. To publish the results of original works, to acquaint the society with new trends in historical science.

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the materials of the articles. The position expressed in the articles may not reflect the editorial board's point of view.

Published since December 2021.

Edition language: Russian, English.

The rules for authors are published at the end of the publication.

Publication in the journal is free.

Address of the Editorial Board:

672039, Russia, Chita,
Alexandro-Zavodskaya Str., 30
Transbaikal State University,
History and Philology Faculty

Editor-in-Chief

Drobotushenko E. V. *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Chita, Russia)*

Editorial Board

Antropov R. V., *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
(Russia, Chita)*

Volochaeva A. V., *Candidate of Historical Sciences
(Russia, Chita)*

Kamneva G. P. *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Moscow, Russia)*

Kuznetsov V. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Chita, Russia)*

Lantsova Yu. N., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Chita, Russia)*

Pryazhennikova M. V., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Chita, Russia)*

Sotnikov S. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Moscow, Russia)*

Sotnikov A. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Moscow, Russia)*

Yaremchuk O. A., *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
(Chita, Russia)*

Editor E. V. Valyukova
Layout by N. Yu. Dobretskaya

Signed for printing on 13.12.2021

Release date 17.12.2021

Format 60×84/8. Xerographic paper. Digital printing method
CONV. print I. 10,3. Uch.-ed. I. 8,3. Order no. 21183. Circulation 100 copies. (1st plant 1–50 copies)

Printed at FGBOU VO "Trans-Baikal State University"
672039, Chita, st. Alexandro-Zavodskaya, 30

Содержание

Предисловие	6
Мясников А. В. На пользу заводам и науке: сотрудничество А. М. Карамышева и Е. Е. Барбота де Марни	7
Камнева Г. П., Сотников С. А., Сотников А. А. Бытовые условия жизни жён декабристов в Сибири	13
Волочаева А. В. Отчетная документация как источник по истории Нерчинской каторги	18
Мясникова Г. В. Карийские прииски в творчестве писателей XIX – начала XX века	22
Дроботушенко Е. В. Отчёты о деятельности второй Забайкальской духовной миссии и Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания как источники по истории православного миссионерства в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX века	28
Ланцова Ю. Н. Правонарушения в налоговой сфере среди восточных рабочих в дореволюционном Забайкалье	35
Севостьянова Е. В. Организация помощи беженцам в Чите в период Первой мировой войны (1914–1917)	40
Дацьшен В. Г. Забайкалье и советско-китайский конфликт на Китайско-Восточной железной дороге	45
Карасёв С. В. Некоторые вопросы идеологической работы в Квантунской армии в ходе советско-японской войны 1945 года	58
Дроботушенко Е. В. Материалы к истории православия в Читинской области во второй половине 1940-х годов	65
Пряженникова М. В. Организация политико-массовой работы в Читинском государственном педагогическом институте в послевоенный период	72

Contents

Foreword	6
Myasnikov A. V. For the Benefit of Factories and Science: Collaboration of A. M. Karamyshev and E. E. Barbot de Marny	7
Kamneva G. P., Sotnikov S. A., Sotnikov A. A. Living Conditions of Decembrist Wives in Siberia	13
Volochaeva A. V. Reporting Documentation as a Source on the History of the Nerchinsk Penal Servitude	18
Myasnikova G. V. Karian Mines in the Works of Writers of the XIX – early XX Centuries	22
Drobotushenko E. V. Reports on the Activities of the Second Trans-Baikal Spiritual Mission and the Most Detailed Reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession as Sources on the History of the Right-wing Missnership in Transbaikalia in the Second half of the XIX-early XX Centuries	28
Lantsova Yu. N. Violations in the tax Sphere Among Eastern Workers in Pre-revolutionary Transbaikalia	35
Sevostyanova E. V. Organization of Assistance to Refugees in Chita During the First World War (1914–1917)	40
Datsyshen V. G. Transbaikalia and the Soviet-Chinese Conflict on the China-Eastern Railway	45
Karasev S. V. Some Issues of Ideological Work in the Kwantung Army During the Soviet-Japanese War of 1945	58
Drobotushenko E. V. Materials on the History of Orthodoxy in the Chita Region in the Second Half of the 1940s	65
Pryazhennikova M. V. Organization of Political and Mass Work at the Chita State Pedagogical Institute in the Post-war Period	72

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы держите в руках первый номер журнала Забайкальского отделения Российского исторического общества, созданного в декабре 2013 г.

За прошедшие почти девять лет Забайкальское отделение Российского исторического общества крепко встало на ноги. При его непосредственном участии проведено множество самых разных научных и образовательных мероприятий. Это целая череда всероссийских и международных конференций, круглых столов и семинаров.

Богатый, накопленный за прошедшие годы опыт дал повод к возникновению идеи появления своего периодического научного издания.

Редакционная коллегия, несомненно, не может предсказать его дальнейшую судьбу, однако может смело констатировать, что первый опыт удался. Номер получился таким, каким его представляли. Он полностью посвящен различным аспектам региональной забайкальской истории.

Выход из печати первого номера нового регионального издания, по мнению редакционной коллегии, является важнейшей вехой в развитии исторической науки и краеведения в Забайкальском крае. К сожалению, на сегодняшний день аналогичных изданий профессионального исторического сообщества в регионе единицы. «Записки Забайкальского регионального отделения Российского исторического общества» задуманы не как конкурент имеющимся изданиям. Они, на наш взгляд, должны занять свою нишу в научном пространстве региона, поскольку планируется, что на их страницах будут публиковаться материалы только по истории Забайкалья, при этом, носящие строго научный характер. Таких изданий на сегодня в Забайкальском крае нет.

В плане редакционной коллегии сделать издание периодическим, увеличивая количество номеров в году с ростом числа авторов и известности «Записок».

*Е. В. Дроботушенко,
кандидат исторических наук, доцент,
декан историко-филологического факультета
Забайкальского государственного университета*

УДК 622:94
ББК 33:63.3(2)51

**НА ПОЛЬЗУ ЗАВОДАМ И НАУКЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО А. М. КАРАМЫШЕВА И Е. Е. БАРБОТА ДЕ МАРНИ**

Алексей Владимирович Мясников

Редакция сайта журнала «Вокруг света», г. Москва
avmyasnikov@mail.ru

В статье на основе не опубликованных ранее документов описано сотрудничество знаменитого горнозаводского администратора Е. Е. Барбота де Марни и выдающегося ученого XVIII в. А. М. Карамышева. Впервые публикуются отрывки из писем де Марни Карамышеву. Прослеживается, как в ходе их совместной работы проводились технические опыты, разрабатывалась идея о влиянии природных катастроф на формирование рельефа Забайкалья, а также велась подготовка к созданию первого за Байкалом музея.

Ключевые слова: *Нерчинские заводы, А. М. Карамышев, Е. Е. Барбот де Марни, геологические исследования Сибири, минеральные кабинеты*

**FOR THE BENEFIT OF FACTORIES AND SCIENCE:
COLLABORATION OF A. M. KARAMYSHEV AND E. E. BARBOT DE MARNY**

Alexey V. Myasnikov

Editorial Office of the Website of the Magazine "Around the World", Moscow
avmyasnikov@mail.ru

The article describes the cooperation of the famous mining administrator E. E. Barbot de Marny and the outstanding scientist of the XVIII century A. M. Karamyshev on the basis of previously unpublished documents. Excerpts from Barbot de Marny's letters to Karamyshev are published for the first time. It is traced how in the course of their joint work, technical experiments were carried out, the idea of the impact of disasters on the formation of the relief of Transbaikalia was developed, and preparations were made for the creation of the first museum beyond Lake Baikal.

Keywords: *Nerchinsk plants, A. M. Karamyshev, E. E. Barbot de Marny, geological studies of Siberia, mineral cabinets*

История знает немало случаев, когда встреча двух выдающихся личностей породила живую искру сотрудничества, приводила к замечательным открытиям, способствовала появлению новых интересных идей. Таковой была и встреча замечательных ученых, подвижников горного дела России – Александра Матвеевича Карамышева и Егора Егоровича Барбота де Марни.

Она произошла в 1780 г. на восточной окраине Российской империи, в Нерчинском Заводе, горнозаводской столице Забайкалья. Там, у подножия горы Крестовой еще в конце XVII в. было получено первое российское серебро, построен первый сереброплавильный завод, который дал начало крупному промышленному селению, где находилась администрация – Нерчинское горное начальство, ведавшее всеми рудниками, горными заводами,

а также приписанными к ним деревнями, лесами и пашнями. Таким образом, в подчинении этой администрации состоял гигантский административный, территориально-хозяйственный и промышленный комплекс, известный под названием Нерчинских заводов. Расцвет заводов пришелся на 1760–1770-е гг., когда ими управлял Василий Иванович Суворов, двоюродный брат знаменитого полководца. При нем заводы давали в среднем 459 пудов в год, а всего было выплавлено 5 162 пуда серебра. Затем отмечалось снижение производительности предприятий. В конце 1779 г. скоропостижно скончался командир Нерчинских заводов Иона Венедиктович Аршеневский. Эта новость сильно обеспокоила иркутского губернатора Франца Николаевича Кличку, в административном подчинении которого находилось Забайкалье. Он опасался, что Нерчинские заводы, оставшись

без начальника, рачительного хозяина, придут в окончательный упадок. Среди иркутских служащих, представителей местного высшего света, Кличка знал только одного человека, способного возглавить обширное горнозаводское владение – директора Иркутской банковской ассигнационной конторы, выпускника Упсальского университета, ученика выдающегося натуралиста К. Линнея, педагога и знатока минералогии Александра Матвеевича Карамышева. 11 января 1780 г. Он и получил от губернатора ордер на пост председателя канцелярии Нерчинского горного начальства. В документе содержалось обоснование назначения: «Я своего выбора ни на кого из состоящих здесь чинов кто бы к нынешнему временному над производившимися в Нерчинских заводах работами смотрению по тому горному искусству мог быть способным, положить не могу, кроме вас, ибо отличное по горным производствам ваше знание и самую Берг коллегию данным вам аттестатом свидетельствуется» [1, л. 333 об.].

Екатерине II губернатор поспешил доложить, что отправил Карамышева за Байкал «с таковым упованием, что он в нынешнее его означенными заводами правление по отличному знанию горных производств и по всеподданнической службе не упустит приложить тех успехов, какие к поправлению того места следуют» [10, л. 9 об.–10].

Так, совершенно неожиданно, банкир по должности и натуралист по призванию возглавил горные заводы Даурии. 31 января он прибыл в Нерчинский Завод, а уже с 3 февраля официально приступил к исполнению обязанностей начальника, точнее – председателя Канцелярии Нерчинского горного начальства.

Нерчинский край и состояние горно-промышленного комплекса Забайкалья произвело на нового руководителя удручающее впечатление, о котором он не преминул сообщить Кличке: «Заводы сами по себе не имели никакого основания. Плавка руд проводилась без правил и исчисления. Заводы обнажены всеми неминуемо нужными припасами и имели вид, что действуют только для того, чтоб не быть праздными, а не к государственной пользе» [1, л. 339 об.].

Еще сильнее его впечатлило бесправное положение горнозаводских крестьян и самодурство чиновников, смотрителей и старост, о чем Кличка также получил известие: «Правители и наставники крестьян за исключением нескольких в моих глазах более на хищников и разстроителей походили и имели вид более тиранических обладателей, нежели людей определенных к соединению общественной селян пользы

с государственным благосостоянием» [Там же, л. 339 об.]. Всех, кто злоупотреблял властью, Карамышев обещал снять с должностей.

Неудивительно, что одни из первых его решений касались кадровых перестановок. Например, первого члена Канцелярии Нерчинского горного начальства Павла Егоровича Томилова он отстранил от должности и отправил в Шилкинский Завод на должность управителя. Томилов – талантливый инженер, изобретатель, не уличенный в злоупотреблениях, явно был недоволен своим новым назначением, и в дальнейшем говорил, что терпел со стороны Карамышева притеснения [3, л. 399]. Его обиду понять можно. Ведь первый член канцелярии был, по сути, заместителем начальника заводов, потеря этой должности воспринималась шагом назад по крутой карьерной лестнице.

На освободившуюся должность Карамышев пригласил секунд-майора Егора Егоровича Барбота де Марни. Почему именно на этой кандидатуре Александр Матвеевич остановил свое внимание?

Возможно, на выбор повлиял послужной список Барбота де Марни и его репутация хорошего ответственного специалиста. Он родился в 1743 г. в семье французского дворянина Жоржа (Егора) Барбота де Марни, состоявшего на русской военной службе. Детство Егора Егоровича прошло в гарнизонах. С восьми лет он числился на военной службе, изучал французский и немецкий языки. В 1755 г. был переведен в шляхетский корпус, в 1775 г. в чине секунд-майора прибыл на службу в Нерчинский горный батальон – подразделение, созданное для охраны Нерчинских заводов. Именно тогда он познакомился со знаменитым командиром заводов Василием Ивановичем Суворовым, которого вскоре сменил Василий Васильевич Нарышкин. О Нарышкине впоследствии слагали легенды. В 1776 г. он создал из каторжан, бурят и тунгусов Красный даурский полк и повел его войной на Иркутск. Приказами, уговорами и даже угрозами командир полка попытался заставить Барбота де Марни принять чин полковника и участвовать в авантюрном походе. Перечить Нарышкину мало кто смел, но Барбот де Марни категорично заявил, что не станет подчиняться и отправился обследовать рудники. Нарышкин же дойдя до Удинска, сдался властям, после чего предстал перед судом Сената. Егор Егорович, доказав преданность власти, некоторое время фактически руководил заводами, а затем по приказу И. В. Аршеневского руководил строительством селения при Газимурском заводе.

Выбрав такого заместителя, Карамышев мог полагаться на его решительность, административный и строительный опыт. К тому же Барбот де Марни увлекался минералогией, знал несколько иностранных языков и был отличным собеседником.

Несомненно, у двух образованных, увлеченных наукой людей, почти одинакового возраста (Карамышеву было 36, а Барботу де Марни 35 лет), попавших волею судеб в сибирскую глушь было много общих тем для разговоров. Они быстро сработались и стали хорошими товарищами. Карамышев относился к Барботу де Марни с глубочайшим уважением, характеризовал его как неутомимого, ревностного и жаждущего познания сотрудника [8, с. 135].

В марте 1780 г. Егор Егорович доставил в Иркутск записку своего руководителя о состоянии Нерчинских заводов, и видимо, давал какие-то пояснения губернатору Кличке. Тот настолько проникся проблемами Нерчинских заводов, что пообещал содействовать их решению и приказал выплачивать Карамышеву двойное жалованье [10, л. 13 об.].

После возвращения Барбота де Марни в Забайкалье Карамышев обсудил с ним идеи технического переустройства заводов, которые бы позволили увеличить количество выплавлявшегося серебра. Одна из них состояла в том, чтобы построить печи с эллиптической внутренней конфигурацией, за счет чего увеличить температуру плавления и сэкономить немало средств. Но прежде чем внедрять новшества, – рассудили товарищи, – необходимо более тщательно проанализировать работу рудников и заводов.

С этой целью Барбот де Марни в конце апреля – начале мая совершил инспекторскую поездку до Кутомарского завода. По пути осмотрел Благодатский, Зерентуйский, Килгинский, Кадаинский, Третье-Казаргинский рудники, Богородицкий и Явленский рудники, Екатеринбургский завод. В путешествии с ним случился «болезненный припадок», сильно осложнивший работу. Сейчас сложно установить, какой именно недуг сразил Барбота де Марни. Впрочем, он признавал, что «подвержен припадкам», следовательно, заболевание было хроническим и периодически напоминало о себе. Однако оно не помешало Егору Егоровичу выполнить задачу и написать обстоятельный отчет.

Он сообщил, что в большинстве рудников крепи старые, ненадежные, а новые делаются из тонких бревен. Особенно негативный отзыв был дан о качестве креплений в Михайловском и Кадаинском рудниках: «Старые горные крепления Михайловского и Кадаинского рудни-

ков должны неминуемо исправлены быть, как то она столь дурны, а наипаче в первом, что осаждения гор опасатся должно» [2, л. 62 об.]. По его мнению, на рудниках было недостаточно офицеров, следивших за работами, потому весь контроль над добычей руд принадлежал штейгерам, «верность и знания которых нарочито сумнительны» [Там же, л. 63]. Другими серьезными недостатками были названы отсутствие на местах планов рудников и названий у штолен, шахт и других горных выработок, что осложняло проверки и подготавливало почву для различных злоупотреблений.

Обратил он внимание и на ошибки при разборе руд: «В наших рудниках добываемая кусками руда разбирается зимою, от чего происходит, что инеем покрытые куски нечисто отбиваются от породы, наши прежние разборы худы, а в отвалах великое множество хорошей руды остается» [Там же, л. 63 об.]. Егор Егорович был убежден, что если хорошо промыть отвалы Михайловского, Кадаинского, Зерентуйских рудников, то содержание серебра в них оказалось бы не меньше, чем в самих рудах(!).

По просьбе Карамышева Барбот де Марни проводил в путешествии геологические исследования, старался выявить закономерности в расположении горных цепей Даурии. Изучение гор представлялось ему, тогда еще не достаточно опытному ученому, особенно сложным, о чем он и признавался в отчете: «Определение цепи гор к которой стороне свое наклонение имеет, для меня суть наитруднейшею задачею быть кажется. Я сего положительным разом утвердить не могу, а тем менее доказать, но при всем том думать должно что оне склоняются к той стороне, к которой горы уменьшатся начинают и где наконец в равнинах плоскости земной исчезают; то есть к востоку. Сему я тем более верю, что разделение пород составляющих здешние горы в моих глазах склоняется от запада к востоку. Разделением горных пород почитаю я то, что ряды известковых гор переменяются рядами от запада к востоку идущих дресвянниковых и к тому роду принадлежащих гор. Что же до склонения рудных в наших известковых горах находящихся жил принадлежит; так оные полагаю я имеют всем вообще наклонение от N-W к O-S или от северо-запада к востоку-югу, которою полоскою надежнейшие из известных нам жил (склоняются) идут и по которой большая часть признаков нахаживались» [Там же, л. 63 об.–64].

Эти наблюдения и догадки сложно было назвать серьезным исследованием, что признавал и сам Барбот де Марни. Но так накапливался фактический материал, собиралась информация для размышлений и дискуссий.

На Кутомарском заводе Егор Егорович впервые провел опыты по плавке в печи с эллиптической конфигурацией нутра и счел их успешными. Состоянием же работы самого завода остался недоволен. «Малое количество выплавляемого в сем заводе свинца и убогость содержания оного серебром, – докладывал он Карамышеву, – по моему мнению не от чего иного происходит, как от дурного разбора прежних годов Кадаиских верхних работ» [1, л. 75]. Тем самым Барбот де Марни указывал на то, что ни рудники, снабжавшие завод сырьем, недостаточно эффективно работают, и одна из причин тому – недочеты в разборе руд.

Карамышев, получив донесение об этой поездке, решил обязать руководителей рудников составлять планы, именовать выработки, лучше делать крепи, провести опыты по сортировке и промывке руд, больше внимания уделять вопросам рудообогащения. Руководителям рудников он объяснял, что, прежде всего, необходимо «познать толщину и глубину рудных жил», а только потом приступать к их выработке, настаивал на том, чтобы больше внимания уделять разбору и сортировке руд. С целью улучшения контроля качества поставляемого на заводы сырья, добился от Берг-коллегии присылки нового оборудования и реактивов для главной Нерчинско-Заводской химической лаборатории и небольших лабораторий при рудниках и заводах [4, л. 18]. Особой его заботой стало внедрение плавильных печей новой конструкции.

На заседании 20 мая Нерчинского горного начальства он объявил, что нашел выгоду «иметь внутренность плавильных печей так устроены как в прилагаемых от него планах» [5, л. 160] и показал всем присутствовавшим чертежи, по которым управители заводов должны были переделать внутренние полости печей. О кардинальной перестройке в его проекте речи не шло, так как она требовала немало времени, денежных затрат и грозила обернуться недоплавкой серебра.

Однако первые же попытки перестроить печи на новый манер потерпели неудачу. Управители заводов жаловались, что реконструкция создавала неоправданные затруднения, причем количество проплавленных руд не возрастало [Там же, л. 164 об.]. В подтверждение своей правоты они приводили сравнительную таблицу, в которой напротив профилей внутреннего устройства старых и новых печей указывалось количество проплавленных руд, затраченного угля.

Одновременно с этим по всему краю велись поиски горного, или огнеупорного кам-

ня, подходящего для выкладки внутреннего пространства плавильных печей. Такой камень был найден на реке Улов, впадающей в Шилку. Исследованием Уловского месторождения горного камня по поручению Карамышева занялся штейгер Иван Мелехин. Он сообщил, что в ходе шурфовки в пади Кулинда на глубине пяти аршин выявил «плотно слоистый белой вообще искрасна желтой камень в большом количестве с наклоном в гору» [9, л. 25 об.]. В четырех с половиной верстах от указанного места он зафиксировал место, где ранее уже добывали огнеупорный камень «вида скрасна желтый песчанного свойства» [Там же, л. 27]. Затем образцы горного камня с разных мест подверглись испытаниям в лаборатории, после чего белый уловский камень хотя и был признан пригодным для выкладки печей, но еще долго был предметом дискуссий и различных исследований.

Тем временем Карамышев предпринял эксперименты по обжигу руд. По его чертежам рудообжигательные печи были построены на Кутомаре и недалеко от Павловского рудника. В ходе их эксплуатации выяснилось, что обжиг сопряжен с большими расходами топлива, привлечением большого количества работников, а, соответственно, экономически не выгоден. Барбот де Марни, хотя и поддерживал начинания Карамышева и принимал активное участие в его опытах, вынужден был признать, что обожженные руды с высоким содержанием железа плавятся хуже сырых.

Несмотря на такой итог, опыты Карамышева не стоит считать провальными. Его заслуга состоит в том, что он впервые в истории Нерчинских заводов предпринял попытку внедрить обжиг как неотъемлемую часть технологической цепочки. Рудознатцы убедились в необходимости улучшать методику обжига, обогащения руд, экспериментировать с составом шихты. В дальнейшем опыты по обжигу, а заодно и сортировке руд были проведены Барботом де Марни только в 1789 г. Несомненно, при их организации учитывались все достоинства и недостатки карамышевских преобразований.

В насыщенном графике заводского администратора Карамышев находил время для любимого дела – изучения природы. Тем более, что сама служба горного начальника подразумевала частые поездки по рудникам, организацию поисков и исследований месторождений полезных ископаемых. На одно из таких месторождений – кряж Адун-Челон – его заставил обратить внимание рядовой на первый взгляд случай. Рудокопщик Матвей Заусаев доложил ему, что еще в 1776 г., при командире В. В. Нарышки-

не, ездил на этот горный массив для поиска серебросодержащих руд и цветных камней. В распадке Студеный ключь Заусаев бил шурф и наткнулся на большое количество цветных камней. Однако вознаграждение за открытие, как это часто бывает, достались совсем другим людям. Несчастный открыватель самоцветов просил вознаградить его усилия и восстановить справедливость [1, л. 115].

Удовлетворена ли была просьба Заусаева, неизвестно. Зато точно известно, что Карамышев съездил на Адун-Челон, осмотрел места, где рабочие добывают минеральное сырье и распорядился продолжать разрабатывать месторождение. Организованные им работы остались в памяти рабочих, и нашли отражение в топонимике: один из Адун-Челонских отрогов носит название Карамышевского.

На Адун-Челоне Карамышев заинтересовался горой Тутхалтуй. По его наблюдениям, она состояла из перемешанных с «песчаным камнем» мелких кристаллов кварца, разбитых топазовых щеток на кварцевом основании, глины с включениями цинка, аквамарин, фрагментов свинцового блеска с серебром, известняка. Такое «перемешанное положение сказанных пород» натуралист объяснил катастрофой – сильным землетрясением, которое обрушило некогда высокую гору Тутхалтуй [11, с. 87].

Впрочем, во время путешествий Карамышеву приходилось видеть и горы, названные им «пластовыми». Так во время путешествия по реке Шилке он осмотрел величественный утес Полосатик, сложенный многочисленными слоями осадочных пород. Александр Матвеевич насчитал в утесе 16 слоев, описал их, упомянув, что подобная достопримечательность есть еще на реке Улове.

Подлинные записи натуралиста об исследовании даурских гор, в том числе и Адун-Челона, к сожалению, не сохранились. О них мы можем судить по статье «Забайкальские геогностические замечания», опубликованной Г. И. Спасским в 1821 г.

Исследуя горы Даурии, Карамышев задавал себе вопросы о геологическом прошлом края, возрасте найденных горных пород. Ответить на них – осторожно и в то же время восторженно, поэтично – он попробовал в письме другу Хемницеру: «Китайцы, как повествуют путешественники и уверяют Мунгалы, почитают свою твердую землю за древнейшую из всех: следовательно ископаемые их должны быть всех других древнее. На первый взгляд мнение сие покажется вздорным, но если кто сличит горы и камень, составляющие крутизны Аргуни и Шилки, яко одинаковой породы

с Китайскими, если их, говорю я, сличит кто с Европейскими горами, то едва ли не подумаешь одинаково с Китайцами. Какую оказывают древность камни! И самый гранит, кажущийся упорствовать вечности, находится местами в разрушенном состоянии. На орлецах и других кремнистых породах найдешь ты известковую обливку. Как переломаны горы! И как опять вновь нанесены!» [8, с. 135].

Красоты Даурии и ее естественная история вдохновили Карамышева на создание полноценной коллекции местных минералов. Он через Канцелярию горного начальства рассылал подчиненным указания собирать минеральный кабинет, стал задумываться о том, как пополнить нерчинскими образцами собрание Горного училища в Петербурге.

Своими научными идеями Карамышев делился с Барботом де Марни. Вместе они работали над переводом статьи Т. Бергмана об анализе минералов с помощью паяльной трубки, присланной П. С. Палласом, планировали продолжить изыскания, собирать материалы для минерального кабинета. Барбот де Марни уже начинал привозить из поездок образцы минералов, руд, заводских продуктов.

Но на осуществление многих замыслов просто не хватало времени. Постоянные разъезды, проверки, встречи с чиновниками не способствовали планомерному сбору коллекций. К тому же в августе 1780 г. Нерчинские заводы посетил Франц Кличка, встречи и проводы которого оказались весьма хлопотным делом. В конце того же месяца из Сената в Канцелярию Нерчинского горного начальства пришло известие о том, что краем и его горными заводами скоро будет управлять новый командир – генерал-майор Бекельман. О Карамышеве в документе не было ни слова.

Это означало, что ему придется оставить начатые проекты и уезжать из Забайкалья. Александр Матвеевич, не зная как быть дальше, обратился к губернатору за разъяснениями: «Прошу повеления, ожидать ли мне здесь прибытия определенного сюда начальника, или поруча правление заводов кому приказать изволите, возвратится в Иркутск к настоящей моей должности» [1, л. 313–313 об.].

Кличка, для которого новость о назначении Бекельмана, похоже, тоже была неожиданной, ответил: «Предписываю, как определенного в Нерчинские заводы командира господина генерал майора Бекельмана приезда в границы иркутской губернии еще не слышно, а через посторонние слухи известен я, что он ближе генваря месяца будущего 1781 г. быть сюда не может, то по сему вашему высокоблагородию

советую, нынешнее ваше в заводах правление продолжить до прибытия уже вновь определенного начальника» [1, л. 314].

Слухи, упомянутые губернатором, оказались верными. Бекельман прибыл в Забайкалье в 1781 г. Карамышев с семьей уезжал в Иркутск. Провожать его вышли сослуживцы и каторжане. Последние выбежали с криками: «Ты нас одел, обул, даже работы наши облегчал по силам нашим, больных лечил, завел для нас огороды, заготавливал годовую для нас пищу, и мы не хуже ели других» [9, с. 61]. На лице Александра Матвеевича блестели слезы... [Там же, с. 61].

Он мог быть доволен, что за короткое время добился увеличения добычи серебра с 349 до 458 пудов, попытался внедрить прогрессивные технологии и улучшить быт обывателей. Его научные идеи и поиски тоже не пропали даром. Подобно семенам, что упали в благодатную почву, они дали всходы и несколько лет спустя проросли в трудах Барбота де Марни.

Егор Егорович, став начальником Нерчинских заводов, развил идеи своего товарища и бывшего руководителя. Например, в 1788 г. создал в Нерчинском Заводе минеральный кабинет, ставший первым музеем за Байкалом и просуществовавший до 1920-х гг.

Вслед за Карымышевым Барбот де Марни отстаивал тезис о грандиозной катастрофе, потрясшей Даурию в далеком прошлом. Интересно, что доказательства катаклизма Барбот де Марни также искал на Адун-Челон и обращал внимание на «неоднородность» и «грубость» пород кряжа. Тот факт, что здесь можно увидеть гранитную гору, на поверхности которой лежат глыбы кварца, а неподалеку тянутся холмы, сложенные известняком и гранитом, по его мнению, объясним только стихийным бедствием.

Он утверждал, что на территории Забайкалья существовал большой хребет с двумя большими «ветвями», две большие «ветви», одна из которых доходила до Байкала, а другая – до Аргуни и Шилки. Все даурские горы были вулканами, да и озеро Байкал обязано своим происхождением вулканам. «После того,

как большой вулкан на Байкале осел или обвалился, вода поднялась и затопила весь наш край вплоть до китайской горы, по ту сторону от нее не находится признаков наводнения. Камни и земля, смытые этой водой, отложились в конце концов на первые горы и плато, которые по моим предположениям тогда существовали, неоднородно, как мы и наблюдаем. Эта вода потушила наши вулканы, обвалила их, разрушила некоторые из их вершук, оставив только малое количество из них, которые создали новые слои или новые горы, как мы видим. Здесь дальше не находится никаких следов морского окаменения (возможно, имеются ввиду морские отложения – прим авт.), дальше мы совсем не видим никаких признаков лавы, камня... Именно этой перемене мы обязаны неоднородностью, в которой нагромождены наши горы» [7, л. 4 об.].

Барбот де Марни предполагал, что гора Тут-Халтуй на Адун Челоне также была подвержена разрушениям и представляет собой остатки большой горы, «сверженной во впадину вследствие большого землетрясения» [Там же].

Продолжил он и исследования горы Полосатик, начатые Карымышевым. Характеризуя стратиграфию этой достопримечательности, он выделил не 16, а 27 слоев, состоявших в основном из песчаника и глины с включениями кварца [6, л.123, 124]. Образцы горных пород и минералов с Полосатика хранились в личной коллекции Барбота де Марни и минеральном кабинете Нерчинского Завода.

Скорее всего, Карамышев знал об успехах своего бывшего подчиненного. Возможно, он слышал и об открытии в Нерчинском Заводе музея. Однако нам пока неизвестно, продолжал ли он интересоваться даурскими делами, переписывался ли с Барботом де Марни. Поэтому мы можем только констатировать, что об их кратковременном сотрудничестве в Забайкалье известно немного. Но даже по приведенной выше информации, очевидно, что оно было чрезвычайно плодотворным и полезным для развития науки и культуры Сибири.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 123.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 193.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 194.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 196.
5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 260.
6. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 262.
7. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 272.
8. Об опытной фифке к разысканию ископаемых // Горный журнал, или Собрание сочинений о Горном и Соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся. СПб.: Тип. Эксп. загот. гос. бумага, 1828. Кн. IV. С. 130-136.

9. Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Александр Матвеевич Карамышев. Л.: Наука, 1975. 133 с.
10. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 24. Оп. 1. Д. 58.
11. Спасский Г. И. Забайкальские геогностические замечания (извлечены большею частью из записок покойного надворного советника А. М. Кармышева) // Сибирский вестник. 1821. Ч. 16. С. 83–95, 406–418.

Мясников А. В. – корреспондент, редакция сайта журнала «Вокруг света», г. Москва, Россия, avmyasnikov@mail.ru

Myasnikov A. V. – Correspondent, Editorial Office of the Website of the Magazine “Around the World”, Moscow, Russia, avmyasnikov@mail.ru

УДК 94/94
ББК 63.3(2)521

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ЖЁН ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ

**Галина Петровна Камнева^{1✉}, Сергей Александрович Сотников²,
Андрей Александрович Сотников³**

^{1,2,3}Московский государственный областной университет, Москва

¹kamnevagp@gmail.com, ²sergey@histr.ru, ³microlabuss@mail.ru

В статье говорится о подвиге жен декабристов, последовавших за мужьями на каторгу. Актуальность выбранной темы связана с тем, что подвиг декабристов и их жен – это знаковое событие отечественной истории, которое изменило ценностные ориентиры российского общества, заставило внимательнее присмотреться к таким категориям, как нравственность, русский характер, долг, честь, совесть. Декабристы стали одной из самых привлекательных легенд отечественной истории. Во многом именно жены, последовавшие за ними в ссылку, прославили декабристов.

Ключевые слова: декабристы, жены декабристов в Сибири, быт ссыльных декабристов и их жен, правосудие царской России, ценностные ориентиры жен декабристов

LIVING CONDITIONS OF DECEMBRIST WIVES IN SIBERIA

Galina P. Kamneva^{1✉}, Sergey A. Sotnikov², Andrey A. Sotnikov³

^{1,2,3}Moscow Region State University, Moscow

¹kamnevagp@gmail.com, ²sergey@histr.ru, ³microlabuss@mail.ru

The article tells about the feat of the Decembrist wives who followed their husbands to hard labor. The relevance of the chosen topic is related to the fact that the feat of the Decembrists and their wives is a significant event in Russian history, which changed the value orientations of Russian society, made us look more closely at such categories as morality, Russian character, duty, honor, conscience. The Decembrists have become one of the most attractive legends of Russian history. In many ways, it was the wives who followed them into exile that glorified the Decembrists.

Keywords: the Decembrists, the wives of the Decembrists in Siberia, the life of the exiled Decembrists and their wives, the justice of tsarist Russia, the values of the Decembrist wives

В современное время, когда ценность многих нравственных ориентиров снизилась, именно исторический опыт, подвиг и трагедия реальных личностей могут помочь изменить ситуацию – дать материал и инструменты для нравственного воспитания, возрождения традиций тех исторических эпох, которые давали людям, искренне верных своему долгу, отвечающих за обещания, способных к самым искрен-

ним и красивым чувствам, при этом беззаветно любящих свое Отечество.

Бытовые условия жизни декабристов и их жен в Сибири были тяжелыми, дополнительные сложности создавали местные власти, которые действовали под давлением императора и его окружения. Важность этого факта в том, что в таких условиях поступок женщин, действительно, обретает черты подвига.

Николай I приказал генерал-губернатору Восточной Сибири Лавинскому всячески препятствовать жёнам добраться до мужей. Поэтому в Иркутске их запугивал губернатор Цейдлер. Без его разрешения они не могла тронуться в путь дальше. Долго им пришлось бороться с искусственными заслонами и преградами. Губернатор даже, сказавшись больным, несколько недель не допускал их до себя [4, с. 11]. Но упорство первых женщин, прибывших в Сибирь – Трубецкой и Волконской – победило Цейдлера.

Например, Трубецкая провела в Иркутске почти полгода. Однако женщина была тверда в своём решении. В это же время в Иркутске находилась Мария Николаевна Волконская. Позже ситуация повторялась с каждой из жен декабристов. Так, Анненкова задержалась в Иркутске на два месяца, губернатор уговаривал ее вернуться, как раньше уговаривал Трубецкую и Волконскую. Но Полина была непреклонна и в конце февраля последовала дальше.

В течение 1827–1828 гг. все жены декабристов прибыли в Сибирь. Е. П. Нарышкина приезжает в Читу в мае 1827 г., почти одновременно с ней туда прибывают А. В. Ентальцева, Н. Д. Фонвизина, А. И. Давыдова.

Губернатор заставил их подписать документ, выработанный петербургским секретным комитетом. Они его подписали. Условия, на которые соглашались женщины, описаны в дневнике М. Н. Волконской:

«1. Жена, следуя за своим мужем и продолжая с ним супружескую связь, сделается естественно причастной его судьбе и потеряет прежнее звание, то есть будет уже признаваема не иначе, как женою ссыльно каторжного, и... принимает на себя переносить всё, что такое состояние может иметь тягостного, ибо даже и начальство не в состоянии будет защищать её от ежечасных могущих быть оскорблений от людей самого развратного, презрительного класса, которые найдут в том как будто некое право считать жену государственного преступника, несущую равную с ними участь, себе подобною; оскорбления сии могут быть даже насильственные. Закоренелым злодеям не страшны наказания.

2. Дети, которые приживутся в Сибири, поступят в казенные заводские крестьяне.

3. Ни денежных сумм, ни вещей многоценных с собой взять не дозволено; это запрещается существующими правилами и нужно для собственной их безопасности по причине, что сии места населены людьми, готовыми на всякого рода преступления.

4. Отъездом в Нерчинский край уничтожится право на крепостных людей, с ними прибывших» [3].

П. Е. Анненкова описывает расписку, которую давали женщины по приезду в Сибирь: «Я, нижеподписавшаяся, имея непреклонное желание разделить участь моего мужа, государственного преступника NN, верховным уголовным судом осужденного, и жить в том заводском, рудничном или другом каком селении, где он содержаться будет, если то дозволится от коменданта Нерчинских рудников г. генерал-майора и кавалера Лепарского, обязуюсь, по моей чистой совести, соблюсти нижеописанные предложенные мне им, г. комендантом, статьи; в противном же случае и за малейшее отступление от поставленных на то правил подвергаю я себя законному осуждению» [1].

Жены декабристов были ограничены в свободе получения, отправления писем и денег иначе, этот процесс контролировало тюремное начальство. Свидание с мужьями разрешались два раза в неделю, только с разрешения начальства и в том месте, которое им же будет отведено. Николай I лично добавил ряд ограничений.

П. Е. Анненкова отмечает в своем дневнике: «Во все время нашего пребывания в Чите мы не имели права держать наши деньги у себя, и должны были отдавать их коменданту, а потом просить всякий раз, когда являлась нужда в них; в расходах мы отдавали отчет коменданту и представляли счета» [Там же].

На первый взгляд – жесткие и бесчеловечные условия. Однако необходимо напомнить, что Сибирь в начале XIX в. – это «дикий край», где женщинам, тем более детям из аристократических семей выжить было сложно. Кроме того, государство не могло брать на себя обязательства по защите жен декабристов. В отношении детей декабристов ситуация также неоднозначная, вероятно, государство просто их защищало от «отцов-преступников» и матерей, которые жертвовали своей и жизнью невинных детей.

Принимая все это во внимание, все же нельзя не заметить, что государство и лично император не делали женам декабристов поблажек. Напротив, власть оказалась мстительной и не милосердной. Женщины попали в самые суровые условия: бытовые, психологические, природные, социальные. Именно такая обстановка подчеркнула подвиг жен декабристок, заставила общество следить за ними и сопереживать их судьбе.

Жены приняли все условия и получили разрешение ехать в Сибирь. Наш взгляд, особое значение имел опыт первых женщин, которые

«проложили путь другим жёнам декабристов в Сибирь». Первопроходцами были представительницы самых аристократических родов из всех жен декабристов – княгиня Волконская и Екатерина Трубецкая. Объяснение этого поступка – нравственность, долг перед мужем, долг перед обществом, неизбежный результат воспитания девушек того времени – их готовили с детства к жертвам во имя семьи. После того, как первые женщины отправились за мужьями в Сибирь, поднялась волна общественного сочувствия, интереса к их судьбам, что побудило остальных жен декабристов последовать их примеру. В противном случае общественность их бы не поняла, и скорее всего, осудила.

Необходимо заметить, что общество того времени строилось на особых мировоззренческих основаниях. Например, славянофилы и представители русской философии ввели понятие «соборность» для обозначения специфики русского характера. Соборность для дореволюционного общества – способ общественной жизни, то есть все российские жены декабристов воспитывались в этой атмосфере, они мыслили этими категориями. Понимая эту особенность, поступки жен декабристов становятся более разумными.

В Сибири женщины попали в неблагоприятную обстановку. Из Петербурга «давили» на местное руководство с целью заставить жен декабристов вернуться домой, так как постепенно проблема судьбы декабристов приобрела политический подтекст, поэтому власти прилагали все усилия, чтобы заставить женщин вернуться. Известно достаточно много фактов, показывающих давление, унижение и прямое оскорбление женщин в сибирской ссылке. Например, когда Екатерина Трубецкая прибыла в Большой Нерчинский Завод, начальник рудников Бурнашёв потребовал подписать новые ограничения. Они касались бытовых условий, распорядка жизни, периодичности встреч с мужем, распределения денежных средств и др. Следует заметить, что для дворянства подобные ограничения были нетипичны, в отличие от низших слоев, поэтому для них это унижение, возможно, даже самое серьезное.

Николаевский режим оказался злопамятным и мстительным. На каторге декабристов и их жен пытались уничтожить морально и физически. Скорее всего, жены декабристов не подозревали, что ждет их в Сибири. Например, приехав в Благодатский рудник и увидев сквозь щель тюремного забора мужа, бывшего князя, в кандалах, в куцем тулупчике, Полина Анненкова упала в обморок. Она так описывает свою первую встречу с мужем в Сибири:

«Я сошла поспешно, но один из солдат не дал мне поздороваться – он схватил Ивана Александровича Анненкова за грудь и отбросил назад. У меня потемнело в глазах от негодования, я лишилась чувств и, конечно, упала бы, если бы человек не поддержал меня... Только на третий день моего приезда привели ко мне Ивана Александровича. Он был чище одет, чем накануне, потому что я успела уже передать в острог несколько платья и белья, но был закован и с трудом носил свои кандалы, поддерживая их. Они были ему коротки и затрудняли каждое движение ногами. Сопровождали его офицер и часовой, последний остался в передней комнате, а офицер ушел и возвратился через два часа.

Невозможно описать нашего первого свидания, той безумной радости, которой мы предались после долгой разлуки, позабыв все горе и то ужасное положение, в каком мы оба находились в эти минуты» [1].

Мемуары княгини Волконская доказывают тот факт, что женщины надеялись на милосердие императора, они рассчитывали, что своим поступком заставят его смягчить свою позицию: «Первое время нашего изгнания я думала, что оно, наверное, кончится через пять лет, затем я себе говорила, что это будет через десять, потом через пятнадцать лет, но после 25 лет я перестала ждать, я просила у Бога только одного: чтоб он вывел из Сибири моих детей» [3].

Остается вопрос, приехали бы жены декабристов в Сибирь, если бы знали, что проведут там остаток своей жизни?

Однако следует признать, что все невзгоды женщины переносили очень достойно. Во время встреч с мужьями женщины нередко подвергались моральным унижениям и физическому насилию. Женщины часами сидели на большом камне возле тюрьмы, чтобы увидеть мужей или перекинуться с ними несколькими словами. Анненкова отмечает, что «Коменданта в это время не было в Чите, но на другой день он вернулся и тотчас по возвращении своем пошел к Александре Григорьевне, извинился за пьяного офицера и обещал, что вперед дамы не будут подвергаться подобным грубостям, а офицера, как виноватого, от нас перевел. История эта могла кончиться очень печально для заключенных, если бы только Лепарский был другой человек, но этот великодушный старик умел всегда всех успокоить» [1].

Женщины отправили жалобу в Петербург. Эту жалобу подхватила общественность, в газетах появились заметки об унижении и насилии в отношении жен декабристов. Импера-

тор и власти были вынуждены отступить и постепенно условия жизни декабристов, да и их мужей стали лучше.

Княгиня Волконская писала в своих мемуарах: «Однажды Каташа (Трубецкая) застудила ноги, на свидание с мужем к тюремному забору она пришла в старых, изношенных ботинках, потому что новые она изрезала для теплых шапочек, сшитых для мужа и его товарищей. Она пожертвовала своим здоровьем, чтобы их головы были прикрыты от бесконечно падающих осколков руды. У Каташи не оставалось больше ничего. Она, привыкшая к изысканной кухне отца, ела кусок черного хлеба и запивала его квасом» [1]. Фактически женщины жертвовали собой, своим здоровьем, здоровьем своих детей, ради поддержки мужей.

Описывая этот период, Анненкова отмечала: «В те дни, когда нельзя было идти в острог, мы ходили к тыну, которым он был окружен, первое время нас гоняли, но потом привыкли к нам и не обращали внимания. Мы брали с собою ножики и выскабливали в тыне скважинки, сквозь которые можно было говорить; иногда садились у тына, когда попадался под руку какой-нибудь обрубок дерева» [3].

Княгиня Волконская так описывали сибирские зимы: «Я переехала Байкал ночью при жесточайшем морозе: слеза замерзала в глазу, дыхание казалось леденело. В Верхнеудинск, небольшом уездном городке, я не нашла снега; почва там такая песчаная, что вбирает в себя весь снег; то же самое происходит и в Кяхте, в нашем пограничном городе, – холод там ужасный, но нет санного пути» [Там же].

Однако к декабристам часто относились с жалостью. Поэтому, когда гнев императора ослаб, то и давление на жен декабристов ослабло.

Следует признать, что приезд, эта жертва жен была очень важна для декабристов. Это их психологически поддержало, не дало «сломаться», не позволило просить царизм о «пощаде», как раз этого пытался добиться император. В воспоминаниях современниках тех событий есть много указаний на важность приезда жен для декабристов. Так о приезде Полины Анненковой И. Д. Якушкиным было замечено, что «без неё он (декабрист Анненков) бы совершенно погиб» [5, с. 533].

Тяжелый период бытовой жизни декабристов был не продолжительным – 4–5 лет. Затем с заключенных сняли кандалы, из них потом были сделаны кольца и браслеты, которые носили все жены декабристов. Разрешили встречаться каждый день, потом разрешили поселиться вместе с мужьями, потом даже тем

ссылным, которые не были на поселении, разрешили жить со своими семьями вне тюрьмы в собственных домах [2].

У Анненковой, Давыдовой, Фонвизиной и других были огороды, на которых они выращивали различные овощи, имелся в наличие домашний скот. Анненкова, описывая свой быт, пишет об огороде: «...развела около своего домика; тут неподалеку была река, и с северной стороны огород был защищен горой. При таких условиях овощи мои достигли изумительных размеров» [1].

Обстановка в домах, где проживали жены декабристов, была самой скромной – минимум мебели, исключение – княгиня Волконская, у которой было пианино. Родственники присылали из России декабристам одежду, белье, чернила, бумагу, сахар, вино, кофе, шоколад, мыло и т. д.

В период проживания в Иркутске декабристы так описывали Екатерину Ивановну Трубецкую: «В простом платье, с большим вышитым белым воротником, широкая коса уложена корзинкой вокруг высокой черепаховой гребенки, спереди, с обеих сторон спускаются длинные, завитые локоны, лучистые глаза, искрящиеся умом, сияющие добром и божьей правдой» [5, с. 566].

Условия жизни на поселениях для женщин так же были сложными, так Анненкова описывает, как однажды ее чуть не убил из-за денег местный крестьянин, которому она до этого помогла устроить свадьбу.

Годы, проведенные в Сибири, сильно повлияли на здоровье женщин. Первой умерла Муравьева (в 1832 г.) в Петровском Заводе, Ивашева (в 1839 г.) – в Туринске. В Благодатском руднике Трубецкая отморозила себе ноги, потому что ходила в истрепанной обуви.

Последние годы жизни Екатерина Ивановна все реже и реже выходила из дома, и, в конце концов, из-за ревматических болей ей пришлось передвигаться по комнатам в деревянном кресле на колесах. Нежная забота мужа и детей, конечно, продлила ее земные дни, но, к сожалению, ненадолго. Всю весну и лето 1854 г. княгиня проболела. Она уже не вставала с постели, ее мучил сухой кашель, и врачи, старавшиеся облегчить ее участь, оказались бессильны. В 7 часов утра 14 октября 1854 г. Екатерина Ивановна скончалась на руках мужа и детей. Говорили, что в последний путь жену «государственного преступника» провожал весь Иркутск. Современники писали, что такие многолюдные похороны этот город видел впервые. Гроб с телом покойной несли монахини женского Знаменского монастыря,

в стенах которого и нашла свой последний приют Е. И. Трубецкая.

Таким образом, несмотря на постепенные послабления, бытовые условия жизни декабристов в Сибири остались сложными, что повлияло на их здоровье и определило раннюю кончину.

Можно сделать следующие выводы:

1. В ссылке жены декабристов попали в самые суровые условия: бытовые, психологические, природные, социальные. Именно такая обстановка подчеркнула подвиг жен декабристок, заставила общество следить за ними и сопереживать их судьбе.

2. Жены декабристов не подозревали о тех условиях, которые их ждали в Сибири. Они надеялись на милость императора и скорую амнистирую. Однако, когда этого не произошло, они не жалели о своем поступке и достойно переносили трудности.

3. Жены декабристов своими поступками доказывали верность семье и долгу. В тяжелых условиях их характер закалялся, а миссия становилась более понятной. Женщины не представляли личное счастье без мужей, так как их воспитание отвергало индивидуальные блага, и придерживалось коллективных.

Жены декабристов не были однородны ни по происхождению, ни по своему мировоззрению. Все женщины отличались по уровню образованности, достатка, были из разных социальных слоев, разного возраста, культурная и социальная среда каждой из них имела свою специфику (некоторые были иностранками). Общее социальной и культурной среды жен декабристов – гражданское воспитание, чувства долга, соборности, и готовности к жертвенному подвигу ради нравственного идеала, которым стало для них служение мужьям.

Список литературы

1. Анненкова П. Е. Записки жены декабриста (мемуары Полины Анненковой). Текст: электронный // Музей декабристов. URL: <http://decemb.hobby.ru/index.shtml?memory/annenk> (дата обращения: 06.05.2021).
2. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Ч. 2. Текст: электронный // Литература и Жизнь. URL: http://dugward.ru/library/belyaev/belyaev_vospom_dekabrista2.html (дата обращения: 06.05.2021).
3. Волконская М. Н. Записки (мемуары). Текст: электронный // Lib.ru. URL: http://az.lib.ru/w/wolkonskaja_m_n/text_zapiski.shtml (дата обращения: 06.05.2021).
4. Оксман Ю. Г. Декабристы: отрывки из источников. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 483 с.
5. Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма декабриста / ред. и ком. С. Я. Штрайха. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 740 с.

.....
Камнева Г. П. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и Нового времени, Историко-филологический институт, Московский государственный областной университет г. Москва, Россия, kamnevagp@gmail.com

Сотников А. А. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и Нового времени, Историко-филологический институт, Московский государственный областной университет г. Москва, Россия, sergey@histr.ru

Сотников С. А. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средних веков и Нового времени, Историко-филологический институт, Московский государственный областной университет г. Москва, Россия, microlabuss@mail.ru

.....
Kamneva G. P. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Historical and Philological Institute the Moscow Region State University, Moscow, Russia, kamnevagp@gmail.com

Sotnikov A. A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Historical and Philological Institute Moscow Region State University, Moscow, Russia, sergey@histr.ru

Sotnikov S. A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern times, Historical and Philological Institute Moscow Region State University, Moscow, Russia, microlabuss@mail.ru

.....

УДК 93/94
ББК 63.2:63.3(2)52

ОТЧЕТНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НЕРЧИНСКОЙ КАТОРГИ

Анна Владимировна Волочаева

Забайкальский государственный университет, г. Чита
rossav1@yandex.ru

В статье дан анализ отчетной документации местных органов власти и тюремной администрации Нерчинской каторги, отчетов инспекторских проверок и ведущих органов тюремного ведомства Российской империи (Главного тюремного управления), выявлены особенности данного вида исторических источников по изучению каторги в Забайкалье. В работе представлены как официально опубликованные отчеты чиновников тюремного ведомства, так и неопубликованные архивные документы из архивов Российской Федерации (Чита, Иркутск, Владивосток, Москва, Санкт-Петербурга).

Ключевые слова: исторический источник, отчетная документация, тюремная статистика, ссылка в каторжные работы, Нерчинская каторга

REPORTING DOCUMENTATION AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE NERCHINSK PENAL SERVITUDE

Anna V. Volochaeva

Transbaikal State University, Chita
rossav1@yandex.ru

The article presents an analysis of the reporting documentation of local authorities and the prison administration of the Nerchinsk penal servitude, reports of inspection inspections and the leading bodies of the prison department of the Russian Empire (the Main Prison Administration), and identifies the features of this type of historical sources for the study of penal servitude in Transbaikalia. The paper presents both officially published reports of prison officials and unpublished archival documents from the archives of the Russia (Chita, Irkutsk, Vladivostok, Moscow, St. Petersburg).

Keywords: historical source, reporting documentation, prison statistics, link to hard labor, Nerchinsk penal servitude

Отчеты различных министерств и ведомств любого государства и органа государственной власти являются очень важным историческим источником по изучению различных проблем в развитии страны, реализации реформы и др.

В российском источниковедении отчеты рассматриваются как вид делопроизводственной документации, к которой отнесены ещё, обзоры, рапорты, сводки, донесения, доклады, а также – как вид статистических исторических источников (в случае присутствия в них информации в цифрах) [26, с. 259, 389]. По истории Нерчинской каторги отчетная документация является самым информативным источником, наряду делопроизводственной документацией и нормативно-правовыми актами.

Цель данной статьи – представить основные отчетные документы по истории Нерчинской каторги от разных государственных ве-

домств и структур и определить возможности их применения при анализе процесса реформирования системы каторжных работ в России во второй половине XIX в.

Официально опубликованная отчетная документация представлена материалами деятельности Главного тюремного управления (ГТУ) – специализированный орган государственной власти, наделенный полномочиями управления всей пенитенциарной системой Российской империи с 1879 г. [23] – замечаниями инспекторов от ГТУ или представителей комиссий по тюремной реформе, составленных по итогам их командировок на Нерчинскую каторгу. Для историков важными являются следующие отчетные документы по деятельности Главного тюремного управления: «Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления» [31], «XV лет деятельности

Главного тюремного управления» [1], «Отчет по ГТУ за 1886 год» [33] и др. В данных документах представлены отдельные проблемы, с которыми столкнулось ведомство при осуществлении пенитенциарной реформы в Российской империи (тюремные помещения, убыточность каторжных работ, управление, надзор и содержание заключенных и др.), основные направления преобразований (например, каторга), итоги реформ.

Среди отчетных документов по итогам командировок на Нерчинскую каторгу инспекторов от ГТУ и членов комиссий по тюремной реформе в работе важными являются: конфиденциальный отчет коллежского советника Власова [2]; записки начальника ГТУ М. Н. Галкина-Враского [25]; извлечения из отчета чиновника особых поручений при Минюсте Д. А. Дриля по командировке в 1896 г. [28]; извлечения из отчета бывшего начальника ГТУ А. П. Саломона [30]; отчет начальника ГТУ С. С. Хрулева о служебной поездке в 1909 году в Иркутскую губернию и Забайкальскую область [27]; извлечения из отчета о служебной поездке Начальника ГТУ П. К. Грана в Сибирь в 1913 г. [24]. В данных документах инспекторы тюремного ведомства дают общую характеристику каторги в Нерчинском горном округе, а также представляют отдельные проблемы реализации наказания ссылкой в каторжные работы (те же проблемы, которые позже отражены в общих отчетах ГТУ). При этом инспекторы ГТУ высказывают собственное мнение по поводу данного наказания, обращая внимание либо на сохранение этого вида наказания (например, М. Н. Галкин-Враский) или определяя его ненужность и несоответствие новым условиям жизни (Д. А. Дриль). В этом аспекте исследование данных исторических источников позволяет увидеть разногласия на высшем уровне управления пенитенциарной системы по поводу способов ее реформирования, особенно ярко это просматривается на примере организации каторги и ссылки.

В официальном распоряжении историков также есть опубликованные отчеты генерал-губернаторов Восточной Сибири или Приамурья (16.06.1884 г. Забайкальская область была изъята из ведения Восточно-Сибирской администрации и передана в состав Приамурского генерал-губернаторства; 17.03.1906 г. вновь включена в состав Иркутского генерал-губернаторства, где была до 1917 г. [29]), например, отчет С. М. Духовского [6]; также обзоры Забайкальской области как приложения к отчетам Военного губернатора Забайкальского края (за 1879, 1886–1896, 1898 гг.) [32]. Преимуществом

данных документов является то, что в них отражены основные места каторги на территории Забайкалья, а также статистическая информация, необходимая для анализа состава уголовных и политических преступлений, количества совершенных преступлений в конкретном отчетном году (в том числе и рецидив). Также опубликованы отдельные протоколы заседаний и отчеты Совета Забайкальского отделения общества попечения о семьях ссыльнокаторжных (устав общества утвержден в 1891 г.) [34], в которых есть информация об организации Зерентуйского детского приюта и по другим вопросам.

Отчетные документы среди архивных документов представлены также отчетами военных губернаторов Забайкальской области, годовыми отчетами Управления нерчинскими ссыльнокаторжными (в 1890-е гг. – Управление Нерчинской каторги) [7, л. 7–11; 8, л. 8–14 об.; 16, л. 277–277а], а также ведомостями о ссыльнокаторжных [9, л. 1–4; 13, л. 1 об. – 13], донесениями и рапортами горного начальства и заведующих каторжными в разных местах о побегах преступников и их поимке, заработанных средствах и выполнении каторжных и других работ [10, л. 2–19; 11, л. 28–33; 12, л. 7–7 об.; 15, л. 2–3]. Данные документы находятся в различных фондах Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) г. Чита: фонд 1 (Забайкальское областное правление) – общераспорядительный, тюремный, политический, врачебный отделы [например: 7–13]; фонд 28 – Управление Нерчинской каторги [17]; фонд 93 – Горное отделение Главного управления Восточной Сибири [18]; фонд 13 – Военный губернатор Забайкальского края [14; 15]; фонд 19 – Забайкальский статистический комитет [16]. Более подробно анализ фондов ГАЗК по теме Нерчинской уголовной каторги представлен в другой нашей работе [4, с. 34–36]. Кроме подробной статистической информации в документах архива (часто это рапорты) содержится также подробная отчетная информация, например о порядке довольствия арестантов на Нерчинской каторге [12, л. 7–7 об.], отражается изменение названий управлений и их перемещение по территории Нерчинского горного округа и др.

Также статистические сведения по Нерчинской каторге за 1890-е гг., ведомости и сметы расходов по ее содержанию, отчеты по управлению и содержанию каторжных, находящихся на отдельных участках постройки Забайкальской железной дороги представлены в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Вла-

дивосток) – фонды 702 (Канцелярия приамурского генерал-губернатора), 1 590 (заведующий командами ссыльнокаторжных на 5-м участке постройки Забайкальской железной дороги) [37, л. 25–36; 38, л. 74–75; 39, л. 206–208 об.].

В фондах Иркутского государственного архива Иркутской области (г. Иркутск) отчетные документы представлены в копиях отчетов ГТУ, а также рапортами заведующих каторжными – фонд 25 (Канцелярия иркутского генерал-губернатора) и фонд 712 (Горное отделение Главного управления Восточной Сибири) [19, с. 161–163; 20, л. 19–20].

Незаменимыми, с точки зрения систематизации информации, а также подробной статистики, являются фонды Государственного архива Российской Федерации (г. Москва) фонд 29 (Управление Нерчинской каторги) и фонд 122 (Главное тюремное управление). Среди отчетной документации архива представлены подробные отчеты ГТУ по организации каторжных работ в Забайкалье, статистическая информация о преступниках (по возрасту, вероисповеданию, преступлениям и др.), то, что по какой-либо причине не представлено в местных архивах [21, л. 1–7 об.; 22, л. 2–38].

Также отдельные отчеты военных губернаторов Забайкальской области за 1870-е и 1890-е гг., а также отчеты комиссий по проверке рудников в 1860-е гг. представлены среди документов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) – фонды 1284 (Департамент общих дел МВД) и 1405 (Министерство юстиции) [35, л. 67–67 об.; 36, л. 147 об.–151]. Данные документы

дополняют имеющиеся документы региона, а при отсутствии последних за отдельные годы, восполняют пробелы исторической информации.

Таким образом, отчетная документация как вид делопроизводственных и статистических исторических источников представлена в большом объеме, а также комплексно представлена на разных уровнях власти, в масштабе всей страны как в опубликованных, так и в архивных материалах. В условиях реформирования системы каторжных работ в России в XIX в. данный источник информации позволяет определить различные стороны этого процесса – основные проблемы, существовавшие в системе каторги, и направления ее преобразования, органы власти, ответственные и привлеченные к реализации проектов реформирования, система взаимодействия между различными ведомствами и структурами по этому вопросу, результаты проведения реформ. Конечно, данные вопросы необходимо рассматривать с другими документами в комплексе (например, с предложениями местной власти или отдельных чиновников), в том числе и с нормативными источниками [3]. Также в отчетной статистической документации представлен социальный, половозрастной состав преступников, их семейное положение, вероисповедание. Для комплексного анализа последнего необходим анализ еще другой документации, представленной в личных делах каторжных и других источниках, что представлено в нашей работе [5]. Особенно это важным является при изучении периода до начала 1880-х гг., когда не было единых форм отчетности в пенитенциарной системе страны.

Список литературы

1. XV лет деятельности Главного тюремного управления // Тюремный вестник. 1894. № 6. С. 300–312.
2. Власов. Краткий очерк неустройств, существующих на каторге: конфиденциальный отчет. [Б. м.]: [б. и.], 1873. 56 с.
3. Волочаева А. В. Местная власть и реформа каторжной системы во второй половине XIX века (на примере Нерчинской уголовной каторги) // Сибирская ссылка: сборник научных статей / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. Иркутск: Отгиск, 2013. Вып. 7. С. 374–385.
4. Волочаева А. В. Нерчинская уголовная каторга второй половины XIX века в документах Государственного архива Забайкальского края: материалы науч.-практ. конф. к 100-летию гос. архивной службы России. Воронеж: Фаворит, 2018. С. 33–38.
5. Волочаева А. В. Численность и состав преступников Нерчинской уголовной каторги во второй половине XIX века // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Иркутск: Отгиск, 2009. Вып. 5. С. 336–372.
6. Выписки из всеподданнейшего отчета Приамурского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта Духовского (1893, 1894, 1895 годы) // Тюремный вестник. 1896. № 1. С. 22–31.
7. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Вр. о. Оп. 2. Д. 217.
8. ГАЗК. Ф. 1. О. о. Оп. 1. Д. 529.
9. ГАЗК. Ф. 1. О. о. Оп. 1. Д. 1475.
10. ГАЗК. Ф. 1. О. о. Оп. 1. Д. 1736.
11. ГАЗК. Ф. 1. О. о. Оп. 1. Д. 9030.
12. ГАЗК. Ф. 1. Т. о. Оп. 1. Д. 100.
13. ГАЗК. Ф. 1. Т. о. Оп. 4. Д. 144.

14. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 87.
15. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 3. Д. 11 (ОЦ).
16. ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 384.
17. ГАЗК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 5.
18. ГАЗК. Ф. 93. Оп. 1. Д. 26
19. ГАИО (Государственный архив Иркутской области). Ф. 25. Оп. 28. Д. 84. Картон 1368.
20. ГАИО. Ф. 712. Оп. 1. Д. 562.
21. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 29. Оп. 1. Д. 1119.
22. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 2593.
23. Главное тюремное управление при Министерстве юстиции. Текст: электронный // Путеводители по российским архивам. URL: <https://guides.rusarchives.ru/funds/glavnoe-tyuremnoe-upravlenie-pri-ministerstve-yusticii-1879-1917> (дата обращения: 07.05.2021).
24. Гран П. К. Каторга в Сибири. Извлечения из отчета о служебной поездке начальника ГТУ П. К. Грана в Сибирь в 1913 году. СПб.: Типография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1913. 53 с.
25. Записки начальника ГТУ Галкина-Враского, по командировке его в Сибирь и на о. Сахалин в 1881–1882 гг. СПб.: [б. и.], 1888. 99 с.
26. Источниковедение: учебник для вузов / А. В. Сиренов [и др.]; под ред. А. В. Сиренова. М.: Юрайт, 2020. 396 с.
27. Каторга в Сибири. Отчет начальника ГТУ С. С. Хрулева о служебной поездке в 1909 году в Иркутскую губернию и Забайкальскую область. СПб.: [б. и.], 1910. Ч. 2. 108 с.
28. Каторга и ссылка на Сахалин, в Приамурский край и в Сибирь. Извлечение из отчета чиновника особых поручений при Министерстве юстиции, магистра уголовного права Дриля Д. А. по командировке в 1896 году (к делу по проекту уголовного уложения). СПб.: [б. и.], 1898. 25 с.
29. Константинова Т. А. Забайкальская область. Текст: электронный // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=481> (дата обращения: 07.05.2021).
30. Нерчинская каторга (из отчета бывшего начальника ГТУ А. П. Саломона) // Тюремный вестник. 1900. № 10. С. 471–485.
31. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления. 1879–1889. СПб.: [б. и.], 1890. 197 с.
32. Обзор Забайкальской области за 1879 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Забайкальского губернатора. Чита: [б.и], 1879.
33. Отчет ГТУ за 1886 год // Юридический вестник. 1888. № 11. С. 503–507.
34. Протоколы заседания Совета Забайкальского отделения, состоящего под Августейшим покровительством государыни императрицы Марии Федоровны, общества попечения о семьях ссыльнокаторжных // Забайкальские областные ведомости. 1895. № 49. С. 2–5.
35. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1284. Оп. 223. Д. 225.
36. РГИА. Ф. 1405. Оп. 58. Д. 6614.
37. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 702. Оп. 4. Д. 108.
38. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 165.
39. РГИА ДВ. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 5.

.....
Волочаева А. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, e-mail: rossav1@yandex.ru

Volochaeva A. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of History Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, rossav1@yandex.ru

.....

УДК 82.2:93/94
ББК 63.3(2)52:84.2

КАРИЙСКИЕ ПРИИСКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Галина Васильевна Мясникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита
chita131957@yandex.ru

На речке Каре, притоке Шилки, в 1838 г. было открыто крупное месторождение золота. Это открытие дало начало карийским золотым приискам, которые прославились как место ссылки и каторги. Во многом их известности способствовало творчество писателей, которые бывали на приисках. В статье на основе их произведений и архивных данных проанализирован образ Кары, созданный известными в свое время литераторами: Ф. М. Мокеевым, С. С. Синегубом, А. А. Черкасовым, В. Я. Кокосовым.

Ключевые слова: Карийские золотые промыслы, каторга, история литературы Забайкалья, писатели

KARIAN MINES IN THE WORKS OF WRITERS OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Galina V. Myasnikova

Transbaikal State University, Chita
chita131957@yandex.ru

In 1838 a large gold deposit was discovered on the Kare River, a tributary of the Shilka river. This discovery gave rise to the Karian gold mines, which became famous as a place of exile and hard labor. Mainly their fame was promoted by the creativity of writers who visited the mines. The author of the article on the basis of their works and archival data analyzes the image of Kara, created by famous writers at the time: F. M. Mokeev, S. S. Sinegub, A. A. Cherkasov, V. Ya. Kokosov.

Keywords: Karian gold mines, hard labor, Transbaikal literary history, writers

Горный инженер А. И. Павлуцкий в 1838 г. открыл в Нерчинском округе на реке Каре крупное золотоносное месторождение. Это открытие дало начало Карийским золотым приискам, которые были знамениты не только в Забайкалье, но и далеко за его пределами. Прежде всего, о них говорили как об ужасном каторжном месте, где ради крупиц драгоценного металла губятся тысячи человеческих жизней. Впрочем, подобное можно было сказать почти о любом прииске Сибири, но о Карийских приисках просвещенные европейцы обстоятельно узнали благодаря писателям, оказавшимся здесь в силу разных обстоятельств. Творческих людей не могли не впечатлить тяжелый труд под свист плетей, окрики казаков, кандалный звон в дремучей тайге, крупницы золота в заскорузлых руках старателей. Некоторые из таких впечатлений послужили основой для создания стихов, песен и рассказов.

В Забайкалье особой популярностью пользовалась «Песнь о Разгильдеевщине», извест-

ная также под названиями «Историческая быль 1850 года», «Было на Каре». Впервые отрывок из нее опубликовал в рукописном журнале «Нерчинско-Заводский наблюдатель» Иван Васильевич Багашев. В коротком «предуведомлении» к песне он сообщил, что ее автор Филипп Матвеевич Мокеев, отбыв срок наказания на Каре, вышел на поселение. О биографии поэта Багашев не сумел найти достоверных сведений, но упомянул, что Мокеев «совсем спился и опошился до того, что стал невыносим даже для тех лиц, которые до крайности имели к нему участие и прощали его поведение» [6, с. 204].

Мокеев (ок. 1830 – ок. 1880) был сыном московского купца. Проводил годы юности в пирушках. О своих развлечениях поэт сообщал:

Попью столетнего с игрою
Повеселюсь в последний раз
Потом пущай отец с роднею
Пусть колят в бровь иль прямо в глаз.

Похоже, родители не одобряли и не финансировали его «увлечения». Поэтому Мокеев воровал деньги у отца. Во время очередного застолья, он стал свидетелем грабежа и убийства но не доложил о преступлении властям, за что и был приговорен к каторжным работам.

На Каре Мокеев застал время разгильдеевских преобразований. В упомянутой песне он описал массовые перемещения людей:

«Из Петровского завода
Пришло разного народа
Семьсот человек.
И не путы, и не воры,
И не каторжны народы
просто молодцы.
С Кутомары, с Акатуя,
Лишь беду эту почуя,
Много разбеглось.
С Алгачей, Клички и Дучары
Пили туже горьку чару
И шли на Кару.
С Благодатского и Горной,
Народ власти непокорный,
Плакали да шли.
Опустел завод Нерчинский
И промысел Култуминский -
Весь народ в Каре».

В песне Разгильдеев предстает очень жестоким человеком, готовым ради золота свести в землю тысячи людей:

«Всех судеб один вершитель,
Горный царь и управитель –
В Нерче важный чин.
Все леса верст за полсотни
Приказал казачьей сотне
Для рабочих спин
Изрубить на розги, палки,
Благо каторжных не жалко..
Что жалеть скотин!
Запорю насмерть я груду,
Злата в день найду по пуду,
Я ль не господин?
Не одну забил в гроб тыщу...
Пусть собаки злато ищут,
Здесь я царь один!
Так хвалился злой начальник,
Кровопийца и охальник,
Разгильдеев сын».

В этом произведении нашла отражение и страшная эпидемия тифа, разразившаяся на Каре в 1850 г.:

«Те ж работы работали...
Хоронить не успевали
Мертвые тела.
Всяку ночь к белу рассвету
И с работ, и с лазарету

Убыль велика.

Трупы тел в амбар таскали
И в поленницы там клали
На обед мышам».

Окончание правления Разгильдеева автор песни славил как великое благо и просил бога не лишать жизни рабочих, да оберегать нового начальника – Оскара Александровича Дейхмана.

Мокеевская песня была доработана народными исполнителями и самодеятельными поэтами. В разных вариантах ее неоднократно публиковали в газетах и книгах. Сейчас очень сложно восстановить изначальный авторский текст. Наиболее же полную, сборную «Песнь о разгильдеевщине», из опубликованных текстов, рукописей, фольклорных записей составил краевед В. Ф. Балабанов [1, с. 340–350].

Стоит заметить, что песня была не единственным популярным поэтическим произведением о разгильдеевщине. Исследователям известно еще несколько народных песен об этом времени.

Не по своей воле на Каре оказался и другой поэт – Сергей Силович Синегуб. В 1872 г. он будучи студентом Петербургского технологического института вошел в революционный кружок чайковцев, занимался революционной пропагандой среди столичных рабочих. Синегуб заключил фиктивный брак с дочерью сельского священника Ларисой Чемодановой, мечтавшей присоединиться к революционному движению и освободиться от «семейного гнета». Но вскоре выяснилось, что они любят друг друга. Брак из фиктивного превратился в настоящий. В 1873 г. Синегуба арестовали и приговорили к 10 годам каторжных работ с последующим бессрочным поселением в Сибири. На Кару он прибыл в 1878 г. Как и многие каторжане, трудился в разрезах, снимал торф. Через год его перевели в вольную команду. На каторгу за Сергеем Силовичем последовала его жена с грудным сыном Сергеем.

Кару, несмотря на все страдания, Синегуб представлял как чудесное творение природы, которое было осквернено тюрьмами:

«Горные кряжи с их тайгами,
всегда изумрудными,
С их отвесными скалами чудными,
Молчаливою армией грозною
Обступили Кару златоносную.
А Кара меж отвалами роется
И, ревя, день и ночь беспокоится.
Ропщет, злится струя её мутная,
Что какая-то сила беспутная
Её область свободную, горную
Осквернила неволей позорною».

Некоторое время на Каре жил другой забайкальский поэт-самородок – Порфирий Федорович Масюков. О его биографии сохранились отрывочные сведения. Он родился в 1848 г. в семье бедного священника, служившего в Кутомарском заводе. Завод этот был основан еще во времена Екатерины II. На нем плавил серебро и свинец. Масюкову с детства хорошо были знакомы картины бедняцкой жизни горнозаводских рабочих, клейменные лица бесправных каторжан. Он очень рано начал писать стихи, в основном сатирические. В юности учился в Нерчинском духовном училище, но из-за слабого здоровья так и не закончил обучение. Стараясь заработать на кусок хлеба, плотничал и пахал. В поисках работы приехал на Кару и занялся различными работами по «вольному найму». Здесь он получил возможность детально изучить быт рабочих, узнать истории их судеб, которые по сути отражали историю горного дела края. Свои наблюдения и впечатления Масюков записывал в стихотворной форме.

В стихотворении «Нищий» он не только описал страдания бедноты, но и кратко изложил процесс упадка Нерчинских заводов и становления золотодобывающей промышленности, в котором, разумеется, фигурировала Кара. Так поэт охарактеризовал положение рабочих на горных заводах:

«В штат завода Кутомарского
Малолетком он попал
И, трудясь для блага царского,
В нем руду сортировал.
Восемнадцать только минуло –
Стал пошире лишь в плечах –
И тот час в работу полную
Был поставлен при печках.
Потянулся труд томительный
День за днем для бедняка
В атмосфере отвратительной
Колчедана, мышьяка.
Отравлялась жизнь кипучая
Пред пылающим шестком
И нередко розга жгучая
Расправлялась с бедняком!...»

Далее автор, очевидно, сообщал о переводе рабочих на Кару в 1850 г.:

«Тут пора настала новая –
Приисковая пора:
Шахтама нашлась суровая
И страшилище – Кара;
Опустели шахты горные,
Опустел и наш завод,
И в Кару, в трущебы темные,
Отовсюду шел народ.

И вот, в силу повеления,
Сын неволи и труда,
Полный рабского терпения,
Наш бедняк пошел туда.
Там с убийцею мучения
Одинакие сносил:
Тот страдал за преступления,
Он страдал за то, что жил.
Голод лютый, труд томительный
С вечным страхом жгучих лоз,
Весь гнет варварский мучительный,
Разгильдеевский гнет снес» [4, с. 17, 18].

На Каре Масюкова постигла неудача. Он быстро разорился и вынужден был переехать на золотые промыслы в верховьях Амура. Там он работал сторожем на частных приисках, познакомился с политическими ссыльными П. Д. Баллодом, С. С. Синегубом, А. В. Прибылевым. Затем перебрался в Благовещенск, где устроился работать смотрителем соляного магазина. В 1894 г. не без помощи новых знакомых издал в Благовещенске сборник своих стихов под названием «Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья». Все свободное время поэт посвящал творчеству, мечтал об издании нового сборника. Но в 1903 г. Масюков скончался от брюшного тифа. В 1959 г. при помощи краеведа Е. Д. Петряева в Чите вышел сборник стихов Масюкова «Отголоски». Эта небольшая книжка карманного формата, хотя и была выпущена тиражом 5 тысяч экземпляров, уже стала библиографической редкостью.

Таким образом, в творчестве поэтов XIX в. Кара предстала перед читателем ужасным, оскверненным неволей местом. Несколько иную Кару попытался показать горный инженер и писатель Александр Александрович Черкасов. В очерке «Кара» он подробно описал не только свои приключения на Карийских приисках, но и местную природу, нравы карийцев, дал характеристики многим сослуживцам. Из этого произведения мы узнаем, что в 1857 г. его, молодого, только начинавшего службу специалиста, перевели из Култуминского рудника на Верхне-Карийский промысел. Дурная слава о Каре гремела тогда по всему краю. Черкасов, узнав о назначении, подумывал даже отказаться: «Слезы навертывались на глаза, и я не знал, что мне делать то ли поупрямиться и протестовать, то ли просить начальство об изменении этого распоряжения, то ли, наконец, смириться, собираться и ехать, а ехать из благословенной Аркадии в патентованную каторгу мне было не по душе и не по сердцу» [7, с. 400].

На Верхней Каре Черкасов познакомился с отставным горнорабочим, опытным зверо-промышленником Дмитрием Кудрявцевым, который стал его верным товарищем и спутником по охоте. Кудрявцев не только охотился, но и приобретал за различные припасы у орочен пушнину. Подобные сделки проводились всегда под честное слово, без всяких подписей и поручительств. Когда находилось время, Черкасов вместе с Кудрявцевым обследовал окрестности Кары, охотясь на косуль и глухарей. Писатель приобрел у него косуленка и назвал его Ванькой. Позже он с большой любовью писал об озорных выходках Ваньки, его дружбе со свирепым охотничьим псом Танкредом.

Обжившись, Черкасов считал Верхний промысел не самым худшим и угрюмым из Карийских приисков. По его словам, Верхняя Кара жила, «держась своих преданий да особо усвоившихся понятий о жизни на каторге» [7, с. 406]. Он отмечал, что заключенные, попавшие сюда, редко переводились в другие места, жили дружнее, чем на других промыслах, побег, соответственно, совершали реже.

Немало добрых воспоминаний сохранил Черкасов о самобытных талантах карийцев. Благодаря его запискам, читатели знают, о карийской певице Прасковье, обладательнице чудесного меццо-сопрано, исполнявшей душевные песни о приисковой юдоли. «Действительно, Прасковья до того входила в свою роль простонародной русской певицы, что решительно всех приковывала на том месте, кого где захватил передаваемый ею мотив. В нем она вылила, кажется, все, что только могло таиться в ее наболевшей груди по милой родине. Тут выливалась тоска, целое море какого-то горя о чем-то пережитом, давно прошедшем, и слышались слезы, которые – увы! – не помогут страдальце и не возвратят ее красных дней, ее задушевной тайны... в песне не было вселых переходов, нет, весь ее мотив – это глубокая тоска, прочувствованное горе» [Там же, с. 437]. Люди, заслышав ее песни, бросали работы и подолгу молчали. Иногда Прасковья пела вместе с подругами. К сожалению, Черкасов не упомянул, какие именно песни исполняла карийская примадонна. Кто знает, может, в ее репертуаре были песни на стихи Мокеева и других, неизвестных нам, ушедших в забвение самородков? Кстати, в одном из очерков писатель восхищался талантом карийского соловья Дмитрия Шилова, мастерски исполнявшего задушевные русские народные и каторжные песни. Он прославился тем, что совершил, возможно, самый необычный побег с каторги. Когда арестанты шли под конвоем на работы,

Шилов запел так, что стражники, расчувствовавшись замерли, каждый задумался о чем-то своем. А певец на глазах у замороженных конвойных медленно ушел в лес. Конечно, потом его поймали, увеличили срок заключения за побег. Выйдя на свободу Шилов женился, жил на Верхнем промысле и руководил хором из 60 человек.

И все-таки картины природы, быта и нравов – важная, но не основная часть очерка «Кара». Красной нитью по ходу повествования проходит конфликт Черкасова с ревизором Артемием Матвеевичем Крюковым, прибывшим на Кару с намерением выявить противозаконные действия приискового руководства. Крюков был довольно известной в Сибири персоной. Сын разорившегося кяхтинского купца, выпускник Троицкосавского народного училища, он много занимался самообразованием и изо всех сил стремился стать чиновником. Сдав экзамены на звание уездного учителя, Артемий Матвеевич получил чин губернского секретаря. В 1841 г. привлекался по делу декабриста М. С. Лунина, обвинявшегося в создании и распространении антиправительственных сочинений. Крюков признался, что видел лунинские письма, но утверждал, что не читал их. Избегав наказания, он поступил на службу в Иркутское губернское управление. В 1848 г. его уволили. Во многих мемуарах описан конфликт Крюкова с Муравьевым. Генерал-губернатор, услышав, что мелкий чиновник Крюков якобы берет взятки, пригрозил ему каторгой. В ответ, Артемий Матвеевич сказал, что Муравьевы на каторге были, а Крюковы – никогда. Муравьев, опешив от столь дерзкого ответа, сначала разгневался, но потом решил, что подобная дерзость свидетельствует о честности и приблизил Крюкова к себе [5, с. 327, 328]. По приказу Муравьева Крюков ревизовал Усольский завод и вскрыл многочисленные злоупотребления местного начальства.

Черкасов вспоминал, что Крюков в статусе доверенного лица генерал-губернатора вел себя на Каре вызывающее, видел во всех горных офицерах взяточников и воров. Он не только проверял документы, опрашивал служителей и чиновников, но пытался учить промывальщиков и офицеров, как промывать золото, как печатывать казенные здания и документы. Александр Александрович имел неосторожность противиться некоторым распоряжениям ревизора и смело указывать ему на его ошибки, чем и нажил себе злейшего врага.

Крюков ожидал момента, когда можно будет подловить упрямого инженера на какой-нибудь оплошности. Однажды Крюков

потребовал от Черкасова поднять шлюзовую доску, через которую во время промывки вода стекала каскадом на полотно вашгерда. Требование было выполнено. «Оказалось, что под доской, по всей ее длине, в том месте, где она стоит ребром на вашгерде, вырезан ножом на его полотне желобок, в котором мы нашли мелкое и довольно крупное шлиховое золото» [7, с. 446]. Черкасов подозревал, что это ловушка, подстроенная Крюковым или каким-то иным недоброжелателем. В качестве аргумента он приводил тот факт, что крупные частицы золота не могли просто так попасть во время промывки под злополучную доску.

Началось следствие, материалы которого хранятся в Государственном архиве Забайкальского края. Из них видно, что под арест были взяты горный уставщик Иван Дербин и промывальщик Григорий Бочкарев, несколько служителей попали под полицейский надзор.

В ходе допросов Иван Дербин сообщил, что 9 мая 1858 г. Черкасов отлучался на три дня в падь Унгурки, а управление промыслом доверил ему. Также Черкасов поручал ему временно управлять промыслом в апреле. Показания Дербина подтвердил Дмитрий Кудрявцев. «В мае месяце с. г. (1858 – прим. авт.), по приказанию г. смотрителя Черкасова, вообще с ним ездил в Унгургинскую долину накануне праздника св. Троицы, как сказывал г. Черкасов, для осмотра там шурфов пробиваемых по распоряжению его, людьми для этого командированными, во время этого проезда охотились за птицей, с нами еще ездил, находящийся в услугах у г. Черкасова служитель Михайло Кузнецов, время в проезде этом провели четыре дня т. е. приехали на завтра праздника Духова дня, во вторник на среду ночью» [2, л. 292].

В домах у Дербина и некоторых служащих был проведен обыск, но ничего подозрительного, относящегося к хищению золота, найти не удалось. Тем не менее, Крюков выдвинул версию, что Дербин и Бочкарев, пользуясь доверчивостью смотрителя Черкасова, делали «фокусы с вашгердами» [Там же, л. 12–12 об.].

Пока шло следствие Черкасова перевели сначала на Средний промысел, а потом на Лунжанки. Пospешные перемещения Александр Александрович связывал с интригами, которые плелись против него Крюковым. Чтобы обезопасить себя и своих товарищей, он написал письмо горному начальнику О. А. Дейхману, в котором изложил, как проводит ревизии Крюков. Это сообщение О. А. Дейхман передал атаману Забайкальского казачьего войска М. С. Корсакову. Тот в свою очередь передал письмо генерал-губернатору. Н. Н. Муравьев,

прочитав послание Черкасова, разочаровался в Крюкове и даже не стал принимать его с докладом о ревизии. Артемий Матвеевич принялся пить горькую и подал в отставку. «Тем вся история и окончилась, а мы сердечно поблагодарили господа и в душе сказали спасибо Муравьеву», – завершил карийский очерк Черкасов. На Каре он прослужил до 1862 г. и отправился на Урюм.

Спустя восемь лет после отъезда Черкасова, на Кару прибыл врач Владимир Яковлевич Кокосов. Он придерживался демократических взглядов, читал Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена. Для него, начинавшего карьеру выпускника медико-хирургической академии, работа на каторге стала суровой школой жизни. Ему пришлось лечить истерзанных каторжан, присутствовать при казнях, проводить судебно-медицинские экспертизы. В 1873 г., он заботясь о пациентах, сам заболел тифом.

Увиденное на Каре Кокосов заносил в дневник, послуживший позднее основой для написания рассказов. В своих произведениях он обличал произвол чиновников и зверства тюремщиков. В рассказе «Елька» словами матери девочки, замученной смотрителем пересыльной тюрьмы, писатель описал бесправное положение ссыльнокаторжных: «Наша карийская жизнь известная: утирай кулаком слезу, защитишь некому... Злодеев много живет на воле, больше чем в тюрьмах: взял власть в руки и ... злодействует» [3, с. 11]. Кокосов умел видеть доброе, человеческое даже в самых отпетых уголовниках. Например, осужденный за тяжкие деяния и прикованный к тачке каторжник Федор Срулебов, находясь в лазарете, просил о свидании с женой, добровольно пришедшей с ним на каторгу. Обещал вернуться к утру. Кокосов отпустил его, а потом засомневался: вернется ли? Но Срулебов сдержал слово, вернулся!

Живя на Каре, Кокосов обзавелся интересными знакомствами среди каторжан и горнорабочих. Он часто любил заходить к восьмидесятилетнему отставному штейгеру Якову Семеновичу Костылеву, слушать его рассказы «о старых, давних временах рудниковой и карийско-каторжной жизни». Однажды Яков Семенович поведал ему свою версию истории открытия Кары. Костылев рассказал, что в феврале 1832 г. отряд, в котором он состоял под началом Павлуцкого, после мучительных работ в заснеженной долине Кары нашел золото. «Да-а-а, милый человек, с того самого места, где мы в 1832 году золото разыскали, каторжная Кара началась, когда она закончится, одному господу известно! Сорок лет минуло,

вторую тысячу пудов начали промывать, крови, слез человеческих море-океан пролилось на этом месте, а я все живу на белом свете, вижу ту же каторгу, плети, кандалы, тюрьмы... Золото в большой цене оказалось, не серебру чета! Люди в цене сбавились: цена жизни человеческой, против золота, медного гроша не стоит...», говорил старый штейгер [3, с. 75].

На основании этого рассказа, опубликованного Кокосовым, исследователи часто называли датой открытия Карийской россыпи 1832 г. На самом деле Костылев ошибся (возможно, память подводила почтенного старика). Павлуцкий стал заведовать Шилкинским заводом и поисковыми партиями в его окрестностях только в 1834 г., а потому ранее этой даты не мог открыть Карийскую россыпь. Кроме того, документы однозначно указывают на другую дату открытия – 1838 г.

Но несмотря на очевидные неточности, рассказ «Отставной штейгер» заслуживает

внимания, поскольку в нем показаны тяготы полевой жизни подневольных рабочих разведывательных партий. Они трудились, не жалея себя, надеялись, что за открытия получат достойную награду – свободу.

В 1881 г. Кокосов покинул Кару, увезя с собой множество записок. Он продолжал трудиться в Акше, Чите, Воронеже, Минске. Последние годы жизни провел в Нижнем Новгороде. Только в начале XX в., он, умудренный жизненным опытом врач, серьезно взялся за литературные труды. Его публикации имели успех у читателей, а отдельные рассказы получили положительные отзывы В. Г. Короленко, А. М. Горького, Л. Н. Толстого.

Так в XIX – начале XX в. читающая публика постепенно узнавала из стихов и рассказов о затерянной в сибирской глуши Каре, где, несмотря на все ужасы каторги и золотой лихорадки, остается место для гуманизма, честности, стойкости духа и полета творческой мысли.

Список литературы

1. Балабанов В. Ф. История земли Даурской. Чита: Эффект, 2003. 400 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 3907.
3. Кокосов В. На Карийской каторге. Чита: Чит. кн. изд-во, 1955. 160 с.
4. Масюков П. Отголоски. Чита: Чит. кн. изд-во, 1959. 120 с.
5. Матханова Н. П. Комментарии к воспоминаниям Д. Казанцева // Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Вып. VIII. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. С. 326–328. Серия «Источники Сибири. Первоисточники».
6. Петряев Е. Д. Впереди – огни: очерк культурного прошлого Забайкалья. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 340 с.
7. Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 576 с.

.....
Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, chita131957@yandex.ru

Myasnikova G. V. – Senior Lecturer of the Department of History, Transbaikal State University, Chita, Russia, chita131957@yandex.ru
.....

УДК 94
ББК 86.372.24-3

**ОТЧЕТЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВТОРОЙ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ
И ВСЕПОДДАННЕЙШИЕ ОТЧЕТЫ ОБЕР-ПРОКУРОРА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА
ПО ВЕДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНОГО ИСПОВЕДАНИЯ
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО МИССИОНЕРСТВА
В ЗАБАЙКАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита

DRZZ@yandex.ru

В статье анализируются отчеты о деятельности второй Забайкальской духовной миссии и Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания как источник по истории миссионерства. Миссия существовала с 1862 г. Официального ее закрытия не было, она прекратила свое существование со смертью последнего ее начальника в 1918 г., однако и в годы перед этим активно уже не действовала. Расцвет миссии приходится на рубеж XIX–XX вв. Основная масса известных отчетов относится именно к этому времени, однако существуют таковые и за более ранний период. Отчеты о деятельности миссии и Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего синода являются богатейшими источниками по истории миссионерства в Забайкалье.

Ключевые слова: православие, православная церковь, миссионеры, викариатство, епархия, Забайкалье, вторая Забайкальская духовная миссия

**REPORTS ON THE ACTIVITIES OF THE SECOND TRANS-BAIKAL SPIRITUAL
MISSION AND THE MOST DETAILED REPORTS OF THE CHIEF PROSECUTOR
OF THE HOLY SYNOD ON THE DEPARTMENT OF THE ORTHODOX CONFESSION
AS SOURCES ON THE HISTORY OF THE RIGHT-WING MISSIONERSHIP
IN TRANSBAIKALIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Evgeniy V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita

DRZZ@yandex.ru

The article analyzes the reports on the activities of the second Transbaikal spiritual mission and the Most Detailed reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod on the department of the Orthodox confession as a source on the history of missionary work. The mission has existed since 1862. There was no official closure of it, it ceased to exist with the death of its last chief in 1918, however, it was no longer active in the years before that. The heyday of Missy falls on the turn of the XIX – early XX centuries. The bulk of the known reports relate to this time, but there are some for an earlier period. The reports on the activities of the Missy and the Most Detailed reports of the Chief Prosecutor of the Holy Synod are the richest sources on the history of missionary work in Transbaikalia.

Keywords: Orthodoxy, Orthodox Church, missionaries, vicariate, diocese, Transbaikalia, the second Transbaikal spiritual mission

История православия в Забайкалье, начиная с появления здесь казаков-первопроходцев, тесно вплетена в историю региона в целом. В последние несколько десятилетий до советского периода православие за Байкалом играло большую роль. Православная церковь активно проявила себя на поприще образования, благотворительности. Значительной была ее хозяйственно-экономическая деятельность. Строились монастыри, церкви и часовни.

Основная же миссия православной церкви в регионе, как и на иных присоединенных к русскому государству, а затем Российской империи, территориях, заключалась в «приведении» к православию коренного населения, т. е., в миссионерстве.

Забайкалье стало одним из регионов, где поселились старообрядцы. Требовалось вести миссионерскую работу и в их среде. Со временем появятся последователи единоверия,

и поле для миссионерской деятельности православной церкви расширяться еще.

История православного миссионерства в Забайкалье – тема, с одной стороны, интересная, с другой, вроде бы, достаточно изученная. Однако и здесь есть свои проблемы.

Вопросы историографии миссионерства и духовных миссий в Забайкалье.

Миссионерство в Забайкалье находит отражение на страницах публикаций, начиная с 1860-х гг. Первыми стали письма по состоянию дел в Забайкальской духовной миссии епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии Вениамина (Благонравова), именовавшиеся «Письма из Посольского монастыря». Посольская мужская Спасо-Преображенская обитель во второй половине XIX в. стала своеобразной базой забайкальского миссионерства. Там располагалась и резиденция глав второй духовной миссии – викарных селенгинских епископов [33].

Позже из печати, на страницах «Иркутских епархиальных ведомостей» выйдут своеобразные отчеты о деятельности второй Забайкальской духовной миссии за авторством того же Вениамина (Благонравова). Изданы они и отдельной книгой [35; 36; 38].

История и современное, на тот момент времени, состояние духовной миссии описал иной епископ Селенгинский, викарий Иркутской епархии Мартириан (Муратовский) [44; 45].

В разные годы, в досоветское время, из печати выходили и иные труды, посвященные миссионерству в Забайкалье и второй духовной миссии [5; 6; 30; 41; 43–48 и др.].

Очевидным является отсутствие исследований по данной проблематике, опубликованных в советское время. Ситуация несколько изменится с его окончанием. По проблематике появился ряд специальных обобщающих и узконаправленных публикаций. Это труды таких авторов, как Н. С. Богодухова, С. И. Васильев, Т. Н. Гусейнова, А. А. Савельев, З. А. Шагжина и др. [7–11; 31; 57; 60 и др.] Здесь следует сказать, что в целом, исследователей, занимавшихся изучением православного миссионерства в Забайкалье в постсоветское время специально, не много. Также интересно, что из печати практически не выходили новые работы в последние почти десять лет. Это представляется несколько странным, поскольку интерес к миссионерству в среде тех, кто изучает историю православия, всегда достаточно высок.

Отметим, что существует специальная работа с характеристикой источников по истории христианских сект в Западном Забайкалье. Это

диссертационное исследование А. А. Савельева. Среди прочего в нем упоминаются отчеты о второй Забайкальской духовной миссии [56].

Наличие некоторого числа публикаций по истории миссионерской деятельности православной церкви в Забайкалье и по истории второй Забайкальской духовной миссии не говорит о том, что названные истории воссозданы полностью. Отдельные страницы исследователями заполнены относительно неплохо, некоторые же так и остались пустыми. Не все хронологические отрезки проанализированы в равной мере. Требуется воссоздание хронологии основных событий, по возможности, полного списка имен миссионеров и т. д.

Источниковая база истории миссионерства и забайкальских духовных миссий.

Источниковая база по миссионерству в Забайкалье представлена несколькими видами источников. Это нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, летописи, экономико-географические и статистические описания, периодическая печать.

Из традиционных источников мы не называем статистические сборники и подборки статистических материалов, мемуарную литературу и эпистолярное наследие. Это определено тем, что по проблемному полю исследования, на сегодняшний день, таковых не встречено.

Таким образом, можно констатировать, что источниковая база позволяет исследователю, в какой-то мере, воссоздать историю миссионерства православной церкви в регионе на разных ее этапах и историю духовных миссий в регионе. В рамках данной статьи особый интерес представляют отчеты по деятельности второй духовной миссии за Байкалом.

Методология исследования.

Статья написана с опорой на использование принципов исторической науки и различных методов гуманитарного научного познания. Речь идет о принципах историзма и объективности, общенаучных методах сбора, анализа и синтеза материала, которые особенно важны при работе с источниками, а также с имеющимися публикациями. Несомненно, важны специальные методы исторической науки, такие как метод сравнительно-исторического анализа, позволяющий анализировать явления в истории через сравнение. Историко-системный метод дает возможность рассматривать миссионерство православной церкви в Забайкалье как особую самостоятельную систему.

Только использование принципов исторической науки, а также общенаучных и специальных научных методов в комплексе позволяет сделать исследование более полным.

Основные результаты исследования.

История духовных миссий в Забайкалье вплетена в историю православной церкви в регионе в целом. Первые православные священнослужители появились за Байкалом в середине XVII в., они пришли с отрядами казаков-первопроходцев, осваивающих новые земли. Однако это были частные случаи, не влиявшие на общую картину распространения православия. К тому же, в функции священников не входила миссионерская работа.

Ситуация изменится с появлением в Забайкалье первой Даурской духовной миссии. Для полноты картины следует несколько слов сказать и о ней. Даурская духовная миссия была отправлена за Байкал по указу царя Федора Алексеевича, с Благословения Патриарха Иоакима (Савёлова), постановлением церковного собора 1681–1682 г. Официальной даты закрытия Даурской духовной миссии история нам не оставила. В литературе можно встретить упоминание о том, что она прекратила свое существование в 1741 г. Возможно, причиной такого утверждения является факт смерти последнего члена миссии, архимандрита Мисаила. Однако произошло это в 1742 г. В некоторых публикациях встречаем упоминание о том, что миссия действовала до середины 1760-х гг. Данное предположение можно связать с секуляризацией церковного имущества в 1764 г. Тогда в Забайкалье исчезла база для финансирования миссионерской деятельности. Это средства, которые выделялись государством на содержание православных монастырей, которые в Забайкалье, во-первых, создавались в конце XIX в. для миссионерской деятельности, во-вторых, их насельники стали первыми миссионерами в регионе. Одна из трех обителей, а именно, мужская Нерчинская Успенская была закрыта, две оставшиеся, Посольская Спасо-Преображенская и Селенгинская Свято-Троицкая, были выведены за штат, то есть лишены финансирования. Два последних монастыря были основаны именно членами Даурской духовной миссии. В публикациях встречается упоминание о том, что реально первая Забайкальская духовная миссия перестала действовать уже в 1734 г., когда настоятель Посольской обители архимандрит Илларион (Трусов) был назначен начальником Пекинской духовной миссии. Оценить данное замечание сложно, так как был назначен новый настоятель и можно только предположить, что он не приложил должных усилий на поприще миссионерства [2 с. 47; 3, с. 58; 12, л. 13, 15–16; 15, л. 17; 20, л. 19; 23, л. 1; 24, л. 30; 25, л. 9; 27, л. 3; 34, с. 129, 130; 46, с. 17; 47, с. 4, 5; 48,

с. 36; 52, с. 2; 53, с. 4; 54, стб. 1078, 1079; 55, с. 41; 61, с. 5, 6].

Суть православного миссионерства в Забайкалье, как, в принципе, и на иных, присоединенных к Русскому государству, а затем к Российской империи, территориях заключается в проповеди веры в среде коренного населения. Обращение же в православие его представителей – это реально измеримый в количественном плане показатель. Помимо коренных жителей, миссионерская деятельность православной церкви распространялась на приверженцев старообрядчества, а приблизительно с середины XIX в. и на единоверие. Последнее нашло свою, как принято говорить «регламентацию», в 1800 г., однако в Забайкалье оно появится несколько позже.

На сегодняшний день, измерить деятельность Даурской духовной миссии достаточно сложно. Существуют краткие упоминания о миссионерской работе. Какихлибо количественных данных по обращению в православие представителей коренного населения региона на настоящее время нам не дают ни источники, ни имеющиеся публикации.

Следует сказать, что отрывочны данные не только по православному миссионерству в регионе. Аналогична ситуация с историей православной церкви в целом. Не слишком она отличается и относительно последующего периода, то есть времени с середины XVIII до третьей четверти XIX в. Данный период требует к себе пристального внимания исследователей.

Более полные данные начинают появляться ближе к концу XIX в., однако они относительно подробно характеризуют некоторые аспекты православной забайкальской истории, начиная со второй и третьей четвертей XIX в. В рамках предметного поля данной статьи это особенно важно, так как вторая духовная миссия в Забайкалье появится в начале 1760-х гг.

Вторая забайкальская духовная миссия берет свое начало, по разным данным, в 1861 или в 1862 г. Опять же, по не подтвержденным данным, окончательное «оформление» второй миссии как института православной церкви завершилось только к 1863 г. Часть авторов связывает начало работы миссии с открытием викариатства в Посольском Спасо-Преображенском монастыре [4, с. 67; 5, с. 5; 8, с. 19; 48, с. 46 и др.].

Вторая Забайкальская духовная миссия была основана ходатайством Высокопреосвященного архиепископа Иркутского и Нерчинского Парфения (Попова). Она содержала миссионерские станы, школы, церкви, должна была заботиться о пособиях для «новокрещенных».

Цель миссии была двойственной. С одной стороны, это «...привлечение язычников ламаистов и шаманистов в лоно православной церкви», с другой, «...укрепление крещеных инородцев в истинах православной веры» [12, л. 33 об.].

Духовная миссия до обретения самостоятельности Забайкальской епархии находилась в управлении епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии. С 1861 г. (1862) им был Вениамин (Благонравов). Место пребывания викарных епископов до 1880 г. – Посольский Спасо-Преображенский монастырь, он являлся центральным миссионерским станом. Викариатство при обители просуществовало до 1879 г., когда было переведено в Читу, где с 1880 г. существовало духовное правление. Начиная с 1862 г. при Посольском монастыре проживали миссионеры. Вопрос об учреждении викариатства поднимался и значительно раньше. Еще в конце XVII в. Сибирский митрополит Павел предлагал открыть четыре викариатства (в крайнем случае – два), для распространения православия помимо прочих территорий в Забайкалье и Приамурье, но, по неизвестным причинам, проект не был осуществлен [1, с. 204; 12, л. 16; 20, л. 18, 20; 23, л. 2; 24, л. 30; 42, с. 23; 53, с. 4; 58, с. 691].

С основанием самостоятельной епархии в 1894 г., по ходатайству Преосвященного Георгия, первого епископа Забайкальского и Нерчинского была учреждена должность начальника миссии. Через него велось руководство. Началом его работы называется 1904 г. В то же время в клировых ведомостях монастырей епархии должность эту встречаем, начиная с 90-х гг. XIX в. [13, л. 2; 26, л. 21]. Деятельность миссии напрямую зависела от руководителей и миссионеров. Некоторые имели непосредственное отношение к Забайкальским монастырям.

Формально вторая духовная миссия за Байкалом не закрывалась. Она прекратила свою деятельность в 1918 г. после расстрела ее главы епископа Селенгинского, викария Забайкальской епархии Ефрема (Кузнецова).

Отчеты по второй Забайкальской духовной миссии выходили из печати в двух вариантах. Первый – это статьи в епархиальных изданиях, официальных печатных органов сначала Иркутской епархии, а с 1900 г. – Забайкальской. Второй – отдельными небольшими книжками – брошюрами [50–52]. В то же время существуют неопубликованные отчеты, хранящиеся в архивах.

Отчеты по второй Забайкальской духовной миссии содержат исторические справки, име-

мые «Краткие сведения о Забайкальской духовной миссии», списки миссионеров на конкретный год, именуемые «личным составом» миссии. Он делился на «местное управление», под которым понималось руководство миссии, и представителей миссионерских станом Забайкальской области. Отдельным разделом характеризовалась деятельность миссионеров. В некоторых случаях общие сведения о миссии в виде исторической справки о них не приводились [38, № 12, с. 130–140; 51, № 19, с. 5–13; № 20, с. 1–6 и др.].

В некоторых случаях в отчетах приводились данные по объездам миссионерских станом Забайкальской области начальником миссии. Однако данные обзоры были краткими, в них просто констатировался факт поездок, при этом не говорилось о положительных или отрицательных сторонах существования того или иного стана. Также отмечалось, что начальник миссии не посещал удаленные станы ввиду сложности дороги до них [38, № 12, с. 130–140; № 13, с. 142–151; № 14, с. 154–163; 51, № 20, с. 6 и др.].

Некоторые данные по миссии получаем только из отчетов. Так, к примеру, информация о получении миссией двух участков земли в г. Чите и за его пределами (под дачу), после перевода ее из Посольского монастыря в административный центр Забайкальской области не встречается в архивных документах. В отчете о состоянии миссии за 1907 г. читаем об освещении епископом Селенгинским, викарием Иркутской епархии Мелетием (Якимовым) церкви в Чите в честь Св. апостола Андрея Первозванного. Позже – это архиерейская церковь [52, с. 50].

Специалистам отчеты интересны характеристикой финансовой составляющей существования миссии, иными словами, вопросами ее финансирования.

Архивные источники, на сегодня, дают нам схожую информацию за отдельные годы, к примеру, за 1868 г. В одном из документов встречаем проект прихода сумм на содержание Забайкальской духовной миссии [21, л. 15; 25, л. 89]. Однако мы не видим расходов. Также можно констатировать, что на сегодня данные за иные годы не встречены.

Отчет о миссии за 1866 г. приводит, как статьи доходов, так и статьи расходов на нужды миссии [38, № 14, с. 161–163].

Примером неопубликованного отчета по деятельности второй Забайкальской духовной миссии является «Миссионерский отчет о состоянии расколо-старообрядчества и сектантства в Забайкальской епархии и о деятельно-

сти епархиальной миссии против раскольников за 1913 год», хранящийся в фондах Государственного архива Забайкальского края. Данный отчет по своей форме и сути схож с опубликованными отчетами и содержит аналогичные данные [16, л. 76 об.].

Отдельно следует сказать о Всеподданнейших отчетах обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания [37, с. 145–147; 39, с. 264–271; 40, с. 65–74].

Данные отчеты приводят общую информацию по миссии, в некоторых случаях можно встретить статистические данные по количеству миссионерских станов, миссионеров, миссионерских училищ, обучающихся в них, финансовой составляющей [Там же].

В некоторых отчетах вторая Забайкальская духовная миссия характеризуется вместе с Иркутской миссией, в иных – самостоятельно. При этом сами отчеты, в основной своей массе, характеризуют ситуацию на один год, в ряде случаев – за два [Там же].

Здесь следует сказать, что приводимые во Всеподданнейших отчетах данные недостоверны или вызывают определенные вопросы. Так, в одном из отчетов читаем, о «первом посольстве (в 1661 г.) в дальние Сибирские Дауры православной миссии» [40, с. 65]. Вероятно, речь идет о Первой Даурской духовной миссии, которая была послана в Забайкалье в 1681 г. (см. выше) В то же время называть ее «посольством» совершенно не верно. Относительно реальных посольств, по 1661 г. известно об одном – посольстве дьяка Ивана Горохова в калмыцкие улусы [59, с. 9–17]. Ясно, что речь шла не о нем.

Всеподданнейшие отчеты характеризовали ситуацию с православием по всей стране и,

очевидно, не могли уделить значительного внимания отдельным регионам и миссиям. Отсюда информация по Второй Забайкальской миссии в них краткая и может служить лишь дополнением к имеющимся данным.

Заключение.

Вторая Забайкальская духовная миссия оставила яркий след в истории православной церкви и истории региона в целом. Ее представители – православные миссионеры, главным образом, во второй половине XIX в. стали проводниками не только веры, но и геополитических устремлений российского государства. Посредством привлечения в православие коренного населения Россия все крепче закреплялась на забайкальских приграничных землях.

История миссии на сегодня отчасти изучена, однако, во-первых, не стала широко известной, а во-вторых, в ней остались незаполненные страницы. Не все аспекты проанализированы в равной мере. Так, до настоящего времени не получили полноценной оценки такие источники по ее истории, как отчеты о деятельности. Авторы имеющихся публикаций использовали данные некоторых из них, однако, в целом, серьезной, полной, разноплановой характеристики им не дали. В то же время отчеты о деятельности Второй Забайкальской духовной миссии содержат богатейший материал и при серьезном их анализе могут значительно дополнить имеющиеся данные.

Отметим также, что для воссоздания полноценной истории второй миссии и забайкальского православного миссионерства в целом, необходима работа по выявлению и анализу иных источников.

Список литературы

1. Азиатская Россия: атлас: в 3 т. Т. 1. Люди и порядки за Уралом / под общ. ред. Г. В. Глинки. СПб.: Тип. тов. А. Ф. Маркс, 1914. 576 с.
2. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья с древнейших времен до 1762 г. СПб.: Воен. тип., 1887. 237 с.
3. Андриевич В. К. Пособие для написания истории Забайкалья. Иркутск: Тип. Окружн. штаба, 1885. 158 с.
4. Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области (1884–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Чита: ЗабГПУ, 2000. 235 с.
5. Березин Т., священник. Забайкальская Православная миссия в царствование Императора Александра II (1855–1891). М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1893. 44 с.
6. Беседы со старообрядцами начальника Забайкальской духовной миссии Архимандрита Михаила. СПб.: Тип. Е. А. Поздняковой, 1887. 145 с.
7. Богодухова Н. С. Забайкальская духовная миссия (1861–1874) // 2000-летие христианства. Четвертые Иннокентьевские чтения. Чита: ЗабГПУ, 2001. С. 167–171.
8. Богодухова Н. С. Забайкальская духовная миссия и образование // Роль интеллигенции в духовном развитии общества. Чита: ЗабГПУ, 1999. С. 19–23.
9. Васильев С. И. 140 лет Забайкальской духовной миссии // Забайкалье и православие. Пятое Иннокентьевские чтения. Чита: ЗабГПУ, 2002. С. 163–165.

10. Васильев С. И. Православные миссионеры на Иргени (вторая пол. XIX в.) // 2000-летие христианства. Четвертые Иннокентьевские чтения. Чита: ЗабГПУ, 2001. С. 159–166.
11. Васильев С. И. Шаманизм и шаманисты в описании православных миссионеров Забайкалья (60–70-е годы XIX в.) // Действующая структура. Проблемы формирования гуманитарной среды: научный альманах. Чита: ЗабГПУ, 2002. С. 94–95.
12. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 8. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5.
14. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 780.
15. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 949.
16. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1034.
17. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 3154.
18. ГАЗК. Ф. 153. Оп. 2. Д. 5.
19. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2006.
20. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2130.
21. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2150.
22. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2153.
23. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2500.
24. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2760.
25. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2779.
26. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 2837.
27. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3049.
28. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3059.
29. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3122.
30. Головачев П. Сибирские миссии // Сибирские вопросы. СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1908. № 17/18. С. 1–7.
31. Гусейнова Т. Н. Миссионерская деятельность архимандрита Иринарха – Настоятеля Троицкого Селенгинского монастыря // Русская Православная Церковь в Сибири: история и современность: материалы конференции, посвященной 350-летию основания с. Посольского и Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю (24–26 января 2003 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. научн. центра СО РАН, 2003. С. 134–138.
32. Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером Архимандритом Мелетием. Казань: В универ. тип., 1875. 199 с.
33. Е. В. Забайкальская миссия. Письма из Посольского монастыря. СПб.: Синод. тип., 1865. 72 с.
34. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. М.: Русский двор, 1995. 407 с.
35. Епископ Вениамин. Забайкальская духовная миссия в 1867 году. Текст: электронный // Православное обозрение. Репозиторий // URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000533563> (дата обращения: 20.06.2021).
36. Епископ Вениамин. Забайкальская духовная миссия в 1867 году. М.: Каткова и К°, 1868. 49 с.
37. Забайкальская духовная миссия // Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 г. СПб.: Синод. тип., 1886. С. 145–147.
38. Забайкальская духовная миссия в 1866 г. // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1867. № 12. С. 130–140; № 13. С. 142–151; № 14. С. 154–163.
39. Забайкальская миссия // Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1894–1895 годы. СПб.: Синод. тип., 1898. С. 264–271.
40. Иркутская и Забайкальская духовные миссии // Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 г. СПб.: Синод. тип., 1887. С. 65–74.
41. Князь Эспер Ухтомский О состоянии миссионерского вопроса в Забайкалье. СПб.: [б. и.], 1892. 48 с.
42. Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы Первой российской революции. Чита: ЗабГПУ, 1999. 196 с.
43. Кузнецов Е., свящ. Деятельность Забайкальской духовной миссии за сорокалетие ее существования (с 1860 по 1899 г.). Изд. 2-е. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1902. 20 с.
44. Мартиниан, епископ. Забайкальская православная миссия в 1870 году. Посольск: [б. и.], 1871. 35 с.
45. Мартиниан, епископ. Забайкальская православная миссия в 1870 году // Сборнике сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. М.: Тип. В. Готье, 1872. С. 247–262.
46. Митыпова Е. С. Православные храмы в Забайкалье (XVII – нач. XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. 103 с.
47. Могучь (В. В. Н-й). Борьба Православной миссии с ламаизмом и его друзьями: исторический обзор деятельности Забайкальской духовной миссии. За период сорокалетия (1862–1902) ее самостоятельности // Забайкальские Епархиальные Ведомости. 1902. № 14. Отдел неоф. С. 3–14; № 15. Отдел неоф. С. 3–9; № 16. Отдел неоф. С. 11–15; № 17. С. 6–11; № 18. Отдел неоф. С. 1–8; № 22. Отдел неоф. С. 1–5; 1903. № 5–6. Часть неоф. С. 71–75; № 7–8. Часть неоф. С. 114–117; № 9–10. Часть неоф. С. 142–147.

48. Никольский А., протоиерей. Забайкальская духовная миссия (1681–1903): Очерк из истории православной миссии в Восточной Сибири. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1904. 98 с.
49. О современных нуждах Забайкальской Духовной Миссии: извлечение из отчета о командировке в Забайкальскую область летом (23 июля – 23 августа) 1905 года законоучителя Восточного Института, священника Булгакова. Владивосток: Паровая типо-лиитография газеты «Дальний Восток», 1907. 48 с.
50. Отчет о Забайкальской православной миссии за 1877 год. Иркутск: [б. и.], 1878. 38 с.
51. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1901 год // Забайкальские епархиальные ведомости. 1902. № 19. Отдел неоф. С. 5–13; № 20. Отдел неоф. С. 1–6.
52. Отчет о состоянии Забайкальской духовной миссии за 1907 г. Чита: Забайкальское товарищество печатного дела, 1908. 126 с.
53. Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г. (с изменениями, последовавшими на 1 мая 1912 г.). Чита: Электро-тип. Заб. обл. правл., 1912. 351 с.
54. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. М.: Возрождение, 1992. Т. 1. 1120 стб.
55. Птицын В. В. Селенгинская Даурия. Очерк Забайкальского. СПб.: Экон. Типо-литогр., 1896. 306 с.
56. Савельев А. А. Источники по истории христианских сект в Западном Забайкалье (30-е гг. XIX – начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Улан-Удэ: Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2014. 261 с.
57. Савельев А. А. Православная миссия и христианские секты в Забайкалье на рубеже XIX–XX вв. // Власть. 2014. № 8. С. 88–94.
58. Сойкин П. П. Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афон. СПб.: Воскресенье, 1994. 732 с.
59. Тепкеев В. Т. Посольство дьяка Ивана Горохова в калмыцкие улусы в 1661 г. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2013. № 10. С. 9–17.
60. Шагжина З. А. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Забайкалье, вторая половина XVII – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: БГУ, 2000. 189 с.
61. Шмулевич М. М. Троицко-Селенгинский монастырь. Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1982. 63 с.

.....
Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, DRZZ@yandex.ru

.....
Drobotushenko E. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, The Dean of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, DRZZ@yandex.ru
.....

УДК 93/94
ББК 63.3(23АБ)

ПРАВОНАРУШЕНИЯ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ СРЕДИ ВОСТОЧНЫХ РАБОЧИХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Юлия Николаевна Ланцова

Забайкальский государственный университет, г. Чита
astra205@yandex.ru

В статье анализируются причины, виды налоговых преступлений среди китайских и корейских рабочих в Забайкалье до 1917 г. Прежде всего, это правонарушения экономического характера и правил пребывания (неуплата или несвоевременная уплата налогов, паспортных сборов, нарушение условий торговли и т. д.), а также неуплата российским властям налогов за осуществление коммерческой деятельности.

Ключевые слова: китайские, корейские рабочие, Забайкалье, экономическая деятельность, налоговые преступления, административные проступки

VIOLATIONS IN THE TAX SPHERE AMONG EASTERN WORKERS IN PRE-REVOLUTIONARY TRANSBAIKALIA

Yuliya N. Lantsova

Transbaikal State University, Chita
astra205@yandex.ru

The article analyzes the causes and types of tax crimes among Chinese and Korean workers in Transbaikalia before 1917. First of all, these are offenses of an economic nature and the rules of stay (non-payment or late payment of taxes, passport fees, violation of the terms of trade, etc.). As well as non-payment of taxes to the Russian authorities for carrying out commercial activities.

Keywords: Chinese, Korean workers, Transbaikalia, economic activity, tax crimes, administrative offenses

Забайкалье, являясь приграничной территорией и на современном этапе, и в дореволюционный период напрямую связано с проблемой урегулирования миграции между Китаем и Россией, что имеет существенные геополитические, социально-экономические и демографические последствия для обеих стран. Для Китая миграция позволяет снимать напряжение на рынке труда, расширяет сферы влияния, имеет экономические эффекты. Для России миграция компенсирует недостаток трудовых ресурсов, но российская сторона в дореволюционный период оказалась юридически слабо готова к регулированию миграционных потоков с китайской и корейской сторон. Прежде всего, это касалось административных правил пребывания и работы на территории Российской империи, в том числе и в налоговой сфере.

Административные правонарушения – это те проступки, за которые не лишали свободы, а наказывали штрафами, установлением административного полицейского надзора или

выдворением за пределы государства. В Российской империи к такого рода проступкам относились, прежде всего, правонарушения экономического характера и правил пребывания (неуплата или несвоевременная уплата налогов, паспортных сборов, нарушение условий торговли и т. д.).

Однако в начале XX в., например, контрабанда спирта и наркотиков, перешли из административных проступков в разряд уголовных преступлений и стали наказываться тюремным заключением.

В конце 90-х гг. XIX в. в правовом положении корейского и китайского населения наступил качественный скачок. Вплоть до этого времени все оно было основано на обычном, неформальном праве как русскоподданное ненатурализованное, а точнее – «подлежащее к принятию в подданство России» [2, с. 71]. Так закон от 27 апреля 1861 г. «О правилах поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» гласил:

«Государь император по положению Сибирского Комитета Высочайше соизволил повелеть в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири постановить следующие правила... В сих областях дозволяется селиться всем вообще желающим, как русским, так и иностранцам, но с соблюдением условий, ниже изложенных». Далее следовало еще 12 статей, которыми разъяснялись дарованные переселенцам льготы [3, с. 93].

В России 10 февраля 1864 г. был принят закон о подданстве. Именно с этого времени в законодательном порядке стиралось различие между приобретенным и прирожденным российским подданством, что влекло к установлению четкой грани между натурализованным иностранцем и иностранцем в собственном смысле этого слова [Там же, с. 95]. Закон о подданстве в основном ликвидировал традицию прежних времен, когда в отношении различных групп иностранцев, проживавших в России, существовали разные законы. Они были пресыщены или льготами, или ограничениями. Новый закон уравнивал всех иностранцев. Натурализованный иностранец уравнивался в правах с прирожденными подданными России того сословия, к которому он был приписан по принятии присяги на подданство. Тем не менее, этот закон не имел исчерпывающего характера. Отвечая на многие вопросы, например, о приобретении подданства фактом рождения, по-прежнему приходилось прибегать к «аналогиям» и от разрозненных и случайных постановлений действующего в то время права восходить к общим принципам [Там же, с. 96].

Царское правительство с 1884 г. всячески стремилось согласовывать все свои действия в решении вопроса о подданстве корейцев Приамурского края с правительством Кореи. Когда в 1884 г. устанавливались дипломатические отношения между Россией и Кореей, русским и корейским правительствами было достигнуто взаимопонимание, что все корейские выходцы, осевшие на русских землях ранее указанного года, должны считаться русскими подданными, а все остальные, по истечении известного срока, подлежат выселению на родину [5, л. 402]. В ходе переговоров, предшествовавших подписанию 8 августа 1888 г. русско-корейского договора о торговле, это было вновь подтверждено обеими сторонами, и даже предполагалось, что соглашение отдельной статьей или приложением войдет в договор. Однако в самый последний момент корейское правительство отказалось от юридического оформления этой договоренности, хотя и не возражало, если Россия будет действовать в духе достигнутого соглашения.

Согласно договору, корейские подданные могли «свободно отправляться в Россию для торговых целей или для своего удовольствия и перевозить и продавать всякого рода товары, не запрещенные к ввозу в Россию, а равным образом – покупать местные произведения. При этом они обязаны испросить от своих таможенных властей паспорт в удостоверение их личности, который при вступлении в русские пределы должен быть представлен русскому начальству для засвидетельствования и на пути следования предъявляем местным властям, которые, если найдут билет правильным, должны таковых лиц без замедления пропускать. Для путешествия или перевозки товаров они по своему усмотрению могут нанимать людей, телеги, лодки и другие перевозочные средства» [3, с. 103]. Кроме того, корейское правительство предприняло ряд мер с тем, чтобы взять под свой контроль поездки корейцев в Россию. Так, с 1 марта 1890 г. началась выдача заграничных паспортов корейцам, отправлявшимся в Приморскую область. Плата за паспорт была установлена в один корейский лян.

По архивным данным, поток «желтых иностранцев» был достаточно велик, и единственным средством борьбы с этим наплывом было предоставленное приамурскому генерал-губернатору право облагать китайцев и корейцев особыми сборами. В силу п. 4 ст. 344 Учр. Сибир. в Приамурском крае и в Забайкальской области были установлены особые паспортные правила для прибывающих в край китайцев и корейцев, «на основании коих означенные иностранцы обязаны выбирать при въезде, в край особые билеты сроком на один год с уплатою пятирублевого налога, а в случай уклонения от сего, сверх того уплачивать еще и штраф в том же размере» [4, л. 1]. Очень часто прибывавшие в Россию иностранцы уклонялись от уплаты паспортного сбора, так как отсутствие необходимых документов каралось штрафом в те же 5 рублей. Столь небольшая сумма штрафа подталкивала восточных рабочих к уклонению от приобретения вида на жительство. Лишь 5–8 % от всех нелегальных мигрантов задерживались, платили штрафы и приобретали вид на жительство [6, с. 12].

Однако, несмотря на установленный сбор, наплыв иностранцев продолжал усиливаться. Поэтому в целях борьбы с этим наплывом, Министерством Внутренних Дел был разработан и внесен в Государственную Думу от 28 октября 1908 г. № 22431 проект правил, регулирующих допуск китайцев и корейцев [4, л. 1]. Этим проектом значительно усиливались меры, ограждающие от наплыва иностранцев: повышались штрафы для безбилетных китайцев и корейцев,

а также для лиц, пользующихся трудом безбилетных, и, наконец, предполагалось создать новые штаты администрации, полиции и врачей специально для надзора за иностранцами. Все расходы по надзору предполагалось отнести на особый фонд, пополняющийся за счет взимаемых сборов и штрафов с китайцев и корейцев, и подчиняющийся Министерству внутренних дел.

Но этот проект принят не был, так как Государственная Дума признала проектируемые штаты недостаточно обоснованными статистическим материалом. И указала на желательное принятие правил, касающихся не только китайцев и корейцев, а и выработку общего иммиграционного закона. Одновременно Государственной Думой был принят проект закона, который затем получил одобрение Государственного совета, утвержденного «Высочайшей властью 21 июня 1910 г., коим действие п. 4 ст. 344 Сибир. было продлено до издания общего иммиграционного закона, а сверх того устанавливалось воспрещение найма иностранцев на казенной работы, сдачи им казенных подрядов, а равно аренды казенных земель» [4, л. 2].

Этот закон устанавливал только меры экономического воздействия на иностранцев, но совершенно не регулировал процесс пересечения ими государственной границы и их проживание среди русского населения.

Незаконное проникновение в империю заставило Приморское общественное правление командировать за границу чиновника для надзора за миграцией. По результатам его работы был сделан вывод, что при переходе границы учитывали только численность предъявленных паспортов и как результат, очень часто китайцы использовали чужие паспорта, купленные у сезонных рабочих [6, с. 13].

Вице-консул 19 ноября 1916 г. в Харбине сообщал, что китайцы приобретали у соотече-

ственников, прибывших из России, паспорта за 12 рублей. Учитывая спрос на такие паспорта, на приграничных территориях образовывались даже тайные конторы, которые скупали не только старые паспорта, но и изготавливали фальшивые. В этом же году на станции Пограничной были задержаны китайцы и у них было обнаружено 90 чистых бланков китайских паспортов, 2 нумератора, 16 различных штемпелей и 2 печати (одна – российского вице-консула в Чифу, другая – вице-консула в Янцыне [Там же, с. 13].

На начало XX в. в Приамурском крае из-за уклонений от сборов разными способами, казна недополучила около 300 тыс. рублей, отмечает В. В. Синиченко [Там же, с. 14].

По данным архива, только за 1905–1911 гг. в Забайкальской области властями было обнаружено 2 171 случай безбилетного проживания китайцев и корейцев. Также о попытках избежать правительственной регистрации свидетельствовали высокие суммы, собираемые в виде штрафов за уклонение от получения годовых билетов, так в Забайкальской области эта сумма доходила до 50 % от суммы самого налога. По данным иркутского и приамурского генерал-губернаторов, общее число иностранных поданных составляло приблизительно 152 000 человек, но эту цифру следовало считать значительно преуменьшенной.

Факт быстро прогрессирующего роста иностранного населения в Приамурской и в Забайкальской области был на лицо, о чем документально свидетельствует увеличившиеся за время с 1905 по 1912 г. в среднем в 2,5–3 раза суммы сборов за русские билеты с китайцев и корейцев.

Сведения о поступлении сборов с китайцев и корейцев по Приамурскому генерал-губернаторству и Забайкальской области Восточно-Сибирского генерал-губернаторства представлены в таблице [Там же, с. 14].

Сборы за русские билеты с китайцев и корейцев

Сборы (р.)	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.
<i>Приморская область</i>								
Налог	88 087	13 0778	258 887	268 234	244 204	284 950	318 410	49 381
Штраф	36 038	21 447	50 552	47 016	24 753	54 025	89 926	144 600
<i>Амурская область</i>								
Налог	52 978	25 327	19 407	46 378	107 277	96 640	108 513	143 750
Штраф		9 655	12 910	20 295	76 770	61 905	62 050	79 570
<i>Забайкальская область</i>								
Налог	5 718	4 551	6 154	2 640	3 748	7 132	14 028	21 144
Штраф	4 170	1 586	1 750	6 740	7 175	7 345	16 906	7 208
<i>Сахалинская область</i>								
Налог	–	–	–	–	848	2 021	2 434	3 616
Штраф	–	–	–	–	246	337	1 325	1 464
<i>Камчатская область</i>								
Налог	–	–	–	–	–	1 266	1 201	1 086
Штраф	–	–	–	–	–	212	130	276

Так, по Забайкальской области основного налога за билеты поступило в 1905 г. – 5 175 р. 25 коп. [4, л. 2 об.], в 1910 г. – 7 132 р., 1911 г. – 14 028 р., а в 1912 г. уже 21 144 р. По объему взимаемых штрафов, мы можем говорить и о том, что росло и количество неучтенных китайцев и корейцев.

Однако в 1912 г. налогов было собранно 21 144 р., а штрафов 7 208 р., а годом ранее 14 028 и 16 906 р. соответственно, что говорит и об увеличении численности восточных рабочих и об эффективности деятельности правоохранительных органов.

Но поскольку российские власти стремились заселить Дальний Восток русским населением, то становилось необходимым полное урегулирование «желтого вопроса». И это было возможно при соблюдении некоторых мер, таких как усиление местной администрации и наличие благоприятной экономической обстановки для привлечения русских.

Часть корейского и китайского населения в 1890-е гг. перешла в «сословие иностранцев», и к нему стали применять законы, регулирующие пребывание последних на русском Дальнем Востоке.

Фактически все корейцы, которые проживали на русской территории не менее пяти лет, были к началу XX в. приняты в русское подданство, что, в общем-то, делалось в полном соответствии с указанием приамурского генерал-губернатора Гродекова [2, с. 71]. Всего, по официальным данным, на начало 1900-х гг. в Приморье и Приамурье насчитывалось 16,5 тыс. человек русскоподданных и около 12 тыс. ненатурализованных корейцев. Интересен тот факт, что циркуляры Гродекова об урегулировании правового положения корейского населения были хорошо известны корейцам, и они неоднократно на них ссылались в своих ходатайствах о русском подданстве.

Приток новых переселенцев из Кореи продолжался и в начале XX в. После русско-японской войны и последовавшей затем аннексии Кореи он даже усилился. Вновь прибывшие корейцы автоматически «попадали» в третью категорию. Отнесенные к этой категории корейцы отличались от русскоподданного населения тем, что они, помимо всего прочего, во-первых, не имели официально закрепленных земельных наделов, во-вторых, вместо натуральных, земских и мирских повинностей, которые несли русскоподданные корейцы, должны были ежегодно продлевать «русские билеты».

Проживание корейской семье, не имевшей русского подданства, обходилось несколько дороже, так как чаще всего при проживании

в сельской местности она вынуждена была арендовать землю у приписных крестьян, казаков или у казны. Но в Забайкалье данные факты единичны.

Негативные последствия заполнения рабочего рынка иммигрантами из Кореи и Китая, тормозившие интенсивное развитие сельского хозяйства и промышленности Дальневосточного региона России, вызвали издание царским правительством 21 июня 1910 г. «Закона об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского Генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц состоящих в иностранном подданстве». Он вводил следующие ограничения в отношении корейцев и китайцев, не имеющих русского подданства: запрещалась сдача казенных земель для поселения и/или в аренду; казенных подрядов и поставок и их наем на работы, производившиеся для надобностей казенного управления.

В IV разделе закона отмечалось, что Совету министров предоставляется допускать в указанных местностях наем на срочные работы, для надобностей казенного управления лиц, состоящих в иностранном подданстве, в том случае, если окажется невозможным вести работы исключительно при помощи лиц русского подданства. На практике отдел IV названного закона применялся до 1917 г. несколько раз, чаще всего в отношении корейцев.

Однако надо отметить, что разработка закона от 21 июня 1910 г. по времени совпало с полной аннексией Кореи Японией. Последнее обстоятельство наложило определенный отпечаток на применение закона к иммигрантам из Кореи. Подавляющее большинство не желало признавать себя подданными Японии, хотя правительство последней стремилось к установлению определенной юрисдикции над корейцами в России.

В этом отношении следует признать положительным и отвечающим интересам корейских иммигрантов решение Совета министров России, принятое в конце 1910 г., о том, чтобы «идти навстречу пожеланиям корейцев, не признающих японского владычества над своей страной, принять русское подданство».

Регистрация русскими властями ходатайства корейца о принятии подданства сопровождалась выдачей последнему соответствующего удостоверения, которое предоставляло ему возможность устроиться, например, на прииски, а также на некоторые другие казенные предприятия. На частные предприятия, конечно, никаких ограничений по найму иммигрантов и отходников государством не вводились.

Действие закона 21 июня 1910 г., таким образом, в отношении нерусскоподданных корейцев было в значительной степени нейтрализовано. Нередки были случаи, когда бывшим корейским подданным выдавались виды на жительство, а затем и удостоверения о принятии ходатайства на русское подданство «на основании лишь явленных ими метрических выписей о крещении». Например, в Забайкальской области в 1915 г. таким образом было выдано 70 русских билетов 70 корейцам (без членов их семей). Выдача видов на жительство нерусскоподданным корейцам производилась на основании циркуляра приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, «Учреждениям и лицам, заведывающим выдачей корейцам русских билетов». В нем говорилось о том, что корейцам, возбуждавшим ходатайство о принятии в русское подданство, «должны быть выдаваемы русские билеты и в том случае, если у них не имеется национальных паспортов» [2, с. 72].

Другим видом китайского экономического преступления была неуплата российским властям налогов за осуществление коммерческой деятельности.

Например, китайцы занимались различными видами деятельности, так в Читинском уезде работали 61 торговец, 265 огородников, 152 китайца занимались изготовлением кирпичей, было 7 плотников, 2 каменщика, 67 чернорабочих, 3 кузнеца. Средняя стоимость содержания корейского или китайского рабочего составляла от 7 до 9 рублей в месяц. Чернорабочие, не знающие ремесла, зарабатывали от 60 до 80 копеек в день, что в месяц составляло до 24 рублей. Из этой суммы причиталось содержание за месяц (7 р.) и затраты на одежду (до 3 р.), то есть чистая прибыль в месяц составляла 14 рублей. Китайцы и ко-

рейцы при аренде земли могли получить чистой прибылью 20–25 р. в месяц. Ремесленники и торговцы в среднем зарабатывали не менее 30–35 р. в месяц. Китайские и корейские земледельцы зарабатывали в среднем за месяц от 7 до 10 р. По второму участку числилось 18 корейцев – рабочих и один кореец «Пуля» занимался огородничеством на стойбище Дях [1, л. 47]. Согласно же официальной статистике, за 1907 г. китайцы зарабатывали в России незначительные деньги, что не отражало реальные уровни их доходов [6, с. 16].

Таким образом, на начальном этапе взаимодействия все отношения с китайцами и корейцами строились на основе международных договоров. Затем российские власти стали регулировать этот процесс. Прежде всего, было запрещено прибывать на русскую территорию без национальных паспортов. При въезде в Приамурский край китайцы и корейцы должны были визировать свои паспорта на заставах или в определенных городах, получать виды на жительство и платить установленные сборы. Что, в свою очередь, влекло нарушение данных правил: очень большой процент прибывающих китайцев и корейцев не оформляли виды на жительство либо пользовались чужими или фальшивыми документами.

Нарушение налогового законодательства Российской империи происходило также и из-за желания российских частных предпринимателей максимизировать прибыль, используя как можно больше дешевой рабочей силы, а осевшие и принявшие российское подданство китайцы и корейцы, нанимая соотечественников, также не сообщали об этом властям. Незаконная миграция использовалась нечистыми на руку как российскими, так и иностранными чиновниками.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1(0). Д. 6996.
2. Петров А. И. Иммиграционная политика царского правительства России в отношении корейцев на Дальнем Востоке в начале XX в. // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона Первые Крушановские чтения. 1998 г. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С. 71–74.
3. Петров А. И. Международно-правовое положение корейцев на Дальнем Востоке России (1860–1879 гг.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2000. № 1. С. 92–111.
4. РГИА ДВ (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока). Ф. 702. Оп. 1. Д. 23.
5. РГИА ДВ. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 105а.
6. Синиченко В. В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 192 с.

.....

Ланцова Ю. Н. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, astra205@yandex.ru

Lantsova Y. N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of History Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, astra205@yandex.ru

.....

УДК 93/94
ББК 63.3(2ЧИТ.)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ В ЧИТЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917)

Елена Васильевна Севостьянова

Читинский институт (филиал) Байкальского государственного университета, г. Чита
sevostyanova.elena@mail.ru

На основе архивных материалов рассматривается помощь беженцам в областном центре Забайкалья годы, в г. Чите, в период Первой мировой войны. Выявлены направления работы по оказанию помощи беженцам, формы и размеры материальной благотворительной помощи, количественные и качественные характеристики. Проблема рассматривается с учетом антропологического ракурса.

Ключевые слова: *благотворительность, призрение, Первая мировая война, Забайкалье, беженцы, Читинский комитет помощи беженцам*

ORGANIZATION OF ASSISTANCE TO REFUGEES IN CHITA DURING THE FIRST WORLD WAR (1914–1917)

Elena V. Sevostyanova

Chita Institute (Branch) of the Baikal State University, Chita
sevostyanova.elena@mail.ru

On the basis of archival materials, assistance to refugees in the regional center of Transbaikalia during the First World War is considered. The directions of work on providing assistance to refugees, the forms and size of material assistance are revealed. The problem is considered from an anthropological perspective.

Keywords: *philanthropy, charity, World War I, Transbaikalia, refugees, Chita Committee for Refugee Assistance*

Первая мировая война стимулировала российскую благотворительность, как на центральном, так и на региональном уровне. Расширение благотворительной деятельности проявилось в увеличении номенклатуры призываемых (беженцы, семьи призванных в войска, раненые), в разнообразии мероприятий по сбору средств, в увеличении численности благотворительных обществ различных типов и наименований. Одним из направлений работы была помощь беженцам. Благотворительную «беженскую помощь» можно разделить по адресату на два типа: помощь российским беженцам через участие в деятельности Татьянинского комитета и помощь тем беженцам, которые прибыли на территорию Забайкальской области.

В годы войны в России возник Комитет ее императорского величества Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет). Центральный Татьянинский комитет за первые 10 месяцев своей работы собрал до 7 млн. рублей, из них доля казен-

ных ассигнований составила только 400 тыс. рублей. Остальная сумма была собрана за счет пожертвований императорской семьи, земств, городов, общественных объединений и частных лиц. В 1915 г. в Забайкалье было организовано одиннадцать временных Татьянинских комитетов для сбора пожертвований в Чите, Баргузине, Троицкосавске, Верхнеудинске, Мысовске, Петровском Заводе, Селенгинске, Нерчинском Заводе, Акше, Нерчинске, Сретенске. Комитеты проводили благотворительные сборы «в пользу разоренных окраин России» [11, с. 24].

Военный губернатор Забайкальской области А. И. Кияшко поручил координацию сбора в Забайкальской области Областному по крестьянским делам присутствию. Для активизации жертвователей были подготовлены «руководящие начала» и разосланы от имени военного губернатора атаманам, крестьянским начальникам, заведующим переселенческими участками и «наиболее влиятельным лицам казачьего, крестьянского и инородческого населения». Среди кочевого скотоводческого населения было решено провести сбор пожерт-

вованый не только деньгами, но и одеждой, обувью, шкурами и «другими вещами». Активное участие в сборе пожертвований принимали ширетуи дацанов. Атаманам военных отделов, крестьянским начальникам, заведующим подрайонами были разсланы плакаты, «летучие листки», письма от имени военного губернатора. К сбору пожертвований, по предписанию крестьянских и инородческих начальников, были привлечены сельские старосты, отвечавшие за проведение в своих селениях «сбора на голодающих, разоренных врагом». Участие в агитации принимали и частные жертвователи. Так, казак Могойтуевской станицы Иннокентий Елистратов, собравший 28 р. 86 к. и 38 пудов зерна, на полученном им подписном листе, в который заносились имена жертвователей и суммы собственноручно написал обращение к жертвователям: «Братья христиане, соседи, други и товарищи, памятуя завет Христа Спасителя, дадим алчущему хлеб, рука дающего не оскудевает от праздных трудов» [2, л. 121].

Активными участниками сборов были как индивидуальные, так и коллективные жертвователи. Так, например, от Читинского общества взаимного кредита поступило 2 700 р. [4, л. 84 об.]. В 1915 г. в целом в Забайкальской области было собрано зерна на оценочную стоимость 15 367 р. 4 к.; вещей и продуктов на сумму 638 р. 79 к.; наличных денег – 10 735 р. 23 к. Общая итоговая сумма сбора составила 26 741 р. 6 к. [2, л. 150; 4, л. 118, 119]. С разрешения Центрального Татъянинского Комитета собранные деньги были переданы в распоряжение Забайкальского комитета по обеспечению нужд беженцев для оказания помощи беженцам, находящимся в Забайкальской области. На текущий счет Комитета поступило 19 871 р. 37 к., 200 руб. было передано Верхнеудинскому уездному комитету, Нерчинскому комитету – 1 625 р. 78 к. [2, л. 140, 148]. Собранное зерно выдавалось для посева.

В силу целевой специфики Татъянинского комитета, в Центральном комитете были представители от национальных общественных организаций [7]. В факте создания национальных беженских комитетов ряд исследователей усматривают рост этнического самосознания. Всего целенаправленную помощь беженцам в Чите и в области оказывали: Забайкальский областной комитет по оказанию помощи беженцам, Читинский городской комитет помощи беженцам, Читинское латышское общество вспомоществования беженцам Прибалтийского края, Забайкальское литовское благотворительное общество, Читинский отдел Петроградского польского общества помощи жерт-

вам войны, Комитет Забайкальского общества для оказания временной помощи еврейскому населению, пострадавшему от военных действий, Нерчинский временный комитет помощи беженцам, Мысовский дамский комитет о попечении над беженцами. В число благотворителей была занесена как «частное лицо» Мария Константиновна Стоцкая [12, с. 125].

Читинский городской комитет помощи беженцам был создан 28 августа 1915 г. Возглавил комитет М. Ф. Чапас, заместителями выбрали заведующего землеустройством и переселенческим делом в Забайкальской области А. М. Ярмош и присяжного поверенного М. А. Ваксберга. В 1916 г. председателем Комитета стал городской голова Савич. Однако при обоих председателях фактически обязанности председателя Комитета исполнял М. А. Ваксберг. В июле 1916 г. А. М. Ярмош писал военному губернатору, что М. А. Ваксберг «особенно выделялся своей неутомимой энергией, всегда направленной к разумному устройству» беженцев. Отметим, что военный губернатор поддержал ходатайство о награждении Ваксберга орденом св. Станислава 3-й степени. Однако иркутский генерал-губернатор отказал на основании того, что М. А. Ваксберг Тобольским окружным судом 24 мая 1908 г. был приговорен к шести месяцам заключения, которые отбывал в Верхнеудинской тюрьме. В ответе было отмечено и то, что, по данным агентуры, М. А. Ваксберг как член Российской социал-демократической партии «является деятельным её работником», а потому ходатайство о его награждении «не может быть в принципе возбуждено» [1, л. 16, 20, 21, 24].

Первая семья беженцев прибыла в Читу 18 сентября 1915 г. Надо было снять возможность конфликта в первый день прибытия измученных дорогой людей, поэтому еще 30 августа 1915 г. А. М. Ярмош обратился с ходатайством к военному губернатору Забайкалья о выдаче «некоторой суммы» на организацию горячего питания на Переселенческом питательном пункте при станции Чита II «в первый по прибытии беженцев день».

Военный губернатор Забайкалья 2 августа 1916 г. докладывал иркутскому генерал-губернатору, что квартирный вопрос был решен «вполне благополучно»: местные организации «приложили усилия, для избежания казарменного размещения беженцев, поместив по несколько семей в квартирные особняки с таким расчетом, чтобы каждая из семей могла жить собственной жизнью» [3, л. б/н]. Из 1 703 беженцев зимой 1916 г. пользовались помещением, нанимаемым для них Комитетом, 1 467 че-

людей, только из них 123 чел. были размещены в бараках и 113 чел. получали «квартирное пособие».

До получения государственных средств на выдачу пособий Комитет организовал особую благотворительную комиссию, которая собралась к 1916 г. 11 084 р. 23 к. частных пожертвований. Это позволило Комитету выдавать средства дополнительно к государственному пособию. В Чите продовольственный паек нетрудоспособным беженцам выдавался в размере 25–30 копеек в день на человека. Хотя, согласно государственному «Положению об устройстве беженцев», паек не должен был превышать 20 копеек, однако, по мнению членов Читинского комитета, «при внимательном наблюдении за жизнью беженцев» выяснилось, что размер казенного пайка крайне недостаточен и «может губительно отразиться на опекаемых беженцах». Поэтому Комитет решил увеличить казенную норму за счет благотворительных средств, обеспечив «необходимый минимум для здорового существования человека». Надбавка производилась из расчета 5 копеек в сутки, «иногда и больше» [2, л. 1, 18]. Сначала прибытия беженцев в область и до 1 апреля 1916 г. было истрчено 10 756 р. 23 к.

Беженцы, особенно дети, прибывали в Читу больными, измученными дальней дорогой, поэтому Комитет привлек двух врачей для осмотра и лечения. Медикаменты отпускала Софийская аптека со скидкой 50 %. Почти все беженцы не имели ни обуви, ни одежды, не говоря уже о домашнем скарбе. Поэтому Комитет 8 ноября организовал в Чите однодневный благотворительный сбор вещей. Кроме того, Комитет, решивший снабдить одеждой в первую очередь трудоспособных взрослых и детей, приобрел теплой одежды на 4 761 р. В декабре 1915 г. Комитет раздал 201 полушубок взрослым и 150 детям. Кроме того, было закуплено 150 пар ичиг и 500 валенок, 200 папах, 75 детских шапок, 75 теплых платков, 550 пар перчаток и рукавиц. В феврале 1916 г. приобретены и розданы ватные пиджаки, брюки, «разного рода материя» [5, л. 6].

Беженцы часто обращались за разъяснениями и разного рода справками юридического характера, поэтому Комитет открыл особую юридическую комиссию из местных адвокатов, которая три раза в неделю вела прием при справочном Бюро по рабочему вопросу. Бюро помогало беженцам и в поисках работы.

Беженцы в основном расселялись в городах, и наибольшее их количество пришлось на Читу. Всего зимой 1916 г. призревалося 1 703 человека: в Чите – 1 196, в Читинском

уезде – 107, в Верхнеудинске – 141, в Верхнеудинском уезде – 95, в Нерчинске – 14, в Нерчинском уезде – 74. Довольствие на питание получали 1 383 человека [2, л. 17].

Большую часть прибывших беженцев составляли дети и старики: к 12 июня 1916 г. Читинским городским Комитетом было зарегистрировано 1 086 человек, из них детей – 495, взрослых – 632, из них стариков 254 [1, л. 17]. Большая часть беженцев были выходцами из Гродненской губернии – 73 %. Из Холмской губернии прибыли 11 %, Волынской – 6 %, Виленской – 4 %, Ковенской – 3 %, Минской – 3 % беженцев.

Значительная часть беженцев-крестьян, «привыкших заниматься хозяйством в условиях северо-западной деревни», не желала оставаться в Забайкалье из-за непривычных климатических условий, высоких цен. Так, в октябре 1915 г. военному губернатору поступило прошение от шести крестьян Холмской губернии, в котором они сетовали на то, что всех жителей их местности направили в Смоленскую губернию, а их с семьями в числе 28 душ отправили в Читу, хотя уже дорогой они просили об отправке в Самару. Ходатаи писали, что по прибытии в Читу им дали продовольствие и помещение, но сказали, что «через неделю они должны приискать себе квартиры и сами заботиться о своем содержании», что очень сложно при «здешней дороговизне и невозможности приискать работу в такое короткое время, тем более, что некоторые в преклонном возрасте, а другие обременены большим семейством». Беженцы просили отправить или в Смоленск, куда уехали земляки или «хотя бы в Самару, где жизнь дешевле и условия местности благоприятные». Военный губернатор распорядился просьбу удовлетворить и сообщить в Центральный Татьянинский комитет, что таких случаев становится «все больше и больше» [3, л. б/н].

Комитет, заботясь «в высокой степени» об экономии предоставленных в его распоряжение средств», устроил 219 беженцев на работу в Чите, 100 отправил на сельскохозяйственные работы в села. Однако часто беженцы уезжали неохотно, считая, что в сельской местности им не будут оказывать той помощи, которую они получают в городе. Членам Комитета пришлось «использовать все меры морального воздействия», создать особую комиссию, провести медицинское освидетельствование «на способность к сельскохозяйственному труду». В апреле первая партия из 9 человек была отправлена на агрономический пункт в с. Романовское на обработку льна. В мае –

июне беженцы уехали на работу в Верх-Читу (23 чел.) и в Тарбагатай Верхнеудинского уезда (67 чел.). Часть беженцев была устроена на другие работы. Так, Читинский уездный комитет по обеспечению нужд беженцев 8 июля 1916 г. сообщал, что по линии железной дороги проживает беженцев: мужчин – 24, женщин – 34, детей – 29. Из них 14 мужчин получили работу на железной дороге и одна женщина работает прислугой [2, л. 7].

Значительную часть беженцев составляли дети: к 10 декабря количество детей увеличилось до 431, при этом дети школьного возраста составляли 56 %. Для детей была открыта школа на 78 человек, и совместно с Братством Кирилла и Мефодия организованы два церковно-приходских училища на 74 ученика. В городском училище обучались 12 детей, один был принят в Учительскую семинарию и один в Миссионерское училище. Дети дошкольного возраста могли посещать Читинский детский сад, созданный по общественной инициативе.

К 1917 г. Читинский городской комитет помощи беженцам практически перестал существовать: из 27 членов осталось только двое не отказавшихся от выполнения добровольных обязанностей по организации помощи беженцам. Причины в заявлениях были указаны разные: отъезд из Читы, призыв в армию, отсутствие свободного времени, переутомление [8, л. 17 об., 83, 98, 102]. Основной причиной выхода из состава Комитета было изменение принципов призрения. В 1916 г. государственная власть стала ориентировать на то, чтобы местные комитеты только помогали беженцам «адаптироваться в новых условиях, трудоустроиться и ориентировали их на самообеспечение». Теперь государственное субсидирование выделялось на 50% беженцев. Для Читы это означало, что ежемесячный дефицит будет составлять не менее 900 руб., поскольку «специфическими особенностями беженской массы» было то, что основную часть составляли старики, инвалиды, женщины с малолетними детьми; к тому же, в основном это были крестьяне, с трудом адаптирующиеся в городе». По мнению членов Читинского комитета, новые правила выдачи пособий беженцам создавали «невозможное положение в принятом на себя деле»: состав беженцев был таким, что лишить половину из них помощи было «совершенно невозможно», но и при отпуске кредитов на половину беженцев, «содержать вторую за чей-то счет тоже (было бы) невыносимо» [7, л. 6]. К тому же, сметы на получение казенных пособий составлялись задолго до выдачи пайков и не давали возможности индивиду-

ализировать помощь, увеличив ее в случае болезни, смерти, рождения ребенка, потери работы. Лишенные пайка трудоспособные беженцы «грубо возмущались», «в самых скверных выражениях» обвиняли членов Читинского комитета в присвоении пайков. Обостряло ситуацию то, что городской комитет первоначально сам подыскивал квартиры беженцам и рассчитывался с домохозяевами, а затем стал выдавать беженцам «квартирные деньги». Таким решением недовольны были и беженцы, и домовладельцы, опасавшиеся недополучить квартирной оплаты.

В результате уже в 1916 г. прекратился «приток добровольных работников» и сложное дело помощи беженцам осталось на плечах нескольких членов Комитета, «бессильных с ним справиться». Гласные Городской думы П. А. Кузнецов и М. И. Цветнев на заседании 11 января 1917 г. заявляли, что им «очевидно, что общественные работники, взявшие на себя это дело, весьма ответственное и трудное», испытывают крайнее «переутомление в бескорыстном труде». Рассчитывать же на приток новых сил не приходится, поскольку во всех общественных организациях Читы «работают одни и те же лица» [Там же, л. 7]. В марте 1917 г. было решено объединить помощь разных беженских организаций, но попытки привлечь новые силы в Комитет по призрению беженцев «оказались безрезультатны». Наконец, в августе в Комитет вошли 10 гласных Городской думы [6, л. 90].

Помощь беженцам окончательно трансформировалась к 1917 г. В январе 1917 г. городская управа Читы решила детей беженцев на общих основаниях зачислить в школы города; оказывать медицинскую помощь на общих основаниях с временным освобождением от уплаты больничного сбора; беженскому Комитету выдавать только 160 р. в месяц на покрытие дефицита и 80 р. на школьные нужды [7, л. 43–44]. 30 октября 1917 г. в последнем воззвании Комитета говорилось, что средств недостаточно, поэтому беженцы отныне могут рассчитывать только на собственные силы [10, л. 115].

После Февраля 1917 г. формальный статус благотворительных обществ был не ясен. Временное правительство в марте сообщило, что считает необходимым сохранить «пока на прежних основаниях» Татьянинские комитеты на местах, князь Львов телеграммой просил «оказать содействие» работе «в прежнем составе» [13]. Но в целом прежняя система развалилась, на создание новой системы социального попечения не хватало ни средств, ни сотрудников.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5305.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 14. Д. 17460.
3. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 44.
4. ГАЗК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4899.
5. ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 880.
6. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 51.
7. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 55.
8. ГАЗК. Ф. 226. Оп. 1. Д. 61.
9. Личный состав Комитета Ея Императорского величества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий и его местных отделений. Петроград: Гос. тип., 1916. 84 с.
10. Мантурова С. Ч. Социальное призрение беженцев в Забайкалье в годы Первой мировой войны // Иркутский историко-экономический ежегодник – 2005. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. С. 112–115.
11. Севостьянова Е. В. Благотворительность и призрение в городах Забайкальской области в период Первой мировой войны: взаимодействие власти и общества // Политика и общество. 2020. № 3. С. 24–35.
12. Севостьянова Е. В. Национальные общественные объединения в досуговой сфере Читы в период смены политических режимов и гражданской войны (1917–1920) // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2020. Ч. 1. С. 125–128.
13. Татьянинский комитет // Известия. 1917. № 7.

.....

Севостьянова Е. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, предпринимательства и гуманитарных дисциплин, Читинский институт (филиала) Байкальского государственного университета, г. Чита, Россия, sevostyanova.elena@mail.ru

Sevostyanova E. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of World Economy, Entrepreneurship and Humanities, Chita Institute (Branch) of the Baikal State University, Chita, Russia, sevostyanova.elena@mail.ru

.....

УДК 93/94
ББК 63.3(0)61

ЗАБАЙКАЛЬЕ И СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ НА КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Владимир Григорьевич Дацышен

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
dazishen@mail.ru

Статья посвящена советско-китайскому конфликту на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в его региональном содержании, на примере забайкальских территорий Дальневосточного края, Забайкалья. В силу геополитического положения Забайкалья, возникавшие в русско-китайских отношениях проблемы, непосредственно и напрямую отражались на всех сферах жизни региона. В свою очередь, от общей ситуации в регионе, экономической, общественно-политической и демографической во многом зависел ход конфликта, перспектива его скорейшего разрешения. Именно через Забайкалье осуществлялись все связи и перевозки войск и гражданского населения, вызываемого конфликтами на восточных окраинах России. Важнейшим фактором развития Забайкалья во второй половине 1920-х гг. был советско-китайский конфликт на КВЖД. Оформившись в 1926 г., он пережил острую фазу в 1929 г., в его ходе через Забайкалье прошла транзитом или была размещена большая часть войск Сибирского военного округа. Прибытие значительных сил войск вызвало дополнительные проблемы для региона. Большой общественный резонанс вызвало массовое передвижение по Забайкалью в условиях конфликта советских служащих КВЖД. Конфликт серьезным образом отразился на положении китайских мигрантов в России и русских мигрантов на сопредельной с Забайкальем территории Китая. В 1929 г. в Восточном Забайкалье на некоторое время были размещены несколько тысяч китайцев, попавших в СССР в качестве военнопленных и интернированных. В 1930 г. мероприятия и миграции, вызванные советско-китайским конфликтом на КВЖД, в основном были прекращены, однако опыт милитаризации региона стал важным фактором дальнейшего развития Забайкалья. Для восстановления исторической картины участия Забайкалья в событиях советско-китайского конфликта на КВЖД в научный оборот вводится большой пласт исторических источников, в основном из фондов Российского государственного военного архива, а также из фондов региональных архивов Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Забайкалье, советско-китайский конфликт на КВЖД, 1929 год, транзитные перевозки и мобилизационные мероприятия

TRANSBAIKALIA AND THE SOVIET-CHINESE CONFLICT ON THE CHINA-EASTERN RAILWAY

Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal University, Krasnoyarsk
dazishen@mail.ru

The article is devoted to the Soviet-Chinese conflict on the CER in its regional content on the example of the Trans-Baikal territories. The Far Eastern Region, Transbaikalia, due to the geopolitical position of Transbaikalia, the problems that arose in Russian-Chinese relations directly and directly affected all spheres of life in the region. In turn, the course of the conflict and the prospect of its early resolution largely depended on the general situation in the region, the economic, socio-political and demographic situation. It was through Transbaikalia that all communications and transportation of troops and civilians caused by conflicts on the eastern outskirts of Russia were carried out. The most important factor in the development of Transbaikalia in the second half of the 1920s was the Soviet-Chinese conflict on the CER. Having taken shape in 1926, it experienced an acute phase in 1929, during which most of the troops of the Siberian Military District passed through Transbaikalia or were stationed. The arrival of a significant number of troops caused additional problems for the region. A great public outcry was caused by the mass movement of Soviet employees of the CER in the conditions of the conflict in Transbaikalia. The conflict has seriously affected the situation of Chinese migrants in Russia and Russian migrants on the territory of China adjacent to Transbaikalia. In 1929, several thousand Chinese who were taken to the USSR as prisoners of war and interned were placed in eastern Transbaikalia for a while. In 1930, the events and migrations caused by the Soviet-Chinese conflict on the CER were mostly stopped, but the experience of militarization of the region became an important factor in the further development of Transbaikalia. To restore the historical picture of the participation of

Transbaikalia in the events of the Soviet-Chinese conflict on the CER, a large layer of historical sources is introduced into scientific circulation, mainly from the funds of the Russian State Military Archive, as well as from the funds of the regional archives of Siberia and the Far East.

Keywords: *Transbaikalia, the Soviet-Chinese conflict on the CER, 1929, transit transportation and mobilization measures*

Российское Забайкалье на протяжении всей своей истории, более трех с половиной веков, развивалось как пограничный регион. Специфика территориально-административного устройства, развитие коммуникаций, инфраструктура экономики, демографическая структура населения и прочее, все это во многом определялось фактором границы. Специфика Забайкалья в ряду других приграничных регионов определялась тем фактом, что именно через эту территорию осуществлялся транзит из России во все приграничные с Северо-Восточным Китаем территории. Особыми в истории региона были периоды жесткого противостояния и конфликтов с соседним Китаем. В это время в Забайкалье резко активизировались передвижения войск и различных групп населения, включая мигрантов, как внутри региона, так и в транзитном порядке.

Одним из самых сложных и острых конфликтов между двумя государствами был конфликт на КВЖД 1929 г. Это был первый в истории Советского Союза военный конфликт с соседним государством. Этот конфликт на КВЖД 1929 г. стал самым крупным и кровопролитным столкновением в истории советско-китайских отношений.

Основы конфликта на КВЖД были заложены самим строительством этой российской дороги на территории Китая на рубеже XIX–XX вв. Революционные события в России не привели к кардинальным изменениям в русско-китайских отношениях по вопросу КВЖД. Дальневосточная республика с центром в Чите попыталась снять русско-китайские противоречия путем безвозмездной передачи КВЖД. Правительство ДВР в мае 1921 г. разработало проект договора между правительствами Китайской и Дальневосточной республик о Китайско-Восточной железной дороге. Однако Москва не поддержала инициативу Читы и стала продвигать проект совместного управления КВЖД. Исследователи пришли к выводу: «Не будет преувеличением сказать, что если бы приведенный выше проект договора о КВЖД был передан пекинскому правительству и одобрен им, то день, когда это произошло, мог бы стать знаменательным моментом истории советско-китайских отношений. Китай получил бы то, к чему он тщетно стремился все последующие годы, – Китайско-Восточная железная дорога стала бы его собственностью... По боль-

шому счету выиграла бы от этого и Советская Россия, которой удалось бы устранить камень преткновения в отношениях между двумя странами» [38, с. 367, 368].

Однако «камень преткновения» был не устранен, а встроен в фундамент новых советско-китайских отношений, что во многом и определило историю советского Забайкалья как прифронтового региона. 20 сентября 1924 г. было подписано «Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики» [57, с. 218], которое на следующий год, когда к власти в Пекине пришли подконтрольные Чжан Цзолиню силы, было признано и правительством Китайской Республики. КВЖД признавалась совместным коммерческим предприятием, Китайская сторона получила право назначать Председателя Распорядительного комитета, а советская – управляющего КВЖД. С этого времени началась борьба за реальную власть и контроль над дорогой.

КВЖД 3 октября 1924 г. перешла под советское управление, а первый серьезный конфликт между управляющим дорогой А. Н. Ивановым и главноначальствующим Особого района восточных провинций Чжу Цинланем произошел в ноябре 1924 г., и уже в декабре 1924 г. китайские власти потребовали уволить советского управляющего КВЖД А. Н. Иванова. Советское Забайкалье, в первую очередь Читинский и Сретенский округа Дальневосточного края, вновь оказалось в зоне конфликта. К этому времени управление войск было реформировано: 5-я Отдельная Краснознаменная армия была расформирована и передала свои части и учреждения на укомплектование 18-го и 19-го стрелковых корпусов в составе Сибирского военного округа. 18-й стрелковый корпус в составе 35-й Сибирской Краснознаменной стрелковой и 36-й Забайкальской стрелковой дивизий, а также других частей был сформирован в Чите. Вскоре управление корпуса переведено в Иркутск, а в Чите осталось управление 36-й стрелковой дивизии. В состав дивизии входили: 106-й стрелковый полк (Песчанка), 107-й Владимирский стрелковый полк (Даурия), 108-й Белорецкий стрелковый полк (Чита), 3-й Волжский артиллерийский полк (пос. Антипиha).

Советское руководство в борьбе за КВЖД опиралось на войска Сибирского военного округа. В мае 1925 г. бывший начальник и военный комиссар Разведотдела штаба РККА, ставший генеральным консулом СССР в Харбине, А. Я. Зейбот (Грандт) писал в Москву, что в связи с конфликтом нужно: «1) показать этой продажной сволочи, что мы шутить с собой не позволим и на военные угрозы ответим придвижением нескольких полков и броневиков к границе; 2) если бы они посмели арестовать Иванова – занять нашими войсками КВЖД...» [39, с. 1071]. Но к середине 1920-х гг., по мнению руководства Красной Армии: «фактическое положение вещей на Дальнем Востоке (политическое настроение крестьянства, малочисленность наших войск, предстоящая мобилизация) ни в коем случае не допускает агрессивной политики в отношении Китая» [55, с. 130].

В начале 1926 г. в советской политической пропаганде появилось выражение «Советско-китайский конфликт на КВЖД». Оно встречается не только в протоколе заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 января 1926 г. за подписью И. В. Сталина [7, с. 26, 27], но и например, в «Письменном докладе по поездке с информационным докладом в селения при Аргуне Борзинского района о событиях в Китае и конфликте на К. В. Ж. Д.» [15, л. 50]. Пиком конфликта стали события 22 января 1926 г., когда по приказу Чжан Хуаньсяна был арестован А. Н. Иванов. Китайцы не только захватили дорогу, но и арестовали около 500 советских служащих.

Конфликт на КВЖД 1926 г. привел к переброске советских войск в пограничные районы Забайкалья. 24 января 1926 г. из Хабаровска в Читу была направлена шифрограмма, в которой говорилось: «...войска сосредотачиваются на границе. Возможно, что придется занять войсками Харбин» [14, л. 24]. Из Читы утром 25 января 1926 г. сообщили в Борзю секретарю уездного комитета ВКП(б) Ларину: «...Связи событиями усиливается бдительность охраны Госграницы. С этой целью в гарнизон Даурия сосредотачивается наша дивизия и другие части. Эшелоны дивизии подойдут с сего числа по 31/I, Вам надлежит произвести работу по подготовке С/Советов и населения к более теплому приему Красно-Армейцев...» [Там же, л. 27–28].

Военные приготовления начала 1926 г. показали неготовность инфраструктуры к конфликту с Китаем. В воспоминаниях железнодорожника, участника событий 1926 г., говорилось: «Для перевозки частей в район Даурия Заб. ж. д. Управлению Забайкальской железной дороги был предъявлен план воинских перевоз-

ок... железнодорожный участок Карымская – разъезд 86 в то время был почти не действующим. На участке были две малюсенькие станции Борзя и Оловянная... План был выполнен, но с большими отклонениями от заданного срока» [27]. Новосибирский исследователь, опираясь на местные архивные документы, пишет: «Полномочный представитель ОГПУ Л. М. Заковский... заявил, что демонстрация СибВО на границе с Китаем – просто ухарство», «очень большая часть нашего комсостава не верит в нашу боеготовность» и «если придется сражаться, то с хорошо вооруженными армиями, а этого у нас далеко еще нет». По данным особого отдела ОГПУ, плохое материальное положение и питание красноармейцев приводило к появлению в их среде группировок, которые пытались установить связи с контрреволюционными внеармейскими элементами. По словам Л. М. Заковского, в одной из частей была выявлена небольшая группировка, собиравшаяся дезертировать к Чжан Цзолину [2, с. 106].

Население в 1926 г. также еще не было готово поддержать силовые действия Советского Союза против Китая. В «Письменном докладе по поездке... в селения при Аргуне Борзинского района о событиях в Китае и конфликте на К. В. Ж. Д.» говорилось: «О конфликте на К. В. Ж. Д. до моего приезда населению не было известно, за исключением селения Абагайтуй, т. к. в этом селении среди крестьянства слухи носились, эти слухи, по-видимому исчерпаны из-за границы со ст. Чжалайнора жителями, которые нелегальным путем видимо проезжающие туда» [15, л. 50]. Политагитатор в 1926 г. писал, что забайкальцы задавали такие вопросы: «Сильно ли заинтересовано Совправительство в КВЖД, если да, то с какой целью» [Там же, л. 50]. В докладе К. Е. Ворошилова в 1927 г. говорилось: «Крестьянство в целом войны не хочет, но на революционную оборону в случае нужды и при тщательной политической подготовке пойдет» [33, с. 150]. Таким образом, для продолжения борьбы за КВЖД советское руководство должно было заняться «тщательной политической подготовкой» крестьян для «революционной обороны». Однако советская пропаганда и агитация своей цели не достигли. Властям не доверяли не только крестьяне, но рабочие. В одном из документов «Сретенского окружкома ВКП(б), «Краткие сведения о политнастроении рабочих по приискам Сретенского Округа за 1929 г.», в части «Отношения рабочих к основным мероприятиям Соввласти и характер откликов в связи с конфликтом на КВЖД» отмечалось: «Фактов положительного отношения – 18, фактов а/с агитации

и пораженчества – 12»; «пр. Быстрый, Газимурово-Заводского р-она. По поводу конфликта на КВЖД, рабочий ЕПИФАНЦЕВ в разговоре высказывался: “Если будет война, то у нас народ за-граничников будет поддерживать, т. к. недовольства на Соввласть и у крестьян, и у рабочих большие. Крестьян ободрали, а рабочие голодают...”» [9, л. 161].

Выдвижение советских войск к границе в Забайкалье во время советско-китайского конфликта 1926 г. выполнило задачи демонстрации силы. 24 января 1926 г. генконсул в Мукдене А. А. Краковецкий подписал с комиссаром китайского МИД Гао Цинхэ соглашение об освобождении А. И. Иванова и восстановлении нормального сообщения на железной дороге. 28 января 1926 г. Политбюро ВКП(б) приняло решение начать отвод войск от границы. В письме Г. В. Чичерина от 19 февраля 1926 г. было сказано: «Конфликт на КВЖД для данного момента приблизительно кончился» [44, с. 604].

Конфликт на КВЖД 1926 г. привел к тому, что Москва заменила почти всех своих представителей в Китае. Однако ситуация на КВЖД, как и вообще в советско-китайских отношениях, оставалась стабильно тяжелой. Современники писали: «Летом 1926 г. харбинские военные власти предприняли новый нажим на Китайско-восточную железную дорогу...» [54, с. 157]. В декабре 1928 г. начался новый виток обострения советско-китайских отношений на КВЖД. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 января 1929 г. говорилось: «Емшанову сообщить, что если китайцы захватят КВЖД, принять все зависящие меры сопротивления, вплоть до угона максимально большого количества имущества и подвижного состава» [40, с. 113]. В мае 1929 г. произошло очередное обострение советско-китайских отношений, связанных с налетом китайской полиции на советское консульство в Харбине, где в тот момент проходило нелегальное собрание.

Развитие советско-китайского противостояния на КВЖД было важным фактором внешней и внутренней политики Советского Союза. Многие мероприятия и акции властей в Забайкалье вписывались в общий курс подготовки региона к противостоянию с Китаем. В первой половине 1929 г. советские правоохранительные органы и спецслужбы усилили репрессии против китайских мигрантов. Исполняющий должность консула Китайской Республики в Чите писал 8 июня 1929 г. председателю Читокрисполкома: «6-го сего июня около 4-х часов утра отрядами войск Читинского Отдела ОГПУ среди китайских граждан по городу были произ-

ведены массовые обыски, аресты и запечатана Китайская Баня. По сведениям арестованы более 20-ти человек» [16, л. 133]. В условиях обострения внутривосточной и международной ситуации советское руководство активизировало работу по укреплению границы. Особо внимание уделялось вопросам укрепления материальной базы и технического оснащения пограничников. В «Приложении к протоколу № 24. Заседания бюро Далькрайкома ВКП(б) от 7 июня 1929 г. об усилении охраны границ в том числе морских, в частности, говорилось: «В Нерчинском погранотряде организовать отряд легковых машин и мотоциклов, а также 5 грузовых машин» [20, л. 19, 37].

С начала лета 1929 г. вновь был поставлен вопрос о демонстрации силы на границе. 5 июня на заседании коллегии НКВД было принято решение «считать необходимым произвести более решительную демонстрацию на нашей границе с Маньчжурией» и ... «начать сворачивать наш консульский аппарат в Китае» [40, с. 146]. Однако Политбюро ЦК ВКП(б) эти решения не утвердило, а в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О Китае» от 13 июня 1929 г. говорилось: «Воспретить по линии ОГПУ какие-либо попытки обысков китайских консульств на территории СССР или ареста членов этих консульств» [41, с. 182].

В июне 1929 г. были зафиксированы случаи демонстративного изгнания советских служащих КВЖД на сопредельную территорию Забайкалья. В сообщении Управления пограничной охраны и войск полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края говорилось: «26 июня 1929 г. в 20 час. 40 мин. прибывшая из г. Маньчжурия к линии границы против ст. Отпор грузовая машина, нарушив границу... прошла в тыл советской территории на 100 м., где остановилась... Прибывшие с машины высадили несколько человек... Высаженные с машины задержаны нашим сторожевым нарядом. Они оказались служащими КВЖД... По показаниям переброшенных, они прибыли со ст. Бухеду в г. Маньчжурия для сдачи в советское консульство своих документов и получения виз на выезд в СССР, но 26 июня были арестованы маньчжурскими властями и насильственно переброшены в СССР» [46, с. 309].

Развитие советско-китайского противостояния в Маньчжурии привело к новому захвату китайскими властями КВЖД. 9 июля 1929 г. из Харбина в Москву была направлена телеграмма за подписями советского генконсула и управляющего КВЖД, в которой сообщалось: «Имеются сведения, что 10 июля, в 7 часов

утра, намечен захват КВЖД» [25, с. 378]. Действительно, 10 июля китайская полиция стала ставить под свой контроль объекты КВЖД, заняла центральный телеграф, арестовала несколько сотрудников дороги. 11 июля 1929 г. председатель Правления КВЖД вручил советскому управляющему декларацию, в которой утверждалось, что советская сторона не соблюдает условия Мукденского соглашения, а захват дороги осуществлен для проведения переговоров в рамках реализации советско-китайского соглашения по КВЖД. Управляющим КВЖД был назначен воспитанник Санкт-Петербургского института путей сообщения Фань Ци-гуан, а А. И. Емшанов и А. А. Эйсмонт были отстранены от исполнения своих обязанностей.

После захвата китайцами КВЖД советские граждане массово стали выезжать из Китая в Забайкалье и далее, на запад, в восточном направлении двинулись воинские эшелоны.

Источники дают противоречивую картину выезда советских граждан из Маньчжурии в Советский Союз через Забайкалье. Советские газеты в июле 1929 г. сообщили: «За день перед арестом тов. Емшанова и Эйсмонта было еще арестовано 92 человека... Большинство из них беспартийные... Поезд с 92 товарищами проследовал в Москву 10 и 11 июля» [4]. В интервью А. И. Емшанова была представлена необычная картина пересечения руководством КВЖД советско-китайской границы: «12 июля утром я и тов. Эйсмонт под усиленным нарядом китайской полиции, были отправлены на харбинский вокзал... Я и тов. Эйсмонт, окруженные китайскими полицейскими, прибыли на пограничный разъезд № 86. Нас не выпускали из вагона и никого не впускали в вагон. Наши семьи остались в Харбине, и что было с ними мы не знали. Так продолжалось сутки. 13 июля к нам в вагон был доставлен (тоже арестованным) помощник Начальника Службы Коммерческой тов. Рагозин. Через некоторое время под усиленным конвоем китайской полиции была выслана из Харбина и доставлена в наш вагон моя семья и семья тов. Эйсмонт... Днем 13 июля, по поручению Цицикарского генерал-губернатора, в наш вагон вошел командующий войсками генерал Лян. Генерал был утонченно вежлив... Эта вежливость, по китайским обычаям, считается величайшим оскорблением для того, кому ее оказывают. Полицейские шнырили по вагону... После ухода генерала Ляна китайцы втрое увеличили караул, оцепив вагон... 14 июля, к приходу курьерского поезда № 1, китайская полиция оставила вагон. Поезд № 1 прицепил наш вагон, и мы выехали в Москву с докладом правительству о положении дел» [4].

Советские представители из Китая проследовали на поезде через Забайкалье. Советские газеты сообщали: «Чита, 15 июля. Сегодня через Читку специальным поездом проследовал первый состав работников советских представительств и организаций в Харбине. Проехало 120 человек. Следом прибыло 4 вагона работников Китайско-Вост. жел. дороги» [3].

Далее газеты сообщали, что в ночь на 18 июля 1929 г. через Читку проследовали в Москву работники советского консульства в Харбине, торгпредства и других советских организаций. В документах Читинского окружкома ВКП(б) говорится: «Все партийцы были высланы Китайскими властями двумя партиями 11-го Июля и 7-го Августа, как актив...» [10, л. 60]. Таким образом, в июле 1929 г. из Китая через Забайкалье выехало несколько партий советских граждан. Однако определить точную численность их сложно. В напечатанной в советском сборнике документов сводке ОГПУ от 22 июля говорилось: «Вчера из Маньчжурии отправлен добавочный эшелон в 50 вагонов с эвакуирующимися. Всего из Маньчжурии эвакуировалось по железной дороге свыше 3 000 чел.» [46, с. 311]. Правда, этот документ опубликован без ссылок на источник, и не понятно, о каком эшелоне в 50 вагонов идет речь, материалы печати и другие источники не подтверждают факта вывоза из Китая за первые дни конфликта 3 тыс. человек.

Выезд советских граждан из Маньчжурии в Забайкалье продолжался летом – осенью 1929 г. [4]. В новосибирской газете за 30 июля 1929 г. сообщалось: «В Читку прибыл первый эшелон с рабочими и служащими со станции Маньчжурия» [42]. В документах Читинского окружкома ВКП(б) говорится о высылке из Маньчжурии 7 августа членов ВКП(б) [10, л. 60]. Из сводки отдела ОГПУ Забайкальской железной дороги от 14 августа 1929 г.: «Над гражданами СССР, увольняющимся с дороги и желающими выехать на нашу территорию, китвласти продолжают творить насилия... За время с 1 по 8 августа уволилось до 200 чел. Полицией часть из них арестовываются, остальные успевают выехать до ареста... Выезжающих гонят под охраной солдат полиции, причем отстающих бьют плетью и прикладами. 13 августа китвластями из Маньчжурии были выгнаны в сторону 86-го разъезда 345 чел. совграждан и вместе с вещами брошены в поле» [46, с. 316, 317].

Навстречу поездам с эвакуирующимися из Китая советскими гражданами в июле 1929 г. пошли через Забайкалье военные эшелоны.

В оперативной сводке штаба РККА № 1 от 13 июля 1929 г. говорилось: «Сосредоточение

войск в районе Даурия началось 13 VII 29 1 час 0 мин, окончить предполагается 16 VII 29...» [49, л. 50]. 15 июля 1929 г. датировано событие в истории 35-й стрелковой дивизии: «Дивизия в полном составе выступила по жел. дороге на Манчжурскую границу» [50, л. 7.]. Из воспоминаний командира роты, И. А. Мануйлова: говорится: «Ранним воскресным утром 13 июля 1929 года подразделения 105-го Ленинградского стрелкового полка, дислоцировавшиеся на станции Дивизионная... были подняты по тревоге... В тот же день наш полк несколькими железнодорожными эшелонами отправился на восток» [31, 8, 9]. Первый приказ по 105-му Ленинградскому стрелковому полку после прибытия его командования на станцию Борзя был издан 19 июля 1929 г. [48, л. 131]. 25 июля 35-я дивизия вошла в состав Даурской группы и расположилась в районе пос. Абагайтуевский. В Оперативной сводке Штаба РККА № 3 от 16 июля говорилось: «Забайкальское направление. 5-я кавалерийская дивизия сосредотачивается в районе Харанор-Даурия, 36-я сосредоточилась 15.7 в районе Даурия-Борзя-Сактуй... 4. Авиация: 25 авиаотряд – ст. Борзя... 35-я стр. дивизия погрузилась и следует в Борзя. Голова проходит через Читу. Хвост подходит к Верхнеудинску» [49, л. 52].

В этой сводке также указывалось, что бронепоезда № 65, 67 и находились соответственно на станциях Борзя и Даурия, а бронепоезд № 66 был еще в Чите. В это же время, как сообщалось в документах: «5-я истребительная эскадрилья следует железной дорогой... 40 легко-бомбардировочная эскадрилья и 26 авиапарк перевозятся по железной дороге в Читу... танковая рота следует железной дорогой на ст. Борзя» [Там же]. 16 июля из Москвы в Читу вылетела 26-я легко-бомбардировочная эскадрилья. Также через Забайкалье по железной дороге пошли эшелоны с частями для усиления войск в Приморье, в частности 26 стрелковая дивизия из Красноярска.

Общая картина прибытия советских войск к границе с Китаем в июле 1929 г. представлена в документе под названием «Справка». «Для усиления войск ДВК Забайкалье на границе с Китаем проведена следующая перегруппировка» [Там же, л. 44]: штаб 18-го корпуса был переброшен из Иркутска в Даурию. Туда же, в Даурию, перебросили 18-й саперный батальон, 18-й тяжелый артиллерийский дивизион, железнодорожную роту из Верхнеудинска, «9 авто-груз-машин» из Новосибирска, кадровые временные военно-санитарные поезда из Ленинграда. Управление 36-й стрелковой дивизии и дивизион бронепоездов из Читы

были переведены в Шарасун, Управление 35-й стрелковой дивизии – из Иркутска в Харанор. Управление 5-й кавбригады переехало из Даурии в Мациевскую, 25 авиаотряд из Читы был переведен в Борзю, а в Чите была размещена 26-я авиаэскадрилья из Ленинградского военного округа.

Позднее прибыла в Забайкалье из Западной Сибири и была размещена в районе Чита–Карымская – Нерчинский Завод 21-я Пермская стрелковая дивизия. В частности на станции Карымская был размещен прибывший из Барнаула 63-й Шуйский стрелковый полк. Сначала части дивизии были расквартированы в летних лагерях, а затем переведены на зимние квартиры. Дивизия, наряду с учениями, занималась строительными работами, в частности, была занята на строительстве железнодорожного моста.

Из Новосибирска в Читу 21 июля выехала редакция окружной газеты «Красноармейская звезда». В сентябре 1929 г. начала выходить газета ОДВА «Тревога», а «Красноармейская звезда» вернулась в Новосибирск. В это же время в Даурию из Иркутска привезли типографию, которая, правда, была годна лишь для печатания листовок [12, л. 26].

Численность советских войск, собранных на территории Дальневосточного края, к 31 июля 1929 г. составила 41 400 чел., из них около половины войск были сосредоточены в Забайкалье. Даурская группа войск СибВО насчитывала 11,5 тыс. человек, а в тылу у нее была собрана Читинская группа войск численностью 11 тыс. человек. [49, л. 114].

Летом 1929 г. стрелковые полки переводились на границу с Китаем не в полном составе. Например, в «Списке оставшихся на зимних квартирах 105-го полка» было 106 человек [48, л. 142]. Личный состав прибывших в Забайкалье частей и подразделений летом – осенью 1929 г. пополнялся военнообязанными запаса, прибывающими «для прохождения повторсборов» [Там же, л. 140]. В приказе по 105-му полку от 6 августа говорилось о «военнообязанных 1902 и 3 года рождения, прибывших из Средне-Омского ОВК в полк 5/VIII с/г для прохождения войсковой подготовки прикомандировываю на должность санитаров» [Там же, л. 140]. 21 сентября 1929 г., временно исполняющий обязанности командующего войсками Сибирского военного округа А. И. Мезис подписал «Приказ войскам Сибирского военного округа о призыве на действительную военную службу граждан 1907 г. рождения». В объявлении о призыве говорилось: «Призывные комиссии начнут свою работу с 5–10 октября. В этом году призыв

пройдет в более короткий срок, чем в предыдущем» [34]. Призыв «производился на территории Сибирского края, Дальневосточного края и Бурят-Монгольской АССР, за исключением Якутской АССР, Туруханского края, Сахалинского и Камчатского округов» [Там же]. В 1929 г. была задержана демобилизация красноармейцев, было объявлено о «задержке сверх сроков службы и сборов находящихся в ОДВА кадровиков рождения 1905 года и переменников, призванных на территориальный сбор» [17, л. 72].

Практиковались в воинских частях в 1929 г. и «чистки» личного состава. Историк Ю. В. Пикалов, опираясь на документы из фондов ГАХК, пишет: «Уже 1 октября 1929 г. была издана директива за подписью командарма, согласно которой в частях ОКДВА необходимо было выявить всех “классово чуждых и социально опасных элементов” с дальнейшим переводом их на работы по обслуживанию и в военно-рабочие роты. Под эту категорию попадали: дети и близкие родственники духовенства, бывших полицейских и кулаков; уголовники, сидевшие шесть и более месяцев в местах заключения; все «проявившие себя с резко отрицательной стороны по службе и главным образом по влиянию на окружающих». Красноармейцев, попадавших под эти категории, полагалось не увольнять из армии до особого распоряжения, а направлять для работы по обслуживанию в военно-рабочие роты. Всего к 12 октября 1929 г. с момента сосредоточения частей у границы с Китаем из состава «кулацкого и антисоветского элемента» было изъято в 19-й дивизии – 30 чел., ... 35-й – 9, 36-й – 9...» [45, с. 91]. В оперативной сводке Особого отдела ОГПУ ОДВА от 7 октября 1929 г. отмечалось, что Особым отделом Забайкальской группы ОДВА арестован красноармеец Чудилин, скрывший при поступлении в РККА офицерское звание и службу у белых [53, л. 410]. К концу ноября 1929 г. только из 21-й дивизии было уволено более 100 «классово чуждых» красноармейцев.

Активность воинских перевозок в Забайкалье в 1929 г. не ограничивалась перемещением частей и соединений. На усиление командного состава в размещенные в Забайкалье части и подразделения прибывали выпускники военных заведений и курсов. Из приказа по 105-му полку от 16 августа: «Прибывшего из Ленинградских военно-политических курсов помощника командира роты по политической части тов. Шурыгина Владимира зачислить на все виды довольствия» [48, л. 142]. В другом приказе по этому полку говорилось о зачислении

в состав части «Прибывшего из 8-го Туркестанского полка командира роты т. Беспалова» [48, л. 135]. В воспоминаниях генерала А. П. Белобородов пишет: «В сентябре 1929 года, после сдачи экзаменов, нас распределили по частям. Меня назначили политруком пулеметной роты в стрелковый полк 4-й Туркестанской дивизии, дислоцировавшейся в Ленинграде... в воскресенье вечером меня опять взвали к начальнику Военно-политических курсов... Вот Вам новое предписание. Вы назначаетесь политруком батареи в тридцать шестую Забайкальскую стрелковую дивизию, в сто седьмой Владимирский полк» [5, с. 148].

Военнослужащие срочной службы из находящихся в Забайкалье летом – осенью 1929 г. воинских частей нередко выезжали на запад. Помощников командиров взводов отправляли в Иркутск «на ускоренные курсы командиров пехоты» [48, л. 161]. Красноармейцев отправляли на дезинфекционные курсы при Красноярском военном госпитале. Красные командиры осенью 1929 г. выезжали в Москву на «курсы среднего командного состава стрелково-тактического отделения “Выстрел”» и на «оружейно-орудийные курсы» в Омск [Там же, л. 180]. Старослужащие красноармейцы осенью 1929 г. направлялись из района конфликта к местам подготовки призывников. Например, из расквартированного в Абагайтуе 105-го стрелкового полка красноармейцы выезжали «для обучения молодняка 1929 года призыва» в город Иркутск [Там же, л. 182].

Осенью 1929 г. практиковалась отправка делегаций воинских частей к своим шефам, в различные регионы Советского Союза. 28 сентября с границы была отправлена в Новосибирск делегация Пермской стрелковой дивизии в составе 24 человек. В приказе по 105-му Ленинградскому стрелковому полку от 29 сентября 1929 г. говорилось: «Убывших в города Верхнеудинск, Иркутск и Черемхово в качестве делегатов от полка командира отделения... и красноармейца 9 роты... полагать в командировке» [Там же, л. 185]. Одновременно в приграничные районы Забайкалья приезжали делегации шефов из западных районов. Находившийся на 86-м разъезде летом 1929 г. журналист Н. Костарев писал: «И в пять часов я иду смотреть “Синюю блузу” иркутских пищевиков. Сегодня они заканчивают свое “турне” по фронтовой полосе» [32, с. 23].

В прибывших в Забайкалье частях имели случаи дезертирства и «агитация против Красной Армии похода» [48, л. 143]. В приказе по 35-й Сибирской стрелковой дивизии от 21 июля 1929 г. говорилось об осуждении на 5 лет ли-

шения свободы курсанта полковой школы 105-го полка: «Романов Александр, будучи курсантом полковой школы 105 стр полка 15 июля с. г. при следовании полка с места постоянного квартирования эшелонном по железной дороге на маневры в пограничную полосу... на ст. Чита... 18 июля с. г. Романов был агентом ОГПУ арестован в доме брата... За самовольное оставление части, продолжавшееся свыше двух суток в обстановке напряженного положения на границе СССР и Китайской Республики...» [48, л. 135 об.]. В приказе по 105-му полку отражен еще один случай дезертирства: «Воспитанника саперно-маскировочного взвода Ионова Михаила Лазаревича как сбежавшего из Части – исключить из списков полка...» [Там же, л. 134 об.].

Советские спецслужбы фиксировали в размещенных в Забайкалье частях нежелание воевать с Китаем и симпатии к противнику. В оперативной сводке Особого отдела ОДВА говорилось: «Переменник 7-й роты Дорогий (середняк) еще раньше заявил, что он “в случае войны воткнет штык в землю и уйдет в плен, что воевать не будет, потому что обирают крестьян”...» [21, л. 39]. Исследователь Ю. В. Пикалова нашел в сводках Особого отдела «характерные высказывания» красноармейцев: «Перебить командиров и коммунистов, а самим поднять оружие и сдаться в плен»; «вот что ребята, во время войны давайте организуемся и перебежим к китайцам, а там пошлют в тыл, все будет лучше»; «Можно сказать, что любой, взять хотя бы меня или тебя. Вот я наблюдатель, а у наблюдателя есть пулемет в руках, если я замечу противника за 200 шагов, то команду подам за 600 шагов и мой пулемет не будет поражать противника, и таких, как я, найдется много» [45, с. 91]. Хабаровский историк пишет: «В вышеупомянутой 21-й дивизии уже в августе 1929 г. дошло до прямой попытки организации массового дезертирства и угроз начальствующему составу физической расправой» [Там же].

Несмотря на имевшие место антивоенные настроения, большинство красноармейцев выражали готовность выполнять приказы. В политсводках говорилось: «Нужно отметить, что большинство писем кр-цев указывает на необходимость, по первому зову, встать на защиту Советской власти, ибо без войны с капиталистами мы спора не разрешим, советуют родственникам быть готовыми к защите границ Союза...» [17, л. 1]. Но в условиях кризиса 1929 г. власти боялись негативного влияния местного населения на красноармейцев и пограничников. В августе 1929 г. из Сретенского

окружкома писали секретарю Нерчинско-Заводского РК ВКП(б): «В связи с событиями на К. В. ж. д. и усилением опасности нападения на С. С. С. Р. со стороны империалистов, перед партийными и общественными организациями стоит задача – усиления материальной и моральной поддержки частями Красной Армии... В силу отдаленности кавпогранотряда от окружных центров, ОК ВКП(б) и общественные организации не в состоянии осуществить шефской работы над указанным отрядом. Поэтому ОК ВКП(б) поручает РК ВКП(б) взять на себя организацию шефской работы...» [9, л. 46].

Конфликт на КВЖД в 1929 г. привел к тому, что Забайкалье, как и другие регионы, покинули китайские представители и некоторое число китайских мигрантов. Сразу после высылки советских руководителей КВЖД, 14 июля было принято решение выслать китайских представителей из СССР [18, л. 43]. Председатель Читинского Окрисполкома И. Е. Родин сообщал в консульство Китайской Республики в Чите: «На основании ноты Правительства СССР от 17 июля с. г., Читинский окружной Исполнительный Комитет предлагает Вам в кратчайший срок покинуть пределы СССР» [16, л. 143].

Консул Китайской Республики в Чите писал председателю местного окрисполкома: «Китайское Консульство имеет честь доводит до Вашего сведения, что 27-го сего июля в 10 час. 25 мин. Китайское консульство в г. Чите с полным составом своих сотрудников эвакуируется» [Там же, л. 144]. С 24-го июля 1929 г. защита интересов китайских граждан, проживающих в Дальне-Восточном крае, в том числе и в Забайкалье, была передана германскому консулу во Владивостоке.

Летом 1929 г. выехали из Забайкалья на родину и некоторое число китайских трудовых мигрантов. В «сводке Даурского пограничного отряда» говорилось: «21 июля были беспрепятственно пропущены за границу китайцы-огородники (5 чел.), разводившие ежегодно огороды на советской стороне в пади Бугутур» [46, с. 322]. Часть китайских мигрантов в Забайкалье, как и по всему Советскому Союзу, была подвергнута репрессиям. Известный забайкальский исследователь А. В. Соловьев писал: «Во время конфликта на КВЖД в 1929 г. за распространение провокационных слухов были арестованы 52 китайца, занимавшихся торговлей и контрабандой» [31, с. 76].

Летом 1929 г. в Забайкалье, очевидно, стали прибывать китайцы, захваченные на Амуре в качестве военнопленных или интернированных. Исследователь М. В. Кротова пишет: «По данным французской газеты, издававшейся

в Пекине, "Journal de Pekin", в номере от 30 октября 1929 г., в Чите в "концлагере" было заключено около 1 020 китайцев, в том числе около 670 из них взяты с пароходов "советской полицией", все имущество конфисковано» [37, с. 43]. По поводу «взятых с пароходов» китайцев, очутившихся в Чите, речь шла, очевидно, о пассажирах и командах китайских пароходов, захваченных на Амуре. 18 июля 1929 г. вышел приказ задерживать все китайские суда, идущие по Амуру, и уже на следующий день, как сообщал командующий войсками округа «задержаны три китпарахода Амуре и два парохода и катер с баржей Сунгари» [49, л. 58]. В работе по истории Амурской флотилии находим: «С 19 по 29 июля советскими кораблями было задержано и интернировано 98 китайских пароходов с вооружением и 1 190 солдат и офицеров» [43, с. 47].

В это же время в Забайкалье появились и китайские солдаты из сопредельного Хулунбуэра, военнопленные или перебежчики. Правда, число их было невелико. Например, корреспондент газеты «Известия» сообщал: «При стычке под Абагайтуем-Чжалайнором 16 августа к нам в плен попали шестеро китайцев-солдат» [28].

Обострение в июле 1929 г. конфликта на КВЖД привело к обострению старых пограничных проблем. Из сводки «сводке Даурского пограничного отряда»: «23 июля китайский кордон, что против с. Кайластуй, произвел очередной выпад с оружием против советских граждан... Выехавших на переговоры... коменданта Фирсова и начальника заставы Акимова китайские полицейские встретили вызывающе, окружили и наставили в упор оружие на наших представителей. В результате переговоров наши требования о возвращении захваченных сельскохозяйственных орудий и лошадей китайцы все выполнили. На следующий день, 24 июля, нами было предъявлено китайскому кордону, чтобы китайские военные и частные граждане на о. Менкусели не появлялись, в противном случае будут задерживаться нашим погранотрядом...» [46, с. 322, 323]. В конце июля 1929 г. спорный остров сначала занял китайский отряд, а затем – манёвренная группа 36-й Забайкальской стрелковой дивизии. Именно занятие силами 36-й дивизии спорного острова на границе китайские историки считают началом военной фазы советско-китайского конфликта. Современные историки из г. Маньчжурия утверждают: «28.07.1929 г. начался военный конфликт между Китаем и СССР около Маньчжурии» [56, с. 110].

Длительное нахождение советских войск в полевых условиях, получившее название

«стояние на границе» [48, л. 185], стало непростым испытанием не только для частей РККА, но и для властей Забайкалья. Исследователи пишут: «В оперативной сводке особого отдела ОДВА за сентябрь 1929 г. было отмечено, что на Даурском направлении из-за длительного ожидания наступательных действий под продолжительным холодным дождем появились недовольство среди красноармейцев, нарушения по службе и дисциплине. Стали выходить из строя расположенные под открытым небом лошади. В результате размещения личного состава в летних палатках до 30 % красноармейцев были простужены» [23, с. 58]. Вообще, отопительный сезон в Абагайтуевском гарнизоне был открыт лишь с 15 октября 1929 г. Большой проблемой стало недоедание красноармейцев. В «Приказании войскам Забайкальской группы 11 сентября 1929 г.» говорилось: «В войсках группы имеет место недопустимо беззаботное отношение начсостава к питанию красноармейцев» [52, л. 14].

Командование РККА обращалось за материальной помощью к забайкальцам. Начальник политотдела 18-го стрелкового корпуса Л. Д. Зайцев сообщал в Читинский окружком ВКП(б): «В связи с неослабляющей остротой Советско-китайского конфликта приказом т. Блюхера части Дальне-Восточной армии оставлены на зиму на границе. Отсутствие в месте расположения частей Забайкальской группы необходимых казарменных построек, отрыв от мест постоянного расквартирования, создают чрезвычайно трудные материально-бытовые условия. Чтобы создать минимально-удовлетворительные условия для жизни красноармейской массы и начсостава, а также для обеспечения нормального хода учебы необходима самая серьезная и широкая помощь всех гражданских организаций. Эта помощь в первую очередь необходима на устройство и оборудование красноармейских кухонь, столовых, клубов, Ленинских уголков и т. п. Прошу обеспечить оказание этой материальной помощи в достаточно широком размере и в самом скорейшем времени. Размер необходимой помощи 20 тысяч рублей. Одновременно сообщаю, что в дальнейшем является менее целесообразной присылкой гражданскими организациями индивидуальных красноармейских подарков с мелкими предметами обихода / конверты, бумага, табак и т. п. Желательным является обеспечение, за счет выделяемых для этих целей, средств культурных нужд красноармейской массы в виде присылки: радиоприемников с необходимым оборудованием, гармоник, струнных инструментов, литературы

по текущим политическим вопросам и революционной беллетристики, кинопередвижек, портретов, красного материала, стеклографов со всеми наборами реактивов, настольных игр, шахмат, шашек. Из предметов хозяйственного обслуживания желательными являются кипячильники на 5–6 ведер, термосы емкостью в 1–3 ведра, фонари “летучая мышь”, оцинкованные ведра для развозки пищи, групповые умывальники, теплые перчатки и носки. Прошу возможно в скорейшем времени известить меня о результатах» [12, л. 28].

Рубежными событиями советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. стали оккупация советскими войсками района Маньчжурия-Хайлар во второй половине ноября 1929 г. и подписание 22 декабря «Хабаровского протокола об урегулировании конфликта на КВЖД».

В результате разгрома китайских войск в районе Чжалайнор-Маньчжурия 17–21 ноября 1929 г. в Забайкалье попало несколько тысяч военнопленных китайцев. Маньчжурский краевед так описал завершение боев за город Маньчжурия: «20.11.1929 г. на заре, главная сила советской армии с западного пункта Сяочжань – 18 км от Маньчжурии – инициировала яростное наступление, советская армия атаковала с двух сторон Маньчжурию и вторглась на улицы, количество раненых и убитых Северо-восточной армии более 2 000 человек... Офицеры и солдаты 15-ой бригады в количестве 3700 человек были разоружены и 24 ноября поочередно отправлены на территорию СССР» [56, с. 110].

В оперативной сводке особого отдела ОГПУ Особой Дальне-Восточной армии (ОДВА) «по состоянию на 21 ноября» говорилось: «Город Маньчжурия был занят нашими войсками... Пленных насчитывается до 4 000 человек, из них 360 офицеров» [21, л. 42]. В «Боевой хронике» из Даурии от 23 ноября: «В результате боевых операций на участке Чжалайнор и Маньчжурия, части Забайкальской группы... взяли в плен всю Маньчжурскую группу китайских войск... Всего взято по приблизительным подсчетам более 8 тысяч человек...» [12, л. 34].

Часть захваченных китайских солдат и офицеров было отправлено в качестве военнопленных в Читу. В документе под названием «Секретная политсводка №1. О состоянии политработы среди военно-пленных китайской армии – пос. Песчанка, с 30/XI по 8/XII–29 г.» говорится: «Политработа началась проводиться с 30/XI-29 г. ... Всего военно-пленных 1504 ч. для того, что бы произвести массовую дифференциацию и иметь сведения о составе пленных был проведен учет социального, возраст-

ного, образоват. и армейск. состава пленных... На данный учет было затрачено двое суток – имеются полные списки по фамилиям и т. д.» [12, л. 40–44].

Около 1 500 военнопленных китайцев постоянно проживали в лагере рядом с Читой, при этом ежедневно около 200 человек покидали лагерь для работы в городе. Согласно донесению полицомиссара лагеря, в течение первой недели пребывания военнопленных в Песчанке «беседами были охвачены все пленные за исключением 200 кит, по очереди отправляющихся на работу в город и возвращающихся поздно вечером – усталые... Была поставлена кино-картина “Октябрь” 3 сеанса по 500 человек» [Там же, л. 45–46]. В документах так же указывалось, что с первых дней существования лагеря в Песчанке по хозяйственным надобностям пленные китайцы могли выезжать из лагеря без досмотра и караула.

Первый («лагерный») этап пребывания пленных китайцев в Советской России закончился в середине декабря. 14 декабря 1929 г. вышла директива Дальневосточного крайкома ВКП(б) за подписью секретаря ДКК ВКП(б) Перепечко, в которой говорилось: «Огромные массы китайских военнопленных солдат, взятых во время последних боевых операций, поступают на хозяйственные работы...» [22, л. 1]. 15 декабря на совещании в Чите, с участием коммуниста-китайца, было проведено распределение военнопленных по округам и хозяйственным организациям. Например, в Петровск-Забайкальский на работы назначили 170 военнопленных. Трест «Дальлес» попросил на заготовки леса 300 человек, но попросил временно воздержаться от отправки китайцев, по причине отсутствия инструментов для рабочих. На 16 декабря была назначена погрузка в вагоны для отправки к местам работ [13, л. 16]. В документах Читинского окружного комитета ВКП(б) говорилось: «Огромные массы китайских военно-пленных солдат, взятых во время последних боевых операций отправлены на хозяйственные работы в распоряжение Лесзага, Управление Заб. ж. д., Управление Черновскими копиями, Управление Чуг. Лит. Завода, П-Забайкальск» [11, л. 10].

Период пребывания китайских военнопленных в Забайкалье был недолгим. Из сообщения ТАСС от 2 января 1930 г.: «В соответствии с Хабаровским протоколом надлежшими правительственными органами СССР отдано распоряжение о немедленном освобождении всех арестованных в связи с конфликтом китайских граждан, интернированных китайских солдат и офицеров» [14, с. 11]. Правда, процесс воз-

вращения китайцев на родину затянулся еще на некоторое время. Но в телеграмме сотрудника НКВД А. А. Симановского в НКВД от 11 января 1930 г. сообщалось: «Мукден тянет с выполнением решений Хабаровского соглашения относительно... приема военнопленных...» [24, с. 25]. В советских публикациях 1930-го года говорилось: «Когда пришел срок пленным возвращаться в Китай, многие из них заявили: "... Пробыв в плену около двух месяцев... мы остаемся в СССР, чтобы честно работать вместе с советскими рабочими"» [26, с. 61]. Однако, в делопроизводственных документах подтверждения этой информации пока не найдено. В середине января 1930 г. военнопленные (интернированные) китайцы выехали на родину.

После занятия советскими войсками района Маньчжурия – Хайлар советские спецслужбы захватили и вывезли в Советский Союз некоторое число русских эмигрантов. В «Боевой хронике» из Даурии от 23 ноября писали: «На 21 ноября уже обезоружено и арестовано около 250 белых... Аресты белогвардейцев продолжаются. Белогвардейцы служат в кит-частях» [12, л. 34]. В обращении Дальневосточного объединения эмиграции к Лиге Наций говорилось о 400 русских эмигрантах, насильственно увезенных в СССР во время конфликта [35, с. 101]. Исследователь Н. Н. Аблажей пишет: «От имени Хорвата последовали обращения в Лигу Наций, Международную лигу борьбы с III Интернационалом, к дипломатическому корпусу в Пекине и китайскому правительству с просьбой оказать содействие 400 русским эмигрантам, насильственно увезенным в СССР со станций Маньчжурия, Чжалайнор и Хайлар во время конфликта 1929 г. В том же году Хорват призвал всю эмиграцию в Китае "не продавать и не покупать товары советского производства... так как на них – кровь русского народа" [1, с. 131]. В воспоминаниях эмигрантов обычно указывалась цифра – 600 человек. В числе вывезенных через границу в Забайкалье были видные представители русской колонии, такие как директор русской гимназии в Маньчжурии И. С. Карасев, старший полицейский железнодорожной полиции Куржанский и др. В конце 1929 г. в районе станции Чжалайнор был арестован бывший офицер контрразведчик-востоковед А. М. Лехмусар, он был отправлен через Читу в Хабаровск, где в марте 1930 г. и был расстрелян [6, с. 112]. Китайский краевед, рассказывая о хозяине лучших отелей на станции Маньчжурия, пишет: «В 1929 г. по окончании войны на Китайско-восточной дороге Никитин был арестован Красной армией СССР и вывезен на родину, его жена одна стала вести отель...» [56, с. 93].

Одновременно с принудительным вывозом русских эмигрантов, в Советский Союз стали выезжать из занятой советскими войсками территории и советские граждане. В боевой хронике со станции Даурия говорилось: «Совграждане выезжают из Маньчжурии. В Маньчжурии и Чжалайноре усилился поток заявлений со стороны совграждан и значительной части эмигрантов о желании возвратиться в СССР» [12, л. 34].

После подписания в декабре 1929 г. Хабаровского протокола из Маньчжурии в Забайкалье стали возвращаться советские войска. Из приказа по 103-му Сибирскому стрелковому полку от 23 декабря 1929 г.: «Наши предварительные требования Китайским правительством приняты полностью... 35 стр. дивизии приказано: подготовить части расположенные в п. Джалайнор для выхода с утра 24/XII в п. Абагайтуевский» [47, л. 119]. В приказе, подписанном комдивом П. С. Ивановым, говорилось: «Вывод частей дивизии из Джалайнора, Маньчжурии и других населенных пунктов произвести в полном порядке, с соблюдением образцового поведения, войск в отношении местного населения» [Там же, л. 120]. Части 35-й дивизии покинули станцию Чжалайнор утром 24 декабря [Там же]. Первым покинул Чжалайнор 103-й Сибирский стрелковый полк. В предписании начальника штаба полка звучало: «Всем батальонам и подразделениям построиться для следования в Абагайтуевский на сборном месте у церкви, в порядке: конный взвод, музвзвод, взвод связи. 1, 2 и 3 батальоны, полбатареи, санчасть... По приходе в поселок Абагайтуевский всем подразделениям полка занять свои прежние бараки» [Там же, л. 121]. Следом за 103-м полком покидал Чжалайнор 24 декабря 104-й Сибирский стрелковый полк. С этим полком возвращалось на советскую территорию командование 35-й дивизии во главе с П. С. Ивановым. Штаб дивизии разместился в поселке Абагайтуевском. Последним выходил за границу 105-й Сибирский стрелковый полк. Командиру полка было предписано: «Гор. Маньчжурия очистить последним по проходе всех частей 36-й стр. дивизии и 5-й кавбригады. Перейти в район ст. Мациевской – раз. № 86, где и принять на себя охрану границы на участке: раз. № 86 – сопка Пограничная. Выход на нашу территорию (предположительно 25. XII) по особому распоряжению» [Там же, л. 122].

После вывода советских войск из Маньчжурии в Забайкалье, часть из них в январе 1930 г. были отправлены на прежние зимние квартиры. В историческом формуляре 108-го полка 36-й дивизии говорилось: «3-го ян-

варя 1930 года со ст. Борзя полк по жел. дороге возвращается на зимние квартиры в г. Сретинск» [51, л. 17–18]. Бурятский кавалерийский дивизион 9 января 1930 г. вернулся в столицу Бурятии [8, с. 38]. Из воспоминаний младшего командира 106-го полка 36-й стрелковой дивизии Н. М. Ким «В конце декабря полк вернулся на Родину, а в военный городок Песчанка, близ города Читы, место постоянного квартирования – в первых числах января 1930 года» [29, с. 50]. Другие части и соединения из Забайкалья стали возвращаться на запад. В «Письме-приветствии партийно-советских органов Томского округа», направленном в редакцию газеты «Советская Сибирь», говорилось: «Пламенный привет красноармейцам, командирам и политработникам славной 21-й Пермской Дивизии, возвращающейся с границ Дальнего Востока» [19, л. 8–11].

Навстречу советским войскам, но теперь в обратном направлении, через Забайкалье, в январе 1930 г. вновь проследовали советские служащие на КВЖД. Правда, руководство КВЖД и дипломаты заезжали в Китай уже не напрямую, а через Хабаровск. Следует отметить, что подавляющее большинство прибывших в начале 1930 г. на КВЖД управленцев, вскоре вернулись в СССР. В частности летом 1931 г. вернулся из Харбина в СССР бывший управляющий КВЖД А. И. Емшанов. Как пишет М. В. Кротова «после 1 января 1930 г. из

СССР прибыло 152 чел., которые заняли руководящие посты. Из них к 1 декабря 1934 г. осталось только 31 чел., 121 вернулись в СССР» [36, с. 224]. Начавшаяся в 1931 г. агрессия Японии против Китая, создание в 1932 г. Маньчжоу-го и продажа в 1935 г. КВЖД японцам привели к глобальным геополитическим изменениям на Дальнем Востоке. Но собственно советское Забайкалье продолжило развитие в условиях соседнего с очагом постоянной напряженности приграничного региона, как и в предыдущее десятилетие.

Таким образом, важнейшим фактором развития восточных районов Забайкалья во второй половине 1920-х гг. был советско-китайский конфликт на КВЖД. Регион был сопредельным с очагом постоянной напряженности регионом, через него проходили все коммуникации, связывающие центральные районы СССР и места дислокации войск Сибирского военного округа с приграничьем. От общей социально-экономической, общественно-политической и демографической ситуации в восточном Забайкалье, как и от состояния коммуникаций в регионе, во многом зависел выбор советским руководством программы разрешения международных конфликтов. Советско-китайский конфликт 1929 г. отразился на всех сферах жизни забайкальцев, эти события стали важной и интересной страницей истории региона.

Список литературы

1. Аблажей Н. Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 2003. 302 с.
2. Азаренко Ю. А. События на КВЖД и сибирские коммунисты // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XVIII вв.: тезисы докладов. рег. науч. конф. / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Ин-т истории Сиб. отд. РАН, 1997. Вып. 2. С. 103–112.
3. Ачинский крестьянин. 1929. 16 июля.
4. Ачинский крестьянин. 1929. 20 июля.
5. Белобородов А. П. Осенью 1929-го (из книги «Прорыв на Харбин») // Форпост на Востоке. Литературно-художественный и историко-публицистический сборник. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1985.
6. Буяков А. М. Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 97–116.
7. ВКП(б), Коминтерн и Национально-революционное движение в Китае: документы. 1926–1927. М.: АО «Буклет», 1996. Т. 2, ч. 2. 512 с.
8. Воскобойников Г. Л., Хандажапов С. Б. Краснознаменная кавалерийская бригада. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2000. 165 с.
9. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П-71. Оп. 1. Д. 460.
10. ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 1005.
11. ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 737.
12. ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 853.
13. ГАЗК. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 908.
14. ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 1349.
15. ГАЗК. Ф. П-81. Оп. 1. Д. 1440.
16. ГАЗК. Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 374.
17. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1179.
18. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3086.
19. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 775.

20. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143.
21. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 167.
22. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 412.
23. Гурбан Н. Я. Пограничная охрана Дальнего Востока в контексте государственной безопасности СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе 1922–1941 гг. Хабаровск: Хабаровский пограничный ин-т ФСБ России, 2012. 202 с.
24. Документы внешней политики СССР: в 26 т. М.: Госполитиздат, 1967.
25. Документы внешней политики СССР: в 26 т. М.: Госполитиздат, 1967. Т. 12. 1 января 1929 – 31 декабря 1929 г.; т. 13. 1 января 1930 – 31 декабря 1930 г. 816 с.
26. Иванов С. В борьбе за мир. О Краснознаменной Дальневосточной. Хабаровск: Книжное дело, 1930. 78 с.
27. Из истории службы военных сообщений Краснознаменного Дальневосточного военного округа // Информационный бюллетень: специальный выпуск. 1980. № 3. Служба военных сообщений КДВО.
28. Известия. 1929. 13 октября.
29. Ким Н. М. Событие на КВЖД в 1929 году // Фонды Военно-исторического музея Восточного военного округа. Кор. 47.
30. Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье: в 8 т. / сост. В. И. Василевский, А. В. Соловьев: Чита: Поиск, 2010. Т. 8. 400 с.
31. Книга памяти. 1923–1940. 1946–1969: сборник / сост. М. И. Корсакова, Е. И. Терешина. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. 326 с.
32. Костарев Н. К. Граница на замке. М.: Молодая гвардия, 1930. 106 с.
33. Красная Армия в 1920-е годы // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2007. 270 с.
34. Красноармейская Звезда. 1929. 27 сентября.
35. Кротова М. В. Неизвестные страницы советско-китайского конфликта 1929 г. на КВЖД // Клио. 2014. № 7. С. 99–102.
36. Кротова М. В. Ситуация на КВЖД после советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 3. С. 220–227.
37. Кротова М. В. Из истории конфликта на КВЖД: китайский концентрационный лагерь для советских граждан // Новый исторический вестник. 2013. № 1. С. 33–47.
38. Крюков В. М., Крюков М. В. Весна и осень революционной дипломатии: первое десятилетие советской политики в Китае: в 2 т. Т. 1. 1917–1922. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 620 с.
39. Крюков В. М., Крюков М. В. Весна и осень революционной дипломатии: первое десятилетие советской политики в Китае: в 2 т. Т. 2. 1922–1926. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 621–1223 с.
40. Крюков В. М., Крюков М. В. КВЖД 1929: взрыв и эхо. М.: Ин-т востоковед. РАН, 2017. 624 с.
41. Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотников. М.: МФД, 2003. 912 с.
42. Молодая деревня. 1929. 30 июля.
43. Мурсалов А. В. Советские военно-речные силы в конфликте на КВЖД // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 99. С. 45–48.
44. Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923 г. 1926 г. / отв. ред. А. И. Каргунова, М. Л. Титаренко. М.: Наталис, 2008. 704 с.
45. Пикалов Ю. В. Морально-политический облик бойцов Особой Краснознаменной Дальневосточной армии накануне конфликта на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 г. // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 89–93.
46. Пограничные войска СССР 1929–1938. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1972. 779 с.
47. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 1372. Оп. 3. Д. 8.
48. РГВА. Ф. 3315. Оп. 1. Д. 74.
49. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 308.
50. РГВА. Ф. 34912. Оп. 1. Д. 17.
51. РГВА. Ф. 34912. Оп. 2. Д. 61.
52. РГВА. Ф. 39472. Оп. 1. Д. 3.
53. Рупич М. В. Основные направления деятельности особых отделов ОГПУ ОДВА в 1929 г. // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. С. 408–411.
54. Семенов Б. Китай и СССР // О Китае. Политико-экономический сборник / под ред. А. Лозовского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. С. 141–161.
55. Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. 2-е изд., испр. и доп. М.: Дом Конфуция, 2011. 382 с.
56. 王铁樵 Ван Тэцяо 100 лет Маньчжурии. В ознаменование 110-летней годовщины со дня рождения города Маньчжурия (1901–2011 гг.): в 2 т. Хулуьнбуэр: Культура Автономного района Внутренняя Монголия, 2011. Т. 1. 452 с.

57. 中俄边界条约集 Zhonghe bianjie tiao yueji = Сборник соглашений о китайско-российской границе. Пекин, 1973.

Дацышен В. Г. – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, Гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, dazishen@mail.ru

Datsyshen V. G. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Institute for the Humanities of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, dazishen@mail.ru

УДК 93/94
ББК 63.3(0)62

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В КВАНТУНСКОЙ АРМИИ В ХОДЕ СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1945 ГОДА

Сергей Владимирович Карасёв

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск
s.karasev@bk.ru

Рассматриваемые в статье вопросы идеологической работы в японской армии позволяют определить тип военнослужащего Квантунской армии как высоко психологически подготовленного и отчётливо понимающего свою задачу военнослужащего. Характер и методика проведения занятий с этими военнослужащими продолжали и поддерживали национальные традиции, которые закладывались, практически, с младенчества. Боевой дух в частях подразделения, который основывался на беспрекословном подчинении командирам и следованию указам императора, являлся основой ведения боевых действий.

Ключевые слова: боеготовность, вооруженное противостояние, дисциплина, Квантунская армия, воспитание, плен, японский солдат

SOME ISSUES OF IDEOLOGICAL WORK IN THE KWANTUNG ARMY DURING THE SOVIET-JAPANESE WAR OF 1945

Sergey V. Karasev

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk
s.karasev@bk.ru

The issues of ideological work in the Japanese army considered in the article allow us to determine the type of soldier of the Kwantung Army as a highly psychologically prepared and clearly understanding his task soldier. The nature and methods of conducting classes with these military personnel continued and maintained national traditions that were laid, practically, from infancy. The fighting spirit in the units, which was based on unquestioning obedience to the commanders and following the decrees of the emperor, was the basis for conducting combat operations.

Keyword: armed confrontation, captivity, combat readiness, discipline, education, Kwantung army, Japanese soldier

Город Чита и Читинская область в период советско-японской войны 1945 г. стали территорией, откуда один из трёх фронтов – Забайкальский (Забайкальский, 1-й Дальневосточный, 2-й Дальневосточный) – начал свои боевые действия против милитаристской Японии. Забайкальский фронт с честью пронёс знамя победы, оваянное доблестью и отвагой советских солдат. Именно войска этого фронта пле-

нили командование Квантунской армии, захватили последнего императора Китая и доставили его в Читу, пленили атамана Семёнова. Как и другие фронты, он использовал боевой опыт 1930-х гг. Ранее, ещё в 1939 г. войска Красной Армии проходили через Забайкалье на помощь Монголии, и вот опять эта территория стала рубежом, откуда начался разгром Японии.

Кроме ведения боевых действий в августе – сентябре 1945 г. войска Забайкальского фронта противостояли Японии и на другом «фронте» – идеологическом. Действительно, с первого дня боевых действий японская армия оказывала упорное сопротивление частям и подразделениям РККА, претворяя в жизнь план по подготовке к решительной схватке после отхода на запасные позиции в глубину Маньчжурии. Но этим планам не суждено было сбыться – 14 августа 1945 г. император Японии издал рескрипт о принятии условий Потсдамской конференции, а 16 августа 1945 г. командующий Квантунской армией отдал приказ своим войскам о капитуляции [5, л. 42, 54].

До 1945 г. в японской армии среди категории таких потерь, как «военнопленный» практически отсутствовали офицеры рангом выше майора. «Смерть – это не капитуляция», – такая линия поведения японских военнослужащих была правилом, а не исключением. Это связано с тем, что Япония была страной «культуры стыда», а не «культуры вины» [2, с. 6].

Основным документом для политического воспитания солдат являлся манифест императора Мэйдзи. Он входил в сборник императорских рескриптов, который имел 64 страницы и был карманного типа. Данный сборник был издан в сентябре 1942 г. в Токио и состоял из 16 разделов, каждый из которых представлял собой отдельную тему.

Культ императора, который предполагал, что император – потомок богини Солнца Аматэрасу и его власть беспредельна, не подвергался сомнению ни одним японцем. Патриотические настроения и послушание являлись основой дисциплины армии. Сам военнослужащий и его родственники с первых дней пребывания в войсках знали, что жизнь солдата принадлежит командиру как олицетворению императора, и солдат выполнит любой приказ, не задумываясь о сохранении жизни. Культ «Ямато дамаши» (японский дух) капля за каплей вливался в кровь солдата. Подход к войне как к акту самопожертвования (гиокусай), считался идеалом. Крайним выражением этой культурной традиции стала идея смерти в бою как добродетели более важной, чем сохранение жизни [Там же, с. 8, 9].

Поддержание на высоком уровне и дальнейшее развитие боевого духа японских военнослужащих являлось одним из основных направлений в воспитательной работе командиров с личным составом японской армии, так как все необходимые установки по идейному становлению японцев получал еще до армии на

основе устоев, сложившихся за время существования государства. В Японии наука, искусство, система воспитания – все складывалось веками на основе этих, издревле заложенных положений.

Как таковых занятий идеологической направленности в армии не было, однако в первом отделе Генерального штаба японской армии имелось отделение, которое специально занималось вопросами военного и политического воспитания солдат и офицеров [4, л. 87]. Все директивы и указания, касающиеся этих вопросов, поступали в войска из этого отделения.

Непосредственно в штабе Квантунской армии вопросами политического и военного воспитания занималось 3-е отделение. Начальником этого отделения был полковник Тони, который еще до начала советско-японской войны был переведен в штаб 3-й армии. После ухода полковника Тони обязанности начальника отделения временно исполнял майор Ямагиси, убитый 16 августа 1945 г. в Чанчуне во время бунта маньчжурских войск. Штаб 3-го отделения состоял из пяти человек, каждый из которых курировал определенный род войск. Сотрудники 3-го отделения разрабатывали мероприятия воспитательной работы в армии и рассылали их в части и соединения.

Не оставляли без внимания специалисты 3-го отделения и организацию радиопередач. В них отражались вопросы положения дел на фронтах, подвигов офицеров и солдат, помощи населения армии. Иногда к проведению радиопередач привлекались солдаты частей и подразделений Квантунской армии и местное население, что, безусловно, усиливало результаты от трансляции этих передач.

С целью пропаганды идеологических положений 3-е отделение штаба Квантунской армии издавало журнал «Кансе» («Полная победа»), предназначенный исключительно для офицеров. Кроме этого, гражданскими властями Маньчжурии издавался литературный журнал, который распространялся как среди офицеров, так и среди солдат [Там же, л. 90]. Квантунская армия предполагала начать издание специальных журналов как для офицеров, так и для солдат, но из-за вступления в войну с Японией Советского Союза не успела осуществить задуманное.

Особых указаний в войска по вопросам проведения воспитательной работы от японского Генерального штаба не поступало. Все последние указания сводились к вопросам изучения и распространения в Квантунской армии опыта ведения боевых действий на Тихом океане [Там же, л. 91].

В частях и подразделениях специальных отделений или офицеров, занимавшихся вопросами воспитания, не было. В дивизиях этими вопросами ведали командиры дивизий, начальники штабов или оперативных отделений [4, л. 88]. В полках и ротах вопросами воспитания занимались непосредственно командиры полков и рот, причем вопросами воспитания офицеров лично командир полка. План воспитательной работы на следующий год составлялся в декабре текущего года. Каких-либо указаний из дивизий по включению тех или иных мероприятий в план воспитательной работы не было, и в полках планы отличались друг от друга, но общее количество времени, отведенное на учебу, было примерно одинаковым. Занятия с солдатами и унтер-офицерами проводились совместно, но иногда, по мере необходимости, с унтер-офицерским составом занятия проводились отдельно. Случаи занятий со всем личным составом одновременно были весьма редкими [1, л. 148].

Содержание лекций относительно Советского Союза сводилось к тому, что слушателям (офицерам и солдатам) разъяснялось, что война на западе (Великая Отечественная война) подходит к концу, и у Советского Союза с её окончанием высвободится большое количество войск, которые он может перебросить на восток. Офицерский состав предупреждался, что, несмотря на существующий договор о нейтралитете, возможно нападение со стороны СССР. Командованием Квантунской армии по этому вопросу были даны указания о том, чтобы любыми путями избегать столкновений с советскими пограничниками [4, л. 97].

В поддержании боевого духа большая роль отводилась радиопередачам из Японии, которые регулярно транслировались в подразделениях Квантунской армии. Из этих передач военнослужащие узнавали о положении на родине, о жизни родственников. Часто в этих передачах речь шла о том, как гражданское население оказывает помощь армии, как школьники помогают убирать поля тем семьям, в которых мужчины ушли в армию. Транслировались передачи о старостах поселков, которые внимательно относились к семьям фронтовиков, регулярно их посещали, оказывая всяческую помощь, в том числе освобождали от налогов; как солдатских матерей приглашали в театры и организовывали для них спектакли [Там же, л. 99].

Благодаря этим передачам военнослужащие знали о положении дел на родине, знали, что об их семьях беспокоятся, заботятся, оказывают помощь. Все это, в конечном итоге, способствовало повышению боевого духа армии.

Еще одной формой работы по поднятию боевого духа являлись офицерские клубы, которые создавались в каждом полку. Работой этих клубов руководил командир полка. Каких-либо специфических, особых задач перед клубами не ставилось. Они служили как для отдыха офицеров, так и для их большего сплочения. В этих клубах офицеры обычно обедали [Там же, л. 91].

Как с солдатами и унтер-офицерами, так и с офицерами проводились занятия идеологической направленности. Занятия в офицерских группах проводились 2–3 раза в неделю. Такие группы назывались «сиокодан» [Там же, л. 96]. В них участвовал весь офицерский состав. Основным содержанием занятий были вопросы поддержания дисциплины в подразделениях. Кроме этого, изучались вопросы тактики, управления войсками, фехтования, верховой езды, методики обучения солдат военному делу [Там же, л. 88].

Во внеслужебное время офицеры могли собираться в клубе, в котором они принимали гостей, обедали, заказывали еду домой, обмундирование, покупали знаки различия и т. д. Кинозал в клубе отсутствовал, так как офицеры могли смотреть кинокартины в любом кинотеатре. Кроме этого, для офицеров в каждом полку имелись так называемые «офицерские собрания», где офицеры совместно принимали пищу, проводили банкеты, совещания.

При проведении воспитательных мероприятий с солдатами в полках на политическую учебу отводилось около одного часа. Обычно формой проведения таких занятий были лекции, тематикой которых являлись вопросы государственного строя Японии, ее истории и др. В лекциях о государственном строе Японии речь шла об указах императора Мэйдзи, об особенностях строя Японии, об основных принципах государства, об особенностях японской армии, вытекающих из государственного строя Японии. Особенности японской армии, как их представляли на занятиях, заключались в том, что она подчинялась только императору. Каждый командир в армии являлся представителем императора, и его приказ – это приказ императора. Другая особенность японской армии – кроме ее оборонительного характера, она должна была распространить «имперскую благодетель, спокойствие и благоденствие на весь мир» [Там же, л. 89].

Лекций, тематика которых была направлена на разжигание ненависти к вражеским солдатам, не проводилось. Однако, начиная ориентировочно с 1941–1942 гг., по материалам газет проводились беседы об издеватель-

ствах американских солдат, насилии, расстрелах, чинимых над мирным населением Японии. Рассказывалось, что американскому народу только формально предоставляются гарантированные права и свободы, а на самом деле он совершенно бесправен. Эти положения лекторы приводили на фоне отличия японской государственной структуры и прав и свобод японского народа, где каждый свободен в своих действиях. Лектор подчеркивал, что император не препятствует свободе своих подданных. Император – это отец, а все японцы его дети [4, л. 89].

В лекциях и беседах о Советском Союзе рассказывалось, что между Японией и СССР заключен пакт о нейтралитете. При объяснении причин нахождения японской армии в Маньчжурии ограничивались тем, что говорили о необходимости оказывать в соответствии с договором военную помощь. Здесь же подчеркивалось, что Советское правительство имеет агрессивные намерения в отношении Японии, и это видно из событий на Хасане и Халхин-Го-

ле, когда войска Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) заняли часть территории Маньчжурии.

Занятия по моральному воспитанию с унтер-офицерами и солдатами на Сахалине проводились еженедельно по понедельникам в течение 1–2 часов. Темы, которые изучались с унтер-офицерами и солдатами, были аналогичны темам, изучаемым с офицерами, только рассматривались в меньшем объеме.

В подразделениях, расположенных на Сахалине, имели место случаи, когда офицеры избивали солдат за нерадивость (скорее всего, такие случаи происходили во всех частях). Но они были единичны. После каждого такого случая командир подразделения, в котором он произошел, проводил с солдатами и офицерским составом беседы, направленные на поднятие духа преданности императору. Виновные в происшествии наказывались.

По показаниям пленных офицеров знаем о денежных окладах военнослужащих, которые представлены в таблице

Оклады военнослужащих Квантунской армии

<i>Военнослужащий</i>	<i>Оклад, иены</i>
Солдат	15
Ефрейтор	20
Унтер-офицер	30
Подпоручик	75
Поручик	100
Капитан	150
Майор	200
Подполковник	300
Полковник	350

Необходимо только уточнить, что военнослужащие, проходившие службу на Сахалине, получали двойной оклад как проходящие службу в отдаленной местности [Там же, л. 175].

Распорядок дня в частях на Сахалине был следующим:

1. Подъем – в 5 часов.
2. Физическая зарядка – с 5 часов до 5 часов 10 минут.
3. Уборка казарменного помещения – с 5 часов 10 минут до 6 часов.
4. Завтрак – с 6 часов до 6 часов 30 минут.
5. Уборка закрепленной территории – с 6 часов 30 минут до 7 часов 30 минут.
6. Занятия по боевой подготовке – с 7 часов 30 минут до 11 часов (в соответствии с расписанием это могли быть занятия по стрельбе, уставам, различные тренажи).
7. Предобеденный отдых – с 11 часов до 12 часов.
8. Обед – с 12 часов до 12 часов 30 минут.

9. Отдых – с 12 часов 30 минут до 13 часов 30 минут.

10. Занятия по боевой подготовке – с 13 часов 30 минут до 16 часов.

11. Свободное время – с 16 часов до 18 часов.

12. Ужин – в 18 часов.

13. Отбой – в 21 час [Там же, л. 186].

Однако, начиная с весны 1945 г., такой распорядок дня в Квантунской армии был нарушен. Практически все время от подъема до отбоя солдаты работали на сооружении линий обороны [Там же].

Боевой дух солдат, кроме прочих мероприятий, поддерживался за счет того, что они постоянно имели связь с родными и близкими. Прежде всего, эта связь поддерживалась за счет переписки солдат с родственниками, близкими и знакомыми. Кроме личных писем от родных солдаты получали письма от односельчан, от старост поселков и городских муниципалитетов. Приходили посылки, в которые отправите-

ли вкладывали открытки с видами родных мест и т. д. [4, л. 98]. В письмах родные, односельчане, знакомые писали о положении дел на родине, об усилившейся бомбардировке японских городов. Но практически в каждом письме подчеркивалось, что настроение у всех бодрое и народ полон решимости бороться до конца.

Кроме этого, боевой дух поддерживался путем посещения частей и подразделений земляками солдат. Обычно это были группы по 10–15 человек. Из Японии эти группы попадали в штаб Квантунской армии, а оттуда уже направлялись в армейские подразделения. Так, в подразделения 5-й японской армии такие группы ежемесячно приезжали с Сикоку, так как большинство солдат этой армии были именно оттуда. Эти группы в войска направлялись городскими муниципалитетами и сельскими старостами. В них отбирались те, кто мог хорошо петь и плясать. Часто они приезжали с подарками для военнослужащих. В подразделениях они организовывали концерты, рассказывали солдатам о положении на родине и призывали лучше выполнять свой воинский долг. Последний раз в подразделения 5-й армии такая группа приезжала в июле 1945 г. и состояла из 10 человек [Там же, л. 99].

Кроме офицерских клубов, каждый полк имел и солдатский клуб, в котором солдаты читали газеты, играли в различные игры, пили вино, которое продавалось только здесь, и пить его можно было тоже только в клубе. Кинокартины солдатам демонстрировались один-два раза в месяц [Там же, л. 91].

Лучшими фильмами считались: «Новый снег», «Оставленная хризантема» и «47 ронинов». Часто солдатам демонстрировались научно-технические фильмы, направленные на изучение вооружения, что было очень интересно и полезно для молодых солдат [Там же, л. 150].

Каких-либо кружков художественной самодельности, спортивных команд в частях и подразделениях японской армии не существовало. Что касается чтения газет и журналов, то военнослужащие читали ту прессу, которую им присылали родственники. В среднем, рота получала 2–3 газеты, среди которых чаще всего встречались «Майнити симбун», «Асахи симбун», «Мансю Нити-Нити» [Там же, л. 196]. Эти газеты вывешивались на видном месте, где их и читали японские военнослужащие. Непосредственно Военное министерство для солдат выпускало газету «Цувамоно», а для офицеров журнал «Кайкося Кидзи» [Там же, л. 197].

Боевой дух в роте поддерживался командиром роты, который полностью отвечал за

моральное состояние подразделения. В основе воспитания боевого духа солдат лежал указ императора Мэйдзи от 1883 г., в котором говорится, что каждый военный должен быть преданным, вежливым, храбрым, честным, воздержанным. Человек всего себя, всю свою жизнь должен отдать служению императору, своему народу. Подчиненный не может относиться непочтительно, без уважения к начальнику, а начальник, в свою очередь, должен относиться снисходительно, по-товарищески к подчиненному. Долг каждого военного в труде проявлять доблесть, а в бою быть храбрым. Нужно быть честным. Слово не должно расходиться с делом. В каждом поступке должна быть искренность. Военный должен жить скромно, без роскоши, воздерживаться от всяких излишеств. Эти принципы каждый военный должен был выполнять повседневно, с прилежанием, от чистого сердца.

Второй идеей, на которой воспитывались солдаты Японской армии, являлась идея об императоре, укреплении верноподданнических чувств к нему.

Подавляющее большинство японских солдат и офицеров придерживались в своих религиозных убеждениях синтоизма. Если же японец придерживался буддизма, то он все же, как правило, был еще и синтоистом. Главное в синтоизме – культ императора. Император – это бог, живой бог на земле. Поэтому японский солдат относился к императору с неподдельным уважением и любовью. Невозможно допустить даже мысли о том, что какой-либо японец мог нанести оскорбление любого вида императору. В случае нанесения императору оскорбления со стороны какого-либо государства или отдельного лица японский солдат считает своим долгом отомстить обидчику даже ценой собственной жизни.

Для военнослужащих император являлся и верховным главнокомандующим, приказы которого подлежали беспрекословному исполнению. Выполняя приказ командира, солдат или офицер осознавал, что он выполняет приказ императора – бога на земле. Это гарантировало исполнение приказа в любых условиях, в любой обстановке. Офицер оперативного отдела штаба 5-й Японской армии полковник Сибо Хидэо в ходе допроса привел пример, когда японский военнослужащий выпрыгнул из самолета с парашютом, который не раскрылся по техническим причинам. Японский парашютист, поняв, что смерть неизбежна, сделал знак приветствия и прокричал: «Теннахэйка банзай!» (Да здравствует император!). Даже в последние минуты своей жизни он думал об императоре

[4, л. 4]. Японским солдатам прививалось положение, что сдаваться в плен нельзя, плен – это позор. Если японский солдат попадает в плен, то он должен сделать харакири. Если император приказал сражаться, то не должно быть даже малейшей мысли о плене. Нет оружия – сражайся руками, зубами. Исчерпал все возможности в борьбе с врагом – покончи с собой [Там же, л. 94].

На допросе военнопленный полковник Сибо Хидэо показал: «Нашим солдатам нет нужды объяснять, что сдаваться в плен нельзя. Они и без объяснения хорошо знают это. Японские солдаты не сдаются в плен, они дерутся до последнего. Пленные на Окинаве, о которых сообщалось американцами, это их пропаганда (на самом деле число потерь японской армии в ходе 82 дней боев на этом острове, по различным источникам, составило около 142 058 человек. Из них около 131 303 погибших. Число плененных колеблется от 10 755 до 7 400 человек. [1, с. 177; 3, с. 262, 449; 6, с. 411]). Они не сдаются в плен не потому, что боятся плена, а потому, что плен – это измена родине, измена императору. Были случаи, когда солдаты и офицеры сдавались в плен Красной Армии до объявления приказа императора о прекращении военных действий. Я знаю, что переходили на сторону Красной Армии даже целые подразделения. Здесь дело вот в чем. Еще до начала советско-японской войны штаб Квантунской армии издал приказ охранным частям не завязывать боя с частями Красной Армии, перешедшими границу, а отходить в глубь Маньчжурии. Приказ этот был вызван стремлением командования Квантунской армии избежать военных столкновений с Красной Армией, которые бы могли привести к развязыванию войны. После, когда начались военные действия, приказ этот был сразу же отменен, однако некоторые подразделения последнего приказа не получили своевременно, почему и были случаи сдачи в плен» [4, л. 75].

При исследовании вопроса идеологического воспитания солдат и офицеров был исследован и вопрос состояния дисциплины в японской армии.

В целом дисциплина была на высоком уровне. Японские пленные в должностях командующих армий и дивизий на допросах не могли вспомнить случаев невыполнения приказов. Однако имели место нарушения установленных порядков. К их числу можно отнести случаи избиения солдатами в пьяном виде унтер-офицеров реже офицеров. Были случаи продажи казенных вещей, поджогов из-за неосторожно-

сти и т. д. Такого рода нарушения в японской армии квалифицировались как преступления, и за их совершение виновных отдавали под суд. В среднем в дивизии за год было 3–4 случая такого рода нарушений воинской дисциплины. Проступков же вроде несвоевременного возвращения из увольнения, нерадивого отношения к учебе в дивизии за год насчитывалось около 30–40. Несвоевременное возвращение из увольнения могло быть расценено как преступление и как проступок. Если военнослужащий опаздывал на срок до трех суток, то наказывался за это в дисциплинарном порядке. Если же опаздывал на срок свыше трех суток, то его отдавали под суд [Там же, л. 92].

За такие преступления, как измена родине и переход на сторону противника, виновный наказывался расстрелом. За сон на посту, обман часового при выходе из расположения части, дезертирство (без перехода на сторону врага), членовредительство виновные отдавались под суд. Наиболее распространенными нарушениями воинской дисциплины были дезертирство, воровство и драки. Случаи дезертирства в основном приходились на корейцев, и в течение года таких случаев было 2–3.

В японской армии существовала хорошо отлаженная дисциплинарная практика. Унтер-офицеры, как и офицеры – командиры взводов, не имели дисциплинарных прав в отношении солдат. Это право имели офицеры от командиров рот и выше.

Командир роты мог отправить солдата на гауптвахту, отправить его на 2–3 дня на тяжелые работы или посадить на гауптвахту на срок до 30 суток, а ефрейтора с разрешения командира полка мог разжаловать в рядовые или объявить ему выговор [Там же, л. 100].

К унтер-офицеру мог быть применен выговор (кенсеки), домашний арест до 20 суток, с разрешения командира полка можно было понизить его в воинском звании или разжаловать до рядового.

Командиру взвода – поручику – командир роты мог объявить выговор, наложить домашний арест с исполнением служебных обязанностей сроком до 20 суток.

Арест (гауптвахта и домашний арест) мог быть простым и строгим. Строгий домашний арест – это арест без исполнения служебных обязанностей. Его продолжительность достигала 10 суток. Таким же правом обладал командир батальона, полка, дивизии и т. д. При наложении простого ареста исполнение служебных обязанностей продолжалось.

Командир батальона имел такие же дисциплинарные права, как и командир роты, с той

лишь разницей, что он имел больше прав в отношении к унтер-офицерам – он мог наложить домашний арест до 30 суток [4, л. 100].

Поощрения к солдатам могли применять те же категории военнослужащих. В качестве поощрения солдату объявлялась благодарность, вручалась грамота за образцовую службу, или он представлялся к отпуску. Солдат мог быть награжден красной нашивкой (на левый рукав кителя) – знак отличия за образцовую службу, повышен в звании на одну ступень. За образцовую службу солдат мог быть досрочно демобилизован из армии [Там же, л. 154]. В военное время, кроме этого, за боевые заслуги отличившиеся военнослужащие представлялись к награждению медалью или орденом.

Взаимоотношения солдат и офицеров строились по принципу взаимного уважения и подчинения младшего по воинскому званию старшему. Тем не менее, имели место случаи, когда офицер, не сдержав себя, наносил солдату побои. Проявление такого рода нарушения воинской дисциплины наиболее характерно для солдат и унтер-офицеров. Чаще всего это происходило на почве пьянства. Кроме этого, унтер-офицеры прибегали к рукоприкладству в случаях нерадивого отношения солдат к исполнению служебных обязанностей. Все подобные случаи разбирались тщательным образом, и виновные подвергались наказанию. В случаях же, когда дело приобретало серьезный оборот, в него вмешивалась жандармерия [Там же, л. 148].

Среди военнослужащих японской армии широко были распространены талисманы, ко-

торые, как считалось, должны были защитить их от гибели. Так, командир 123-й японской пехотной дивизии генерал-лейтенант Китадзава Тейдзиро на допросе показал свой личный талисман, полученный им в 1942 г. в Сингапуре. Этот талисман представлял собой полосу плотной бумаги размером 5×1 см на которой иероглифами было написано: «Талисман сингапурского храма». Считалось, что он должен защитить обладателя от гибели и позволить ему вернуться домой живым и невредимым.

Перед отъездом в войска солдат обрезал ногти и волосы, которые оставлял на хранение семье, а с собой увозил личный талисман.

Стойкость и неприхотливость к окружающей обстановке, умение вести боевые действия в различных условиях вместе с непоколебимой верой в императора делали из военнослужащего японской армии серьезного противника.

Японский солдат знал, что в случае смерти его тело (если это позволит обстановка) будет сожжено, а пепел соберут в урну и отправят домой, где семья погибшего передаст его в храм [Там же, л. 201].

Высокая исполнительность, верность воинскому долгу, преданность императору не давали японскому военнослужащему выбора при ведении боевых действий между смертью на поле боя и пленом. Он предпочитал смерть позору пленения и, если смерть была неизбежна, то не просто ожидал ее, а старался уничтожить как можно больше врагов, после чего совершал самоубийство.

Список литературы

1. Вольны А. Окинава, 1945. М.: АСТ, 2002. 208 с.
2. Джоуэтт Ф. Японская армия. 1942–1945. М.: АСТ, 2003. 64 с.
3. Хаф Ф., Николс Ч., Шоу Г. Морская пехота США в войне на Тихом океане 1941–1945 гг. М.: Изографус, Эксмо, 2003. 464 с.
4. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации). Ф. 66. Оп. 3191. Д. 6.
5. ЦАМО РФ. Ф. 234. Оп. 3213. Д. 369
6. Шерман Ф. Война на Тихом океане: авианосцы в бою / сост. С. Переслегин, Л. Голод. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 560 с.

Карасёв С. В. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин заочно-вечернего института, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия, s.karasev@bk.ru

Karasyev S. V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General Education of the Faculty of Extramural Education at Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, s.karasev@bk.ru

УДК 2-9:93/94
ББК 63.3(2ЧИТ.):86.372

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ В ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГОДОВ

Евгений Викторович Дроботушенко

Забайкальский государственный университет, г. Чита

DRZZ@yandex.ru

В статье приводятся статистические данные по состоянию зарегистрированных религиозных объединений православной церкви в Читинской области в период относительного «потепления» отношений между властью и религиозными структурами. Отмечается, что история православия в послевоенное советское время не стала на сегодняшний день предметом серьезного научного анализа. Имеются единичные публикации с упоминанием частных фактов. В основу исследования легли архивные источники. Автор отмечает, что они дают определенные данные по проблеме, которые требуют уточнения в дальнейшем. Также говорится о необходимости продолжения работы с источниками. Это позволит воссоздать историю православной церкви в Читинской области в послевоенный советский период наиболее полно.

Ключевые слова: религия, религиозные процессы, православие, Русская православная церковь, храм, церковь, священнослужитель, верующие, Читинская область

MATERIALS ON THE HISTORY OF ORTHODOXY IN THE CHITA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1940S

Evgeniy V. Drobotushenko

Transbaikal State University, Chita

DRZZ@yandex.ru

The article presents statistical data on the status of registered religious associations of the Orthodox Church in the Chita region during the period of relative “warming” of relations between the authorities and religious structures. It is noted that the history of Orthodoxy in the post-war Soviet period has not become, to date, the subject of serious scientific analysis. There are isolated publications with mention of particular facts. The research is based on archival sources. The author notes that they provide certain data on the problem, which need to be clarified in the future. It also talks about the need to continue working with sources. This will allow us to recreate the history of the Orthodox Church in the Chita region in the post-war Soviet period most fully.

Keywords: religion, religious processes, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, church, church, priest, believers, Chita region

История православной церкви на территории Восточного Забайкалья (в настоящее время – Забайкальский край, в 1937–2008 гг. – Читинская область с входящим в ее состав Агинским Бурятским автономным округом) становилась объектом достаточно пристального внимания ученых далеко не один раз. Однако названная история изучена неравномерно. Много внимания уделено исследователями досоветскому периоду и характеристике православия во всем Забайкалье, и Восточном и Западном, что предопределено существованием его в рамках единой Забайкальской области с 1951 г. и единой Забайкальской епархии с 1894 г.

Цель работы заключается во введении в научный оборот малоизвестных и неизвестных архивных источников, новых материалов по истории православной церкви в Восточном Забайкалье.

Поставленная цель определила комплекс задач: анализ историографии православия в Читинской области в послевоенный советский период; оценка источниковой базы по проблематике исследования в целом; характеристика используемых в работе архивных источников; методология исследования анализ материалов и синтез полученных данных; введение в научный оборот новой статистической информации.

Вопросы историографии православия в Восточном Забайкалье.

Основная масса имеющихся научных и научно-популярных публикаций по истории православной церкви в Забайкалье в целом анализирует проблематику досоветского периода. Это предопределено наличием в региональных архивах Забайкальского края и Республики Бурятия большого количества документов по досоветской православной истории региона. Таких публикаций достаточно много и останавливаться на них в данной работе особого смысла нет. Несколько слов стоит сказать о более позднем времени.

Читинский исследователь православной истории В. И. Косых, помимо прочего, значительное внимание уделил своеобразному переходному периоду рубежа второго – третьего десятилетий XX в. [15; 16; 17 и др.]

Слабо изучен достаточно длительный послевоенный советский период. Отдельные публикации с упоминанием того или иного факта из послевоенной советской истории православия в Читинской области по названному времени (в разрезе предметного поля статьи) единичны. Здесь следует сказать об известных улан-удэнских ученых Г. С. Митыповой и И. С. Цырепиловой и некоторых иных авторах [19; 20; 23; 24 и др.].

Отдельные данные по старообрядчеству, относящиеся к рассматриваемому времени, встречаем в работах С. В. Васильевой и С. В. Бураевой [2; 3].

Источниковая база истории православной церкви в Читинской области в послевоенный советский период.

Источники по истории религий в СССР значительно отличаются от таковых по иным сферам жизнедеятельности человека, а также от источников, с данными по религиозной жизни общества досоветского и постсоветского периодов. Предопределено это, очевидно, антирелигиозной политикой властей и атеистической идеологией в государстве. В ситуации постоянной борьбы с религией о религии не писали и не говорили в средствах массовой информации, данные по зарегистрированным религиозным объединениям и незарегистрированным группам, не публиковались в официальной статистике. Научные исследования проводились, главным образом, в рамках научного атеизма. Они были, но, к сожалению, не затронули Восточного Забайкалья [18].

Отметим, что в Западном Забайкалье, на территории Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики исследования религии проводились. Примером является

историко-этнографическая экспедиция Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ) СО АН СССР 1962 г. по изучению специфики религиозной ситуации в Тункинском районе. Изучались состояние буддизма, деятельность лам и шаманов [5, л. 13]. Сказать, нашли ли данные полевых работ отражение в печатных изданиях, на сегодня мы не можем, но то, что они содержались в отчете по экспедиции, очевидно.

Можно констатировать, что по религии в Читинской области в советское послевоенное время отсутствовали такие виды источников, как статические сборники, средства массовой информации, отчеты по исследованиям.

В силу специфики времени, отсутствовали такие источники, как летописи, исторические и экономические описания, которых было относительно много в досоветское время, причем как опубликованных, так и нет, в том числе и по Забайкалью [4; 13; 22].

На сегодня не можем говорить относительно религии в рассматриваемое время о таких источниках по истории религии в целом и православия в частности, как мемуарная и эпистолярная литература, поскольку нами не встречены ни какие-либо воспоминания по предмету исследования, ни автобиографии или биографии.

Относительно истории религии в целом и истории православия в частности в Читинской области в послевоенный советский период на сегодняшний день можно назвать два основных источника. Это нормативно-правовые акты и делопроизводственная документация.

Первые, являясь общегосударственными, какой-либо специфики для региона не имеют. Они представляют интерес с точки зрения оценки общих тенденций развития религиозной ситуации в СССР и РСФСР. Проанализировать же, как они повлияли на религиозные процессы в Читинской области, или то, насколько происходящее соответствовало нормам, можно по второй группе источников – делопроизводственным документам. Это отчеты, переписки, протоколы, хранящиеся в архивных хранилищах.

Таким образом, основной, если не единственный источник по истории православной церкви в Читинской области в послевоенное советское время – это архивные документы.

В хранилищах Забайкальского государственного архива на сегодня не обнаружены документы по православной истории региона рассматриваемого времени. Такие документы есть в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Они и легли в ос-

нову исследования. Вероятно, удаленность ГА РФ от Забайкалья, где работает основная масса исследователей истории религий в регионе, является причиной отсутствия большого количества публикаций по проблемному полю статьи.

Состояние православия в Читинской области можно охарактеризовать с опорой на информационные отчеты по региону, которые составлялись Советом по делам Русской Православной Церкви (РПЦ) при Совете Министров СССР, на основе данных поступавших от уполномоченного названного Совета по региону. Определенную информацию получаем из переписок руководителей различных отделов Совета с уполномоченными. Интереснейшими представляются так называемые «наблюдательные дела» по Читинской области.

Следует сказать, что в целом документов не много, основная масса из них – кратки. Только использование всех видов документов позволяет собрать хоть какую-то более или менее полную информацию по предмету анализа.

Методология исследования.

Исследования опирались на использование традиционных для исторической науки подходов: формационного и цивилизационного. Использование первого оправдано анализом особенностей политики советского государства в отношении религий. Второй же важен при сравнении различных аспектов существования разных религиозных учений, в основе которых лежат свои цивилизационно-ценностные характеристики.

Основу работы составило использование основных принципов научного исторического познания, принципов объективности и историзма. Оба они важны при работе с любой исторической проблематикой, однако использование принципа объективности обретает особое звучание в разговоре о религии. Объективный подход исследователя позволят уйти от обидных для верующих, субъективно обоснованных оценок. Принцип историзма позволяет анализировать явления и факты в их историческом развитии. В данном конкретном случае он дал возможность рассматривать развитие православия в Читинской области в первой половине 1950-х гг. с отсылкой к более раннему и более позднему времени.

Исследование опирались на использование общенаучных и специальных научных методов. Работа с архивными документами предопределила использование методов сбора, анализа и синтеза материала. Методы дедукции и индукции позволили выстраивать логические цепочки от частного к общему, и наоборот.

Из специальных методов можно назвать метод сравнительно-исторического анализа, благодаря которому удалось рассматривать явления в сравнении, в их историческом развитии.

Основные результаты исследования.

К началу шестого десятилетия XX в. православная церковь в Восточном Забайкалье, как впрочем, и по всей стране, подошла в относительно неплохом состоянии. Относительно, поскольку две – три в разные годы зарегистрированные действовавшие церкви на территории достаточно большого по территории региона – это немного. Оценка же ситуации как достаточно неплохой связана с тем, что с первой половины 1930-х и до середины 1940-х гг. в Читинской области вообще не было действующих православных храмов, а в начале 1960-х гг. приходится новый виток борьбы с религией, получивший название «хрущевские антирелигиозные реформы».

Поворотной точкой в истории православной церкви в Советском Союзе после периода жесточайших гонений стал 1943 г., когда произошла знаковая встреча И. В. Сталина с высшими иерархами Русской православной церкви. Итогом разговора стало кардинальное изменение политики советской власти в отношении религий и, прежде всего, в отношении православия. Стали регистрироваться религиозные объединения и открываться храмы и молитвенные дома для служб. Не обошел этот процесс и Читинскую область.

Согласно более или менее достоверным имеющимся данным, в 1944–1945 гг. в регионе было открыто для служб три православных церкви, Читинская Воскресенская, Сретенская Георгиевская и Нижне-Хилинская Покровская [6, л. 16; 7, л. 4]. В то же время в одном из писем за подписью заместителя заведующего инспекционным отделом Совета по делам Русской православной церкви на имя уполномоченного по Читинской области отмечается, что церковей было 4 [6, л. 1]. Если про три церкви можно говорить с уверенностью, назвав их, что будет сделано далее, то о четвертой данных нет никаких.

Архивные источники позволяют нам назвать общее количества зданий церковей в Читинской области в первые послевоенные годы. Их было 176 [Там же, л. 1]. Все ли три из действующих церковей входили в общее указанное количество? Дело в том, что Воскресенская церковь в Чите располагалась с здании бывшего католического костела во имя Св. Петра и Павла.

По некоторым данным, православная религиозность в Читинской области в начале

1950-х гг., не может быть оценена как имевшая значительный подъем. Так, за первый квартал 1950 г. вообще не было ходатайств от верующих об открытии храмов. Более того, из-за конфликта в общине при Читинской Воскресенской церкви часть прихожан «ушла из церкви». Сократилась деятельность и двух иных церквей в регионе: Сретенской Георгиевской и Нижне-Хилинской Покровской. Причина – в отсутствии священнослужителей. В первой священником был Авдей Щенев, который, по мнению прихожан, не отличался благонравным поведением. Иначе как «пьяницей» и «развратником» в документах он не именовался. Архиепископ Иркутский и Читинский Высокопреосвященный Ювеналий (Килин) назначил ему в замену священника Мануилова (имени в документах нет). Он служил до этого в Читинской Воскресенской церкви. Отметим, что часть прихожан была недовольна и им. Прописан он был, видимо в Чите, поэтому осуществлять службы в Сретенске не смог. Туда вновь вернули Авдея Щенева, чем вызвали новое недовольство верующих. В итоге, на службах бывало по только по несколько стариков [7, л. 2–3, 18].

В Нижне-Хилинской церкви ситуация сложилась еще хуже. Ее настоятеля священника Селезнева (без имени в документах) перевели в Читку, обязав служить в Нижней Хиле, однако за первую половину 1948 г. он провел всего две службы [Там же, л. 2, 18].

Отдельные документы дают нам данные о пьянстве некоторых священников, их грубости, причем даже во время богослужений, вопрос с которым обещались решить епархиальные власти. Также священнослужители задерживали уплату налогов [Там же, л. 14, 17, 19].

Помимо упомянутых негативных характеристик отдельных священнослужителей, сильно повлиявших на общий климат религиозных сообществ, можно сказать и об иных. Так, назначенный в декабре 1946 г. епископом Хабаровским и Владивостокским, управляющим Якутской и Читинской епархиями Преосвященным Венедиктом (Пляскиным) священником Читинской Воскресенской церкви Иван Фёдорович Дувайкин прослужил всего один месяц. После этого, ссылаясь на нежелание своей семьи на выезд из Хабаровска, где она проживала, покинул Читку и больше не возвращался [6, л. 2].

Личные качества священнослужителей Читинской области в рассматриваемое время сыграли, если не определяющую, то значительную роль, в развитии православия в регионе, а точнее, в антиразвитии.

Священнослужителей на рубеже 1940–1950-х гг. было всего трое, их просто катастро-

фически не хватало. Для примера скажем, что в Иркутской области в начале 1950-х гг. было 30 представителей православного духовенства, из которых, помимо правящего архиерея Иркутского и Читинского, 9 протоиереев (1 митрофорный), 14 иереев, 1 протодиакон и 5 диаконов. Приписано к храмам 12 псаломщиков [10, л. 28, 106]. Более того, в соседней Якутской АССР – было 4 священнослужителя, а в Бурятской АССР три священника и два дьякона [9, л. 11; 12, л. 22, 31].

Отметим также, что в Иркутской области было аж 14 действовавших православных храмов [10, л. 28].

Приведенные данные позволяют нам назвать Читинскую область в разрезе предметного поля исследования, в переносном смысле, «обиженной младшей сестрой», которой досталось меньше всего внимания от родителей. Почему так произошло? На наш взгляд, причина именно в отсутствии внимания к развитию православия в регионе со стороны правящих архиереев, которые либо не стремились, либо были не в состоянии решить вопрос со священнослужителями для региона. Как видно из сказанного, те единицы, которые вели службы в церквях Читинской области, не устраивали прихожан. Архиепископ Ювеналий переводя священнослужителей в Читку, «оголял» храмы региона, не назначая туда новых.

В архивных источниках нами практически не встречено информации о посещении региона правящими архиереями или иными представителями епархиального руководства с проверками для выяснения уровня развития православия, потребностей православных верующих.

Отметим, что свою роль могли сыграть определенная «неразбериха» в руководстве епархии. Так, с 1943 г. территориально очень большой Иркутской и Читинской епархией управлял архиепископ Новосибирский и Барнаульский Высокопреосвященный Варфоломей (Городцев). До 28 ноября 1946 г. он также являлся временно управляющим Омской епархией [1]. И это в возрасте 80 лет. Возникает вопрос: «Когда и как он мог найти время и силы, чтобы уделить время Читинской области?»

Архиепископ Ювеналий был правящим архиереем краткий период, с 3 июня 1948 по 21 февраля 1949 г. Это при том, что в 1948 г. ему исполнилось 73 года и, очевидно, что в силу возраста было сложно совершать длительные поездки по отдаленным территориям большой епархии [25]. Очевидно, что «развернуться» ему на поприще развития православия в Читинской области не хватило и времени.

Пришедший ему на смену 21 февраля 1949 г. архиепископ Палладий (Шерстенников), с 9 июня того же года стал временно управляющим Хабаровской епархией [21]. Большая территория Восточной Сибири и Дальнего Востока, находившаяся под окормлением Палладия, также не давало больших возможностей для деятельности. В источниках читаем о приезде в Читинскую область в августе 1949 г. архиепископа, однако он был только в Чите, не посетив общины Сретенска и Нижней Хилы. Здесь достаточно показательными являются ответы секретаря Палладия протоиерея Рудых (имени в документах нет) на вопросы об открытии новых церквей в регионе. Он отметил, что в Чите нет нужды открывать вторую церковь в помещении так называемой «церкви декабристов», поскольку хватает имеющейся Воскресенской. На станции Ксеньевской (пос. Ксеньевка) Могочинского района открытие церкви также не целесообразно, так как группа православных верующих там очень маленькая, нет средств для аренды помещения под молитвенный дом и или церковь, но, самое главное – «...да если и откроем – нет священника». Только по станции Оловянная церковные власти были готовы рассматривать вопрос об открытии церкви, но там жители сами должны были подходящее помещение [7, л. 19].

На самом деле, в с. Ксеньевка найти еще до того, жителям отказано в открытии церкви со стороны советских властей по причине отсутствия помещения, а представители православной епархии не стали вступать в дискуссию с властями. В Оловянной же не хватало даже жилых помещений, поэтому согласие епархиального руководства поддержать открытие там церкви, представляется более формальным. Сделать это было невозможно. В то же время в населенном пункте отмечалась значительная православная религиозность населения. С 1913 по 1931 г. там служил уроженец священником этих мест Бастрыкин (в источнике без инициалов). Он в начале 1950-х гг. являлся священником Воскресенского храма г. Читы и по просьбе верующих Оловянной выезжал к ним и проводил службы [Там же, л. 10].

В последнем случае вопрос так и не был решен, однако для нас показателен сам подход. Епархиальное руководство не стремилось что-то делать для развития православия в регионе.

Вообще, о том, что в Читинской области, в рассматриваемое время бывали представители церковного руководства, архивные документы практически не говорят. Архивные источники говоря на о том, что в 1949 в Чите

был проездом в Харбин Архиепископ Харбинской и Маньчжурский, Экзарх Восточно-Азиатского Экзархата Нестор (Анисимов) и его секретарь Козловский (в источнике без инициалов) [Там же, л. 18]. На самом деле уже в 1946 г. Нестор возведен в сан митрополита [Там же, л. 19]. Однако самое важное в том, что, согласно некоторым данным, Нестор 14 июня 1948 г. был задержан китайскими властями и депортирован в СССР, где 25 декабря того же года осужден и до 10 января 1956 г. отбывал назначенный срок в Мордовской АССР [14]. Возникает вопрос, о ком шла речь в документе?

Известно, что в Москве на приеме у Патриарха Московского и Всея Руси Алексия (Симанского) с отчетом о состоянии православной церкви в Китае был глава Духовной миссии в стране архиепископ Виктор (Святин) [11, л. 7], однако произошло это в 1950 г. и данных о том, что границу СССР с Китаем на обратной дороге он пересекал из Читинской области (через населенный пункт Отпор, в настоящее время – г. Забайкальск), на сегодня, не встречено.

Описанная ситуация, когда священнослужителей было мало, не устраивала как минимум, часть прихожан: когда правящие архиереи, и не только Читинской и Иркутской епархии, практически не бывали в регионе, когда епархиальное руководство изначально не поддерживало верующих в их желании открытия храмов и замены священнослужителей. Но это, несомненно, устраивало органы власти Читинской области и Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви в регионе. Итог закономерен. Два из действовавших в конце 1940-х – начале 1950-х гг. храмов в Читинской области будут закрыты. Останется только церковь в административном центре региона – г. Чита. При этом количество прихожан значительно сократится, по сравнению со второй половиной 1940-х гг. По некоторым данным, с 300–400 до 100–200 человек. Доход читинской Воскресенской церкви в третьем квартале 1950 г. упал более чем в два раза по сравнению со вторым кварталом, с 88 900 до 41 800 р. [7, л. 17].

Ранее мы акцентировали внимание на том, что, по мнению уполномоченного Совета по делам РПЦ, православная религиозность в Читинской области к началу 1950-х гг., как минимум, не имела роста. В одном из документов встречаем упоминание о ее спаде по стране в целом. В одном из писем, относящихся к рассматриваемому времени, председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпов писал о снижении интереса к религии как в городе, так и в деревне. Религиозный подъем, особен-

но, пришедшийся на годы Великой Отечественной войны, с каждым годом слабел. На это влияло, по его мнению, улучшение материального положения граждан, подъем идеологической и культурно-просветительской работы. Количество посещений православных храмов значительно уменьшилось на начало шестого десятилетия XX в. по ряду регионов, причем, даже в двенадцатые праздники [8, л. 20–25]. Однако в перечне административно-территориальных единиц нет субъектов РСФСР в Восточной Сибири. Нет и Читинской области.

Подтверждением тому, что православные верующие в Читинской области были достаточно активны, служат, упоминавшиеся ходатайства об открытии церквей в Ксеньевской и Оловянной. Аналогичное ходатайство поступило в адрес Уполномоченного Совета по делам РПЦ по Читинской области в конце 1949 г. от жителей г. Балей. При этом группа верующих представляется значительной. Это 182 человека под руководством Марии Тимофеевны Сосниной [7, л. 25]. Относительно достоверные данные о том, что в Читинской области в послевоенное советское время было открыто только три церкви, позволяет говорить о том, что ходатайство православных верующих Балей осталось без ответа, что не удивительно в рамках нарисованной выше картины.

Следует уделить внимание уполномоченным Советом по делам Русской Православной Церкви по Читинской области. На сегодня нет точных данных по именам, отчествам и фамилиям всех уполномоченных по региону в истории. Отрывочные данные в источниках позволяют говорить о том, что в 1946 г. таковым был Михаил Филиппович Грабарь, в 1947 г. – товарищ Редкозубов (инициалов в документах нет), в 1949 г. снова М. Ф. Грабарь [6, л. 1, 10].

Для полноты представляемых данных, остановимся на некоторых цифрах статистики приема уполномоченными Советом по делам Русской Православной Церкви в Читинской области граждан. Так, только в первом квартале 1949 г. были приняты 41 человек, из которых 23 – священнослужителя, 4 – члена церковных советов, 5 – мирян и 9 – представителей советской власти [7, л. 3]. С учетом трёх священников в регионе, очевидно, что речь идет о 23 обращениях, а не персоналиях. Вполне возможно, что аналогична ситуация и с иными обращениями. Из всех обращений было 6 жалоб, 2 из которых касались налогообложения священнослужителей [Там же, л. 3]. Иных пояснений по жалобам источники не дают.

Насколько работа уполномоченных Советом по делам РПЦ по Читинской области удовлет-

воряла потребностям верующих и требованиям руководства названного Совета в целом, а также руководства региона, сказать сложно. В чистом виде таких оценок источники нам не дают. Однако можно попытаться дать такую оценку через анализ документов. Отчеты представлялись в краткой форме, не содержали серьезных аналитических выкладок. В письмах из Совета в некоторых случаях отмечалось, что уполномоченные не понимают, что от них требуется при заполнении отчетов. В одном из писем председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова на имя уполномоченного по Читинской области М. Ф. Грабаря читаем: «Ваш отчет не может удовлетворить Совет, так как в нем только общие рассуждения. Не видно ни влияния церкви, ни вашей работы» Показателем деятельности уполномоченных, на наш взгляд, также является деятельность религиозных сообществ. В начале 1950 г. были постоянные скандалы в общине Читинской Воскресенской церкви на почве разных предпочтений в священнослужителях. Уполномоченный с ситуацией справиться не мог [6, л. 1, 10; 7, л. 2, 7].

В то же время, как отмечалось ранее, «помогала» объективная ситуация конфликтов в среде православных верующих и священнослужителей и нежелание епархиального руководства, во-первых, решать возникавшие конфликты, а во-вторых, делать что-то для развития православия в регионе в целом.

Заключение.

Православие в Читинской области стало восстанавливаться в институализированной форме, т. е. стали появляться зарегистрированные религиозные объединения, церкви и священнослужители сразу после изменения отношения советской власти к религиям. Происходит это в 1944–1945 гг.

После периода гонений 1920–1930-х гг., периода полного отсутствия действующих православных храмов, в 1930-е – начале 1940-х гг. разрешение на официальное отправление культа, сразу нашло отклик у верующих.

Первоначальная динамика развития православия в регионе представляется достаточно хорошей. В кратчайшее время будут зарегистрированы три религиозных объединения и открыты для служб три церкви. Однако уже вскоре ситуация кардинально изменится и появятся негативные тенденции в существовании православной церкви в Читинской области. Можем пронаблюдать их с конца 1940-х гг.

Определяющими факторами развития православия в Читинской области на рубеже пятого – шестого десятилетий XX в. стало следующее:

– Нежелание руководства Иркутской и Читинской епархии предпринимать серьезные действия в отношении православной церкви региона.

– Личные качества священнослужителей, не позволявшие, в частности, держать полностью заполненный штат, а также негативно влиявшие на общий климат религиозных объединений.

– Политика советской власти, направленная на нераспространение религий, в том числе и православия. Обычно данный фактор называют основным в определении слабой динамики развития религий. Однако мы, на основе проведенного в исследовании анализа, позволим себе предположить, что он являлся

фоном, способствующим слабому развитию православия в регионе.

Превалирующие негативные тенденции привели к закрытию, в итоге, двух из трех действовавших церквей. На долгие десятилетия официальное, институализированное православие осталось только в административном центре региона – г. Чита.

Следует акцентировать внимание, что история православной церкви в Читинской области в послевоенное советское время практически не изучена. Данное исследование – это материалы для заполнения только отдельных ее страниц.

Важнейшей является дальнейшая работа с архивными документами в рамках предмета исследования.

Список литературы

1. Варфоломей (Городцов). Текст: электронный // Русское православие. URL: https://web.archive.org/web/20070325215615/http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_1534 (дата обращения: 08.03.2021).
2. Васильева С. В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 204 с.
3. Васильева С. В., Бураева С. В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 166 с.
4. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 8. Оп. 1. Д. 983.
5. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р18-57. Оп. 1. Д. 311.
6. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 213.
7. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 516.
8. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 602.
9. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1099.
10. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1100.
11. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1106.
12. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1206.
13. Историческое описание Посольского Спасо-Преображенского монастыря // Русские первоходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1998. Т. 3. С. 70–83.
14. Караулов А., Коростелев В. Митрополит Нестор – просветитель народов Камчатки (к 50-летию со дня блаженной кончины). Текст: электронный // ПРАВОСЛАВИЕ.RU. URL: <https://pravoslavie.ru/57160.html> (дата обращения: 08.03.2021).
15. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: ЗаГГПУ, 2007. 204 с.
16. Косых В. И. Забайкальская епархия в годы Первой мировой войны. Чита: ЗабГУ, 2014. 287 с.
17. Косых В. И. Советская власть и Забайкальская епархия: февраль – август 1918 г. Чита: ЗабГУ, 2015. 369 с.
18. Лопаткин Р. А. Об опыте советского периода отечественной социологии религии // Социология религии в обществе Позднего Модерна: материалы IV Междунар. науч. конф. (НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г.). Белгород: ИД «Белгород», 2014. С. 14–26.
19. Митыпова Г. С. Православная церковь в Бурятии (XX–XXI вв.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2006. 110 с.
20. Митыпова Г. С. Православие в истории и культуре Бурятии. Улан-Удэ: Республ. тип., 2005. 231 с.
21. Палладий (Шерстенников Павел Александрович). Текст: электронный // Новомученики, исповедники за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. URL: http://213.171.53.29/bin/db.exe/spc_1_foto/ans/newmr/?NYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTcCid71XeeujfeideKheCxyAHYqC5u2dOiUTaxZMWSr** (дата обращения: 08.03.2021).
22. Токмаков И. Историко-статистическое описание Свято Троицкого Селенгинского монастыря Забайкальской области. М.: [б. и.], 1895. 39 с.
23. Цыремпилова И. С., Злыгостева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940-х – 1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47–50.
24. Цыремпилова И. С. Русская Православная Церковь на территории Бурятии в 1940–1980-е гг. // Вестник Восточно-Сибирского гос. ин-та культуры. 2017. № 2. С. 37–43.

25. Ювеналий (Килин). Текст: электронный // Русское православие. URL: https://web.archive.org/web/20130617011627/http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_3251 (дата обращения: 08.03.2021).

Дроботушенко Е. В. – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, DRZZ@yandex.ru

Drobotushenko E. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, The Dean of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, DRZZ@yandex.ru

УДК 93/94
ББК 63.3(2ЧИТ.)

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИКО-МАССОВОЙ РАБОТЫ В ЧИТИНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Марина Владимировна Пряженникова

Забайкальский государственный университет, г. Чита
klichca85@yandex.ru

Статья основана на материалах фонда Государственного архива Забайкальского края. Автор анализирует организацию в Читинском государственном педагогическом институте политико-массовой работы в послевоенный период, указывая как на положительные, так и на отрицательные стороны. Обращается внимание на формы проведения данного вида работ, на их тематику. Указываются фамилии преподавателей и студентов, задействованных в агитационных мероприятиях.

Ключевые слова: педагогический институт, политико-массовая работа, конференция, беседа, лекция, преподаватели, студенты

ORGANIZATION OF POLITICAL AND MASS WORK AT THE CHITA STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN THE POST-WAR PERIOD

Marina V. Pryazhennikova

Transbaikal State University, Chita
klichca85@yandex.ru

The article is based on the materials of the State archive of Trans-Baikal Territory. The author analyzes the organization of political and mass work in the Chita State Pedagogical Institute in the post-war period, pointing out both positive and negative aspects. Attention is drawn to the forms of this type of work, to their subject matter. The names of the teachers and students involved in the campaign activities are indicated.

Keywords: pedagogical institute, political and mass work, conference, conversation, lecture, teachers, students

Читинский государственный педагогический институт (ЧГПИ) был создан в 1938 г. Помимо основной деятельности – учебной, институт – активно проводил научную, воспитательную, политико-массовую и ряд других работ, направленных на вовлечение как можно большего количества не только студентов и преподавателей, но и населения г. Читы и области. О ЧГПИ написано немало работ, в которых отражены разные аспекты деятельности вуза на протяжении более чем 80-летней истории его

существования [6–15]. В данной статье автор ставит своей целью показать, каким образом выстраивалась политико-массовая работа института в послевоенный период.

Такой вид работы, безусловно, имел место и в предвоенные, и военные годы. Однако в это время наблюдались существенные недостатки в проведении данной деятельности. До войны, когда вуз только начинал свою работу, общественные организации мало уделяли этому внимания, влиял на проведение общественных

мероприятий и тот факт, что вуз работал в две смены: первая с 8:30 до 14:00, вторая – с 15:00 до 20:30. Все собрания и другие общественные мероприятия приходилось проводить с 21:00, что не всегда можно было обеспечить участниками. Со второй половины 1940/41 учебного года произошёл незначительный перелом в этой области работы института: был выработан план общеинститутских лекций, которые проводились в субботу. После лекции обычно демонстрировали кино или давали концерт студенческой самодеятельности [1, л. 6].

Неплохо в предвоенный учебный год было организовано социалистическое соревнование в институте, которое проходило между отдельными студентами, группами, кафедрами и факультетами. Институт соревновался также с Иркутским педагогическим институтом. На протяжении второго полугодия 1940/41 учебного года работали агитаторы института на участке с населением, особенно эта работа была развёрнута в период подготовки к довыборам в депутаты Верховного Совета СССР по Читинской области и местные районные советы [Там же, л. 7].

В годы Великой Отечественной войны политико-массовая работа в институте проводилась в виде лекций и бесед по поводу годовщин или политических событий в стране, бесед на курсах и в группах, бесед и собраний с гражданским населением Читы и пригородов, в ходе киносеансов и внеклассных мероприятий. Каждая годовщина или политическое событие в стране, особенно связанное с войной, отмечалось в беседах, на собраниях, политинформациях после лекций. На таких собраниях осуществлялся призыв к организации помощи РККА по сбору тёплых вещей и подарков фронту. Проводились подписи на государственный заём обороны и на оба выпуска оборонной лотереи ОСОАВИАХИМА. Одной из форм политической работы было выделение пропагандистов-комсомольцев для ведения работы на курсах по чтке газет и по разъяснению текущих событий [Там же, л. 17 об.].

После окончания Великой Отечественной войны ситуация в организации политико-массовой работы в институте несколько изменилась. В 1947/48 учебном году преподаватели и студенты провели большую агитационно-массовую работу по выборам в местные Советы депутатов трудящихся. На избирательных участках работали агитаторами и доверенными лицами 73 человека. Преподаватели института Л. С. Клер, А. М. Соколова, Е. И. Артемов, Е. А. Сюткина выступали с лекциями и докладами перед агитаторами и избирателями. Заме-

ститель директора института по ОЗО Полозова работала заместителем председателя участковой комиссии, членами участковых и окружных избирательных комиссий являлись преподаватели института И. Ф. Дегтярев, К. В. Дитяева, Артемова, студентка Горина [2, л. 30]. Депутатами Городского совета депутатов трудящихся от института были избраны доцент В. Г. Изгачев, преподаватель Н. И. Чеснова, депутатом Районного совета – заведующая библиотекой Л. А. Покровская.

До мая 1948 г. агитколлектив в составе 30 человек продолжал вести агитационную работу на избирательном участке с чтением художественной литературы. С агитаторами проводились семинары по темам их бесед: «О советском патриотизме», «СССР в борьбе за мир и демократию» и др. Лучшими агитаторами являлись студентки-комсомолки Щербакова, Краснова, Путинцева, Сидюкова. Слабо работали – Плеханова, Недогазова, Золотухина [3, л. 93].

Систематически велась работа по идейно-политическому воспитанию среди преподавателей и студентов института. Для преподавателей был организован и работал раз в неделю (по четвергам) постоянно действующий семинар, на занятиях которого читались лекции и проводились теоретические собеседования по диалектическому и историческому материализму, по изучению трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина. Руководил семинаром заведующий кафедрой марксизма-ленинизма П. Е. Кряжев. В рамках семинара были проведены занятия по темам: «Маркс, Энгельс “Манифест Коммунистической партии”»; «Ленин “Что делать?”»; «Энгельс “Людвиг Фейербах”»; «Основные вопросы исторического материализма».

Для студентов и преподавателей были прочитаны лекции и доклады по темам: «30-летие Великой Октябрьской социалистической революции»; «О выборах в местные советы»; «О жизни и деятельности С. М. Кирова»; «Конституция СССР – самая демократическая конституция в мире»; «Биография И. В. Сталина»; «О жизни и деятельности В. И. Ленина»; «Ленинизм – великое знамя борьбы за коммунизм»; «Итоги философской дискуссии»; «Наша страна сделала новый крупный шаг по пути к коммунизму»; «О выполнении пятилетки в 4 года»; «30 лет Советской Армии»; «О международном дне 8 марта»; «О Парижской Коммуне»; «100-летие “Манифеста Коммунистической партии”»; «Международное обозрение»; «О жизни и творчестве А. М. Горького»; «Международное положение»; «Роль

Советского Союза в борьбе за мир и демократию»; «Военно-политическое положение Китая»; «О жизни и творчестве великого русского драматурга А. Н. Островского»; «О жизни и творчестве В. Г. Беллинского»; «Военная экономика Советского Союза»; «О жизни и деятельности М. В. Ломоносова» [3, л. 93]. Как видно, тематика лекций была разнообразной, рассчитанной на разные интересы, но имевшая идеологический уклон.

Преподавательским составом обсуждались итоги дискуссий по книге профессора Г. Ф. Александра «История западноевропейской философии». В студенческих группах проводились раз в неделю политзанятия. Устраивались встречи студентов с писателями Сибири К. Ф. Седых и Б. А. Костюковским.

Кроме того, преподаватели и студенты института принимали активное участие в различных митингах. Например, 16 декабря 1947 г. прошёл митинг, посвящённый проведению денежной реформы и отмене карточек. Состоялся митинг, посвящённый Указу Президиума Верховного Совета СССР о награждении учителей орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную педагогическую работу, митинг протеста против казни греческих патриотов [2, л. 30].

Ряду преподавателей и студентов была поручена городским и районным Комитетом ВКП(б) пропагандистская работа вне института (в университетах марксизма-ленинизма, партийных кружках, школах). Например, в базовой средней школе № 2 работал кружок по изучению истории ВКП(б), который посещали все учителя школы. Четыре преподавателя института преподавали в Вечернем университете марксизма-ленинизма (П. Е. Кряжев, Е. А. Сюткина, доцент В. Г. Изгачев, Л. С. Клер) [3, л. 94].

В конце 1947 г. силами преподавателей института была подготовлена и проведена теоретическая конференция по философскому труду В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Конференции предшествовала тщательная подготовка: был составлен план; проведено совещание с коммунистами и комсомольцами о их роли и задачах в подготовке и проведении конференции; прочитана лекция «Книга В. И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” – идейное орудие величайшего значения»; розданы темы для подготовки выступлений с учётом желания и специальности участников конференций; проводилась индивидуальная работа по оказанию помощи в подготовке докладов. Данная конференция проходила в течение трёх дней. Проводилась

также конференция, посвящённая 100-летию «Манифеста Коммунистической партии» и ряд других.

В январе 1948 г. для преподавателей был сделан доклад о решении XVI Пленума ЦК ВЛКСМ. После которого обсуждались задачи идейно-политического воспитания студентов. На открытом партийном собрании был поставлен вопрос о постановлении ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба». С докладом выступил директор института, профессор Л. Н. Воробьев. Обращалось внимание на идейно-теоретическое содержание лекций и семинаров [Там же, л. 95].

В институте работали общественные организации. Мобилизующей и организующей силой среди студентов и преподавателей являлась первичная партийная организация института. Коммунисты в учебной и общественной жизни играли авангардную роль, сплачивали коллектив на выполнение задач, стоявших перед институтом, и на преодоление трудностей роста института. После войны комсомольская организация насчитывала 400 человек. Секретарь Комитета ВЛКСМ М. И. Никифоров (член партбюро) за комсомольскую работу и в связи с 30-летием ВЛКСМ получил правительственную награду – медаль «За трудовую доблесть». Ряд комсомольцев института были награждены почётными грамотами ЦК ВЛКСМ, Читинского обкома ВЛКСМ и Горкома ВЛКСМ. Профорганизация студентов (председатель профкома, студент I курса учительского института И. И. Писарев, член партбюро), состоявшая из 500 человек, проводила большую работу среди студентов, сплачивала коллектив на выполнение учебных и воспитательных задач.

Местком союза работников высшей школы в первом семестре 1947/48 учебного года работал неудовлетворительно (председатель, старший преподаватель А. М. Соколова). В декабре 1948 г. на отчётно-выборном собрании был избран новый состав месткома (председатель, ассистент Е. С. Куликов), после чего его работа несколько оживилась [4, л. 79].

В сентябре – октябре 1948 г. весь коллектив студентов и преподавателей участвовал в 8 городских воскресниках, что требовало проведения тщательной подготовки к ним и обеспечения партийно-политической и культурно-массовой работы в пути и на месте воскресников, проводимых в 25–60 км от г. Читы. Организованное участие студентов и преподавателей в городских общественных мероприятиях, по уборке урожая в подсобных хозяйствах и колхозах, по ликвидации последствий наводнения в г. Чите и мероприятиях город-

ского штата местной противовоздушной обороны (МПВО) имело большое воспитательное значение. Массовое и активное участие в этих мероприятиях было отмечено общественными организациями и колхозами, которые выразили это в присланных письмах, благодарностях и грамотах.

Кроме того, Обком ВЛКСМ наградил комсомольскую группу II курса факультета русского языка и литературы (групкомсорг Михалева) почётной грамотой за хорошую организацию работы на воскреснике по уборке урожая и за личный пример в труде. Городской штаб МПВО наградил коллектив института почётной грамотой [4, л. 79].

Студенты института поддерживали постоянную связь с военными моряками Н-ской части Тихоокеанского флота. В июле 1949 г. в составе городской делегации на подшефный корабль была отправлена студентка Т. Ведерникова. В качестве ответного визита институт посетила делегация подшефного корабля.

Политико-массовая работа со студентами велась по заранее намеченному плану. Были проведены следующие мероприятия: обсуждение кинокартин и пьес; выпуск стенных газет и боевых листовок; смотр художественной самодеятельности. Лекции и доклады для студентов и преподавателей читались по таким темам как: «Энциклопедия основных знаний в области марксизма-ленинизма»; «Положение в Югославской компартии»; «Сергей Миронович Киров» (старший преподаватель А. А. Селеменев); «Итоги сессии ВАСХНИЛ» (заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, старший преподаватель П. Е. Кряжев, старший преподаватель Л. С. Клер); «О жизни и деятельности А. А. Жданова» (заведующий отделом пропаганды и агитации ГК ВКП(б) Орлов, заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, старший преподаватель П. Е. Кряжев); «Современная буржуазная философия – служанка атомно-долларовой демократии» (заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, старший преподаватель П. Е. Кряжев); «30-летие ВЛКСМ» (заведующая отделом школ Обкома ВКП(б) Е. А. Сюткина); «Значение Великой Октябрьской социалистической революции» (заведующий отделом пропаганды и агитации ГК ВКП(б) Орлов, ассистент Е. С. Куликов); «День Конституции»; «Книга В. И. Ленина “Две тактики социал-демократии в демократической революции”»; «О 31-й годовщине Советской Армии» (ассистент Е. С. Куликов); «ВКП(б) – организатор и руководитель комсомола»; «О Маяковском»; «Советская литература о Великой Отечественной войне» (преподаватель

общественных дисциплин, литературы и русского языка, кандидат филологических наук Ельцов); «О Лобачевском» (старший преподаватель Н. А. Каслов); «Доклад Молотова о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции»; «О международном положении»; «Советский суд – подлинно народный суд»; «Книга Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”» (лектор Обкома ВКП(б), старший преподаватель А. М. Черников); «Всенародная борьба за выполнение пятилетки в 4 года»; «Наша страна находится на новом подъёме»; «Борьба партии за коммунистическое воспитание трудящихся в период постепенного перехода от социализма к коммунизму»; «Борьба с буржуазным космополитизмом»; «Книга Сталина “Об основах ленинизма”» (старший преподаватель Э. Н. Шибер); «История Забайкалья» (студентка-отличница Н. П. Казанова); «О международном дне студента» (студент-отличник В. В. Герасимов); «Книга Ленина “Детская болезнь “левизны” в коммунизме”» (ассистент Д. Бадмаев); «О международном положении» (лектор Попов); «Международное движение демократической молодёжи» (секретарь Обкома ВЛКСМ Коркин); «В чём наше счастье (о советском патриотизме)» (студент Кобылкин); «История г. Читы» (студент Шелопугин); «Народно-освободительная борьба китайского народа» (лектор Титов); «Международный праздник 8 марта» (старший преподаватель А. М. Соколова); «О жизни и деятельности русского учёного Попова»; «XI съезд ВЛКСМ»; «Парижская Коммуна»; «День печати»; «О Дне Победы»; «О жизни и творчестве А. С. Пушкина» (студенты В. В. Герасимов, М. В. Черняев) [Там же, л. 80–81].

В связи с 30-летием ВЛКСМ был проведён во всех учебных группах четырёхчасовой семинар по теме «ВКП(б) – организатор и руководитель комсомола». Раз в неделю (по пятницам) проводились в учебных группах политзанятия по вопросам текущей политики. Руководили политзанятиями преподаватели, прикрепленные к учебным группам. Например, во втором семестре 1948/49 учебного года было проведено 14 занятий в каждой группе. Тематика этих занятий была следующая: «О 31-й годовщине Советской Армии»; «Материалы 5-й сессии Верховного Совета СССР (доклад Зверева о государственном бюджете на 1949 год и др.)» – два занятия; «Национально-освободительная борьба китайского народа» – одно занятие; «Материалы XI съезда ВЛКСМ» – три занятия; «О советских займах»; «Памятные даты (Парижская Коммуна, день 8 марта, день печати и т. д.)». Занятия проводились путём развёрну-

той беседы. Студенты предварительно получили план занятий, по которому готовились. Для изучения доклада В. М. Молотова о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции было организовано проведение коллективных чток текста, политзанятий, лекций и докладов [4, л. 82].

Политико-массовая работа института была также направлена и на культурную составляющую. Например, в 1949 г. организовано прошёл коллективный смотр с последующим обсуждением кинокартин «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», театральных постановок «Встреча юности», «Гроза». В актовом зале института был проведён вечер, посвящённый юбилею МХАТ. Хорошо был подготовлен и с большим успехом прошёл тематический вечер, посвящённый истории Забайкалья [Там же, л. 82].

Оправдал себя первый опыт проведения «Клубного дня», который был тщательно подготовлен, имел содержательную, разнообразную программу политического и культурного обслуживания студентов. Проведена теоретическая конференция, посвящённая 79-летию со дня рождения В. И. Ленина, на который было прочитано 6 докладов: «Ленин и Сталин о советском патриотизме и борьбе с буржуазным космополитизмом» (и. о. заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Э. Н. Шибер); «Книга Ленина “Две тактики социал-демократов в демократической революции”» (ассистент кафедры марксизма-ленинизма Е. Куликов); «Книга Ленина “Детская болезнь “левизны” в коммунизме» (ассистент кафедры марксизма-ленинизма Д. Бадмаев); «Ленин о советской педагогике» (заведующая кафедрой педагогики Д. Е. Клымнюк); «Ленин о Толстом» (ассистент кафедры литературы Л. А. Покровская); «Ленин и Сталин о народном творчестве» (и. о. заведующего кафедрой русского языка М. Л. Пинегина).

Партийная организация вместе с Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний организовали при институте молодёжный лекторий. Кроме студентов института лекторий посещала также молодёжь города. За 1948/49 учебный год в рамках лектория было прочитано 5 лекций: «О международном положении» – лектор Попов; «Международное движение демократической молодёжи» – лектор Коркин, секретарь Обкома ВЛКСМ; «В чём наше счастье? (О советском патриотизме)» – лектор Кобылкин, студент; «История г. Читы» – лектор Шелопугин, студент; «Народно-освободительная борьба китайского народа» – лектор Титов.

Программа тематических вечеров состояла из докладов и выступлений студенческой художественной самодеятельности. На эти вечера приглашали учащихся старших классов городских школ. Проводились вечера, посвящённые следующим событиям: 25-летию со дня смерти В. И. Ленина; 31-й годовщине Советской Армии; 8 марта; Дню радио (на вечер были приглашены учащиеся 10-х классов городских школ); А. С. Макаренко, А. С. Пушкину; Дню Победы; встрече студентов с учителями, награждёнными орденами и медалями [Там же, л. 83].

Активно было отмечено 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Были проведены торжественное заседание Учёного совета с докладом «А. С. Пушкин – национальная гордость русского народа»; два студенческих вечера, посвящённых А. С. Пушкину; объединённое заседание кафедр, на котором были заслушаны следующие доклады: «Пушкин – великий поэт русского народа» (заведующая кафедрой литературы С. Е. Зотова); «Пушкин – основоположник русского литературного языка» (ассистент кафедры русского языка И. А. Валентинова). На заседании кафедры литературы были обсуждены доклады «Пушкин – родоначальник новой русской литературы» (преподаватель литературы Е. Н. Рыбакова); «Жизнь и творчество А. С. Пушкина» (преподаватель литературы Л. А. Покровская). Эти доклады были прочитаны для студентов и преподавателей, а также на предприятиях и в учреждениях города.

Ещё одним массовым мероприятием, посвящённым великому русскому поэту, стала организация выставки в литературном кабинете. В Чите силами студентов и преподавателей ЧГПИ было проведено два вечера, посвящённых А. С. Пушкину (в районном Доме культуры им. Лазо, в клубе Ремзавода), прочитаны лекции преподавателями – 26, студентами – 10. Напечатано четыре статьи преподавателями в газете «Забайкальский рабочий» и одна статья студента Кунгура в газете «На боевом посту», посвящённые поэту. Организовано выступление студентов с Пушкинской программой перед микрофоном Читинского радиокомитета.

Однако ряд запланированных лекций и вечеров не состоялся по вине городских организаций. Например, был сорван вечер в клубе связи по вине руководства клуба, не обеспечившего аудитории. По этой же причине сорваны лекции в Доме учителя. Кроме того, в связи с экзаменационной сессией, не состоялась подготовленная студенческая научная конфе-

рениция, посвящённая А. С. Пушкину. Проведение конференции было перенесено на сентябрь 1949 г.

В институте был организован агитколлектив, работавший среди населения, в который входило 96 человек, руководил им первый заместитель секретаря партийной организации В. А. Алексеев. В период выборов народных судей агитколлективом проведены 340 бесед, после выборов – 224: «О советской армии (31-я годовщина Советской Армии)»; «О Международном женском дне»; «Народно-освободительная борьба китайского народа»; «О 5-й сессии Верховного Совета СССР»; «О 1 мае»; «О советских государственных займах»; «9 мая – День Победы над фашистской Германией»; «О XI Съезде ВЛКСМ»; «Борьба советского народа за восстановление народного хозяйства в послевоенный период».

Кроме того, агитаторами проведено 600 читок газет. 20 марта 1949 г. агитаторы помогли созвать собрание избирателей, на котором отчитался за свою работу депутат горсовета Богомолов. На собрании присутствовало 150 избирателей. Был избран квартальный комитет [4, л. 84].

Агитаторы распространили среди населения на 4 500 р. облигаций 4-го государственного займа. Лучшими агитаторами были студенты Лескова, Швецова, Сидорова, Путинцева, Рычкова, Машукова, Краснова, Федурин, которые регулярно три раза в месяц проводили беседы, тщательно готовились к ним и пользовались авторитетом среди населения.

Партбюро выделило члена ВКП(б) Власову для работы с техперсоналом института. Ежедневно она проводила с ними беседы на темы текущей политики. Проводились семинары агитаторов, на которых осуществлялся обмен опытом работы и давался инструктаж по проводимым беседам. Партбюро дважды обсуждало работу агитколлектива. Недостатком в организации агитационной работы являлось неудовлетворительное руководство агитаторами со стороны парторганизаций факультетов [5, л. 50].

Состояние политико-воспитательной работы в институте несколько улучшилось в первом полугодии 1950/51 учебного года. Планирование этого вида работы было проведено по факультетам и затем в целом по институту. Ежедневно в учебных группах проходили политзанятия, которыми руководили прикрепленные к группам преподаватели. За первое полугодие проведены политзанятия на темы: «Демократическая молодёжь в борьбе за мир», «Великие стройки коммунизма», «СССР – оплот мира и демократии», «Всемирный конгресс сторонников мира», «По докладу Булганина» и др.

Для руководителей политзанятий еженедельно проводились семинары, которыми руководил преподаватель Черемных. К студенческим общежитиям были прикреплены преподаватели, которые посещали студентов, выявляли их бытовые нужды, ставили вопрос перед дирекцией о ликвидации недостатков и проводили воспитательную работу. В общежитиях были проведены беседы о санитарной гигиене, доклады «Как самостоятельно работать над книгой», встреча с писателями Забайкалья, диспут «О дружбе и товариществе» [Там же, л. 50].

Активное участие студенты и преподаватели института принимали в подготовке и проведении выборов в местные Советы депутатов трудящихся и в Верховный Совет РСФСР. Преподаватели и студенты прочитали несколько десятков лекций и докладов для избирателей, агитаторы провели большое количество бесед.

В первом полугодии 1950/51 учебного года агитпункт проделала большую работу по развитию художественной самодеятельности, которая была создана на каждом факультете. Был организован городской смотр, в котором участвовало 150 студентов. По количеству участников смотра институт стоял на первом месте в городе. Хор института являлся лучшим в Чите. Коллектив художественной самодеятельности в период выборов в Верховный Совет РСФСР дал 15 концертов на избирательных участках и свыше 20 концертов в период выборов в местные Советы.

Были приняты в первом полугодии меры по улучшению развития физкультуры и спорта в институте. Преподаватель физической культуры Власов был послан на двухмесячные курсы по повышению квалификации в Москву. В период подготовки к выборам в местные Советы были организованы соревнования по гимнастике между факультетами. Физкультурники института проявили инициативу, вызвав на социалистическое соревнование на лучшую постановку физкультурной работы физкультурников педагогического института г. Улан-Удэ [Там же, л. 51].

В зимние каникулы группа физкультурников института выезжала для участия в товарищеских встречах по волейболу, баскетболу, шахматам со студентами пединститута Улан-Удэ: со счётом 3:1; читинская волейбольная команда девушек проиграла студенткам Улан-Удэ, и первенство по шахматам с минимальным преимуществом 5:4 завоевали шахматисты Улан-Удэнского пединститута. Шахматный спорт получил большое развитие в институте.

В состоявшемся городском шахматном турнире между учебными заведениями, команда ЧГПИ заняла первое место.

Серьёзное место в воспитательной работе среди студентов занимала стенная печать. В институте выходили три общеинститутские газеты: «За педагогические кадры» (педагогический институт), «За учительские кадры» (учительский институт) и комсомольская сатирическая газета «Бокс». Стенные газеты выходили на всех факультетах, на многих курсах, а также в общежитиях.

В состоянии политико-воспитательной работы в институте в первом полугодии 1950/51 учебного года были и крупные недостатки. Вопрос о политико-воспитательной работе обсуждался на Учёном совете, а также был предметом обсуждения на бюро Читинского городского комитета ВКП(б). И Учёный совет,

и бюро Горкома ВКП(б), отметив некоторые улучшения состояния политико-воспитательной работы, указали на ряд существенных недостатков и наметили пути их устранения [5, л. 52].

В целом же политико-воспитательная работа института в послевоенный период была поставлена неплохо. По большей своей части она заключалась в организации и проведении тематических вечеров, лекций и бесед, которые проходили не только в стенах института, но и в других организациях г. Читы. Кроме того, преподаватели и студенты ЧГПИ принимали активное участие в тематических научных конференциях, в социалистических и спортивных соревнованиях, в художественной самодеятельности, привлекали к политико-массовой работе подшефные школы, участвовали в организации и проведении выборов.

Список литературы

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАЗК. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 14.
3. ГАЗК. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 17.
4. ГАЗК. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 23.
5. ГАЗК. Ф. Р-177. Оп. 1. Д. 45.
6. Дроботушенко Е. В. Музеи Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского: вехи истории // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. 2019. № 9. С. 17–20.
7. Забайкальский государственный педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. История и современность: 1938–1998. Чита: ЗабГГПУ, 2008. 254 с.
8. Катанаев И. И. Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин: Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 1: А–М. С. 305–307.
9. Константинов М. В. Музей археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова (к 50-летию деятельности) // Записки Забайкальского отделения Русского географического общества. Чита: ЗабГУ, 2019. С. 34–42.
10. Константинов М. В. Полувековая деятельность музея археологии Забайкалья имени И. И. Кириллова // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 168–177.
11. Кузнецов В. В., Яремчук О. А., Пряженникова М. В. Факультет физической культуры и спорта Забайкальского государственного университета: история и современность // Теория и практика физической культуры: научно-теоретический журнал. 2019. № 12. С. 3–5.
12. Лобода М. А. Читинский государственный педагогический институт в годы войны // Чита в годы Великой Отечественной войны: сб. статей, документов и фотодокументов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита: Экспресс-изд-во, 2015. С. 329–332.
13. Яремчук О. А. Деятельность Читинского государственного педагогического института в 1938–1940 гг.: трудности предвоенного периода // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова (Иркутск, 28 апреля 2020 г.) Иркутск: Отгиск, 2020. С. 293–298.
14. Яремчук О. А. Преподавательский состав исторического факультета Читинского государственного педагогического института в предвоенные годы // Приграничный регион в историческом развитии: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году единения российской нации и 80-летию высшего педагогического образования в Забайкальском крае: в 3 ч. Чита: ЗабГУ, 2018. Ч. 1. С. 18–22.
15. Яремчук О. А., Батаев Д. Ю. Основные вопросы деятельности Читинского государственного педагогического института в 1941 году (по протоколам заседаний Учёного совета) // Забайкалье историческое: материалы IX Межрегион. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2020. С. 165–171.

.....
Пряженникова М. В. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия, klichca85@yandex.ru

Pryazhennikova M. V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Docent of the Department of History Faculty of History and Philology, Transbaikal State University, Chita, Russia, klichca85@yandex.ru

.....

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Представленные к публикации материалы должны иметь научный характер, обладать новизной. Опубликованные ранее материалы к публикации не принимаются.

Правила оформления:

- формат страницы: А 4 (210x297);
 - текстовый редактор: Microsoft Word;
 - шрифт: Times New Roman, кегль 12;
 - межстрочный интервал: одинарный;
 - поля (левое, правое, верхнее, нижнее): 2 см;
 - абзацный отступ: 1,25 см (при создании абзацев не пользоваться табуляцией и пробелами), выравнивание текста по ширине;
 - ориентация: книжная, без простановки страниц, желательно без постраничных сносок;
 - без переносов;
 - графики, таблицы, рисунки: черно-белые, без цветной заливки;
 - фотографии и рисунки: в формате Jpeg, с подписями;
 - учет разницы между знаками «тире» и «дефис»;
 - общепринятые сокращения: т. д., т. е., т. п.; не общепринятые сокращения присылаются с расшифровкой;
 - инициалы пишутся слитно в статье (И.И. Иванов) и отдельно в списке литературы (Иванов И. И.);
 - ссылки на литературу и источники внутритекстовые, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5.-2008; пример: [3, с. 35–38], [4], [2, с. 41; 6, с. 45–46], [8, л. 12; 9, л. 9–11; л. 8–8 об.];
 - список источников и литературы дается в конце статьи, в алфавитном порядке.
- Объем представляемой к публикации статьи или тезисов – до 10 страниц.
- Краткая аннотация статьи – на русском и английском языках. Аннотация содержит оценку новизны, краткую характеристику представленного материала и результатов исследовательской работы. Размер аннотации – 5–7 строк.
- Ключевые слова и фразы даются на русском и английском языках (не менее 5–7).
- На первой странице указывается по центру фамилия, имя, отчество автора (-ов) (полностью) жирным шрифтом, курсивом, кеглем 12.
- Без пробела – место работы (полностью) обычным шрифтом, курсивом, кеглем 12.
- Без пробела – город, страна обычным шрифтом, курсивом, кеглем 12.
- Через пробел – название статьи или тезисов, жирным шрифтом, прописными буквами (на русском языке), кеглем 12.
- Через пробел – аннотация с отступом (на русском языке), кеглем 12.
- Через пробел – ключевые слова с отступом (на русском языке), кеглем 12.
- Через пробел – название статьи или тезисов жирным шрифтом, прописными буквами (на английском языке), кеглем 12.
- Через пробел – аннотация с отступом (на английском языке), кеглем 12.
- Через пробел – ключевые слова с отступом (на английском языке), кеглем 12.
- Через пробел – текст статьи или тезисов с отступом 1,25 см.
- После текста – статьи или тезисов через пробел набирается жирным шрифтом **«Список литературы»** без отступа, кеглем 12.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК
ББК

Иван Иванович Иванов

Забайкальский государственный университет, г. Чита

1234....@yandex.ru

**Спорные аспекты истории
Русской Православной Церкви
в Забайкалье в 1920-е годы**

Аннотация (на русском языке)...

Ключевые слова (на русском языке): ...

Ivan I. Ivanov

Transbaikal State University, Chita

1234....@yandex.ru

**Controversial Aspects of the History
of the Russian Orthodox Church
in Zabaikalye in 1920-s**

Аннотация (на английском языке)...

Ключевые слова (Keywords) (на английском языке): ...

Текст статьи...

Список литературы

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Список литературы

1. Архиереи Арзамасского викариатства (1920–1937). Текст: электронный // Благочиние города Арзамаса. URL: <http://arzblag.ortox.ru/blagochinie/istoriya/deyateli-cerkvi/archierei-arzamasskogo-vikariatstva-1920-1937-g> (дата обращения: 14.01.2021).
2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6343. Оп. 1. Д. 234.
3. ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 1. Д. 1.
4. Косых В. И. Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: ЗабГГПУ, 2007. 204 с.
5. Ланцова Ю. Н. Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 – начале 1930-х гг. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 98–101.
6. Саввин Д. В. Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2. С. 173–202.
7. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ: Ин-т монголовед., буддол. и тибетол. СО РАН, 2000. 42 с.
8. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь и государственная власть в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона): дис ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2009. 491 с.
9. Rutt R. The Orthodox Church in Korea // *Sobornost*. Summer. 1957. № 3. P. 480–490.
10. Zernov N. *The Russian Religious Renaissance of the XX Century*. London: Harper & Row Harper & Row, 1963. 410 p.